

Все испытывайте, хорошего держитесь.
Ап. Павел (1 Фес 5: 21)

WORLD
OF CULTURE
AND CULTUROLOGY

2025

volume 2

issue 3-4

Since 2010

*Published
4 times a year*

St. Petersburg

МИР КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

2025

ТОМ 2

ВЫПУСК 3–4

*Основан
в 2010 г.*

*Выходит
4 раза в год*

Санкт-Петербург

Главный редактор

И. В. Кондаков

Зам. главного редактора

О. Н. Астафьева

Выпускающий редактор

М. Г. Тихомиров

Редакционная коллегия

Д. К. Богатырев, И. И. Докучаев, Т. И. Ерохина, А. В. Костина, Е. В. Листвина,
И. В. Малыгина, Р. В. Светлов, О. И. Сгибнева, Т. Сиднева, Е. В. Хлыщева.

Мир культуры и культурология.

2025. Том 2. Вып. 3–4. — СПб.: АНО ВО «РХГА», 2025.

ISSN печатной версии 2949-334X

ISSN электронной версии: 3034-5677

Editor-in-Chief

Igor Kondakov

Editor

Olga Astafieva

Production editor

Mark Tikhomirov

Editorial Board

Dmitry Bogatyrev, Ilya Dokuchaev, Tatiana Erochina, Anna Kostina,
Evgenia Listvina, Irina Malygina, Roman Svetlov, Olga Sgibneva,
Tatiana Sidneva, Elena Hlysheva.

The Russian Christian Academy for the Humanities
named after Fyodor Dostoevsky Publishing House
St. Petersburg, Russia

- © Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, 2025
- © Российское культурологическое общество, 2025
- © Авторы выпуска, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Муравьев А. Н., Соколов А. М.*
О всемирно-историческом основании и значении современных событий. 9
- Кондаков И. В.*
Русская и китайская культуры: общее и особенное. 18
- Холод С. В.*
Сон в культуре позднего капитализма:
режим 24/7 в теории Джонатана Крэри и практики бодрствования 37
- Шадиева О. П.*
Социализация личности
в цифровой культуре сложностного мира. 48

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Ващенко Т. С.*
Сад как элемент культурного кода территории
(на примере садово-парковых комплексов Крыма). 61
- Каташук Е. О.*
Традиция изображения перевернутой пентаграммы
вне сатанинского контекста. 72

ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Крюкова Л. С.*
О состоянии русского языка и культуры в современной Словакии81

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Добровольская Т. В.*
Развитие эмоционально-волевой саморегуляции младших школьников на занятиях по каллиграфии с элементами арт-терапии.90

ЭСТЕТИКА И ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

- Ван Лэй, Се Ипин*
Деконструкция власти и размышление о будущем России
в прозе В. Сорокина.99
- Лукина Л. Е.*
Культурные концепты в научной фантастике Советского времени:
зеркало эпохи или универсальность?
(к 100-летию со дня рождения Александра Орестовича Хлебникова).107
- Хаунин В. Г.*
На подступах к изучению парадигмы «оппозиция — связи»
в исследовании С. М. Эйзенштейна «Роден и Рильке»119

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Лю Сюаньцзы*
Актуальные ценностные ориентиры современной культуры
и их влияние на образовательные цели: российский и китайские подходы . . .131
- Рябов В. Ю.*
Деструктивные практики параправославных групп на территории России . . .145

CONTENTS

PHILOSOPHY AND THEORY OF CULTURE

- Muravev A. N., Sokolov A. M.*
About the world-historical foundation and the significance of modern events.9
- Kondakov I. V.*
Russian and Chinese cultures: common and special18
- Kholod S. V.*
Sleep in the culture of late capitalism: the 24/7 regime
in Jonathan Crary's theory and practices of wakefulness37
- Shadiyeva O. P.*
Personal Socialization in the Digital Culture of a Complex World48

HISTORY OF CULTURE

- Vashchenko T. S.*
Garden as an element of cultural code of the territory
(in example of the garden-park complexes of Crimea)61
- Katashuk E. O.*
The Tradition of depicting the inverted pentagram outside the satanic context72

ETHNOCULTURAL STUDIES

- Kryukova L. S.*
About the state of the Russian language and culture in modern Slovakia81

PEDAGOGICAL CULTUROLOGY

Dobrovolskaya T. V.

Development of emotional-volitional self-regulation of primary school students in calligraphy classes with elements of art-therapy.90

AESTHETICS AND ART IN THE CONTEXT OF CULTURE

Wang Lei, Xie Yiping.

Deconstruction of power and reflection on the future of Russia in the prose of V. Sorokin99

Lukina L. E.

Cultural concepts in science fiction of the soviet era: a mirror of the era or universality? (to the 100th anniversary of the birth of Alexander Orestovich Hlebnikov)107

Haunin V. G.

On the way to studying the «opposition—relations» paradigm in S. M. Eisenstein's study "Roden and Rilke"119

CULTURAL SCIENCE IN APPLY

Liu Xuanzi.

Current value orientations of modern culture and their influence on educational goals: Russian and Chinese approaches131

Ryabov V. Yu.

Destructive practices of para orthodox groups on the territory of Russia145

УДК 141.7

*А. Н. Муравьев, А. М. Соколов**

О ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ И ЗНАЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ

Статья посвящена современному состоянию мировых дел, которое несет в себе реальные риски масштабного конфликта, включая возможность эскалации в таких регионах, как Украина и Ближний Восток. Сравнивая эти события с прошлым, например, с Гражданской войной в Испании и Зимней войной между СССР и Финляндией, авторы показывают, что нынешняя напряженность отражает более глубокие исторические и структурные процессы, а не случайность или чьи-либо личные намерения. Для преодоления этих вызовов подчеркивается необходимость конструктивного диалога между различными цивилизациями, условно обозначаемыми как Восток и Запад или глобальный Юг и Север, с целью согласования различных принципов организации общества и государства. Авторы предполагают, что наиболее надежной основой для такого диалога может стать классическая философская традиция, которая на протяжении веков, от Фалеса и Парменида до Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, развивала строгий логический метод познания истины и разрешения сложных противоречий. Применяя философию истории немецких идеалистов к современным событиям, статья рассматривает геополитическую напряженность, включая партнерство России и Китая и конфликты на Украине, как часть продолжающегося всемирно-исторического процесса. Авторы обсуждают как теоретические, так и практические условия, необходимые для снижения риска катастрофического конфликта, включая создание образовательных систем, основанных на принципах классической философии. В течение двух–трех по-

* Муравьев Андрей Николаевич — д-р филос. наук, доц.; muravyovan@yandex.ru; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Соколов Алексей Михайлович — д-р филос. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Andrei Nikolaevich Muravev — Dr. of Sci. in Philosophy, Associate Professor; muravyovan@yandex.ru; Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Alexei Michajlovich Sokolov — Dr. of Sci. in Philosophy, Associate Professor; Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

колений такое образование может способствовать развитию критического мышления, моральной ответственности и рефлексивного подхода, создавая основу для мирного диалога между народами. В этом контексте Россия может выполнять роль геополитического моста, способствуя взаимодействию глобального Севера и Юга и поддерживая более широкий культурный и этический прогресс в обществах.

Ключевые слова: Россия, Украина, коллективный Запад и Восток, глобальный Север и Юг, логический метод, история философии, система образования.

A. N. Muravev, A. M. Sokolov
ABOUT THE WORLD-HISTORICAL FOUNDATION
AND THE SIGNIFICANCE OF MODERN EVENTS

This article examines the contemporary global situation, which carries real risks of large-scale conflict, including the potential for escalation in regions such as Ukraine and the Middle East. Drawing parallels with past conflicts, such as the Spanish Civil War and the Winter War between the USSR and Finland, the authors argue that these tensions reflect deeper historical and structural forces rather than mere chance or individual intentions. To address these challenges, the article emphasizes the importance of initiating constructive dialogue between different civilizations, broadly conceived as East and West, or the global South and North, in order to reconcile differing principles of social and political organization. The authors propose that the most effective framework for such dialogue is rooted in classical philosophical thought, which over centuries, from Thales and Parmenides to Kant, Fichte, Schelling and Hegel, has developed a rigorous logical method for understanding truth and resolving complex contradictions. Applying the philosophy of history of the German idealists to contemporary events, the article interprets geopolitical tensions, including the Russia–China partnership and the conflicts in Ukraine, as part of an ongoing world-historical process. The authors discuss both the theoretical and practical conditions necessary to reduce the risk of catastrophic conflict, including the creation of educational systems grounded in classical philosophy. Over the course of two to three generations, such education could cultivate critical thinking, moral responsibility, and reflective engagement, providing a foundation for peaceful dialogue between nations. In this way, Russia may serve as a geopolitical bridge, facilitating interactions between the global North and South, and contributing to a broader cultural and ethical development across societies.

Keywords: Russia, Ukraine, the collective West and the East, the global North and the South, the logical method, the history of philosophy, the education system.

In February 2022, as in October 1917, Russia once again, unexpectedly for many people, appears at the centre of world events. According to Hegel, the owl of Minerva flies at twilight. As has often happened before periods of major historical change, today the twilight of certain long-dominant historical assumptions (among which are often mentioned the perceived inevitability of the capitalist mode of production and Western global leadership) has become so deep that its flight can no longer be postponed. This is why it is necessary to clarify what is still hidden in the darkness without delay, because without this, the trajectory of world historical development, which has often been described as moving from East to West, may enter a period of serious uncertainty. The aim of this article is to present a classical philosophical view on the world-historical foundations and significance of modern events, which may open before humanity the possibility of a new stage in its development.

The world situation contains not only potential but real dangers of a new world war. In the course of this period, the authorities of the so-called collective West,

which is currently in serious geopolitical confrontation with Russia, may be tempted to consider the use of nuclear weapons. Since the outcome of such a war would be impossible to determine in any meaningful sense, let us turn our attention to the only constructive alternative: the preparation of a peaceful dialogue between the civilizations of what are often described as the West and the East, or the global North and the South, with Russia potentially acting as a geopolitical bridge between them.

Only such a dialogue can provide a constructive and rational way to address the escalating conflict between deeply opposed value systems. The language necessary for such a dialogue is rooted in the history of classical philosophy. This tradition spans more than two thousand years and historically influenced the formation of many scientific disciplines, including mathematics. Today, its influence is often challenged by various trends in post-classical philosophy, which tend to question or critically reinterpret the principles of classical thought. However, classical philosophy, from Thales and Parmenides to Kant, Fichte, Schelling and Hegel, developed a logical method that remains relevant for contemporary reflection. It may help us seek ways of addressing persistent contradictions. Even if the situation seems hopeless, the human mind, shaped by engagement with the history of classical philosophy, is capable of orienting itself within it.

The development of this intellectual tradition by these thinkers demonstrated that a fully developed rational mind is not merely a spontaneous natural capacity, nor simply a technical construct, but the result of a long cultural and philosophical evolution. Based on this method and the philosophy of history of Kant, Fichte, Schelling and Hegel, and taking into account historical realities unknown to them, we will outline the necessary conditions for initiating this peaceful dialogue.

The first two questions, the answers to which lead to the disclosure of the topic of this article, are: what is world history, and what stage has the historical process reached in our time.

All four named German idealists, each in his own way expounding a philosophy of history, agree that the world-historical development of humankind is a highly dramatic process. Philosophically understood, this development is, in their view, a profound historical drama (neither simply optimistic nor pessimistic), sometimes described in metaphorical terms as a tragedy or an “apocalypse”, that is, a process in which the absolute is reflected in human spiritual and cultural life. In this perspective, it is associated with movements toward overcoming forms of domination and with moral transformation in the relationship between people and between humanity and nature — developments linked to the growth of reflective and rational thinking. In this sense, world history can be understood as a prolonged crisis — a kind of reflective process through which spirit evaluates its own historical forms as they unfold in time. It is sometimes figuratively compared to a “Last Judgment”, not as a literal future event, but as an ongoing process, since history often appears to move toward its aims in indirect and conflict-ridden ways, including wars between nations. Contrary to the view that such a “judgment” belongs only to an indefinite future, this perspective suggests that humanity has long been living within such a transformative historical phase, which may now be approaching a particularly intense stage.

Classical philosophy encourages those who study it to view world history in moral, aesthetic, and religious-symbolic dimensions. This perspective suggests

that within the world-historical process, the true and the false, the good and the harmful, the beautiful and the disturbing, the sacred and the profane, the great and the ordinary are deeply intertwined, despite their differences and even oppositions. For this reason, reflection on world history cannot be reduced to a narrowly rationalistic or moralizing approach. Historical events resist simple evaluation from limited standpoints, since they are embedded in broader historical contexts. In this sense, world history may be understood metaphorically as a kind of “judgment”, not in the sense of a literal tribunal, but as a process through which historical forms reveal their meaning over time. Within this figurative “court”, what some traditions describe as spirit can be seen as both subject and object of historical development, while the totality of circumstances and events is sometimes interpreted in religious cultures through the idea of providence. At particularly tense moments of historical development, this process can manifest itself in highly contradictory ways, creating the impression of disorientation or crisis in the contemporary world. This complexity should be kept in mind when forming one’s attitude toward ongoing conflicts, including those in Ukraine and the Middle East, as well as toward the persistence of military confrontations more broadly. Otherwise, overly simplified or abstract forms of pacifism may fail to account for the complexity of historical reality.

From the perspective of those traditions in which classical art, Christian thought, and classical philosophy reflect on history in universal terms, modern events may be seen as part of a late and especially intense phase of a long world-historical drama, moving toward what might be described as a post-historical epilogue through the efforts, suffering, and lived experience of many people. This drama has unfolded over more than two or three millennia. It is tragic that world history has often been marked by violence and hardship, yet it remains a dynamic and unfinished process, developing rather than remaining static. Many observers note that the pace of historical change appears to increase over time. What, in this symbolic perspective, is the goal toward which humanity moves, including the peoples of Russia and Ukraine, Israel and Palestine, Syria and Iran? Christian tradition expresses this in the language of redemption: through suffering and trial, humanity is understood as striving toward the overcoming of evil and toward reconciliation. In more general philosophical terms, this can be interpreted as a movement toward moral and spiritual renewal, a kind of “second birth” of humanity into more conscious forms of freedom and responsibility. Such renewal is often described in religious imagery associated with death and resurrection, which can also be read metaphorically as the transformation of outdated forms of life and thought within individuals and societies. In many philosophies of history, this process unfolds unevenly and often through conflicts, since historical development does not proceed in full clarity or self-awareness. Examples from different epochs, such as conflicts between ancient empires and emerging cultures, or later struggles between different civilizational formations, are sometimes interpreted as moments that intensified historical change. From this perspective, historical development involves a tension in which aspirations toward the good coexist with persistent forms of injustice, producing a deeply contradictory process.

If we look at the current condition of humanity as a whole, we may observe that different regions of the world have developed distinct historical patterns of

social organization. In many societies often associated with the “East” or the global South, communal, familial, and traditional forms of social cohesion have historically played a significant role, whereas in societies commonly described as “Western”, social life has more often been structured around institutions, law, and individually defined social roles. The history of Europe, from the ancient Greeks and Romans onward, can be interpreted by some philosophers as a gradual differentiation of earlier forms of communal unity into a plurality of individual subjects, who sustain their lives through complex networks of social relations within what later came to be called civil society, a concept often positively evaluated in liberal thought. Hegel, who closely analyzed such a form of society, described civil society in the *Phenomenology of Spirit* and later in the *Philosophy of Right* as a sphere in which individual interests, needs, and particular aims interact in tension with one another. In this sphere, conflicts of interest and competition are unavoidable, which is why institutions such as law, public authority, and ethical norms arise to mediate and regulate these interactions. In § 183 of the *Philosophy of Right*, Hegel characterizes civil society as a “system of needs”, emphasizing both its dynamic energy and its internal contradictions. In contemporary discussions, the United States is often viewed as a particularly influential model of this institutional and individual-centered form of social organization. The European Union, for a long period shaped by the political traditions of countries such as Germany and France, has also played an important role in balancing different tendencies within the broader Western world, although its internal and external political autonomy has been the subject of ongoing debate, especially since the late 2000s.

The more than thousand-year history of the Russian state can be interpreted as a development shaped by the tension between communal forms of social organization often associated with Eastern traditions and civic-institutional forms commonly linked to Western historical experience. The interaction between these different principles of social life reached a particularly acute stage toward the end of the Soviet period. The disintegration of the USSR into a number of independent states represented a dramatic and complex transformation, which for many observers appeared to offer only a provisional and unstable resolution of earlier structural tensions. These events did not signify the “end of history”, as was famously suggested by Francis Fukuyama, but rather the beginning of a new and uncertain phase of global development. In the decades that followed, the international system has often been described as marked by imbalances of power and competing models of political and economic organization. Since 2014, relations between Russia and the United States have entered a period of open and sustained confrontation, reflecting deeper disagreements over security arrangements and the structure of the international order. In this context, cooperation between Russia and China has intensified. China is widely regarded as one of the most economically dynamic and politically influential countries in the contemporary world, and its partnership with Russia is often interpreted as an important factor in the ongoing reconfiguration of global power relations.

What is the central issue of the modern world situation? Rather than approaching this question through speculative futurology, one may turn to the long history of relations between the European West and Russia, as well as between Russia and the societies of Asia, from the thirteenth to the mid-twentieth century. Over

these centuries, a number of major historical events significantly influenced the configuration of Eurasian political space. Among them are the conflicts with the Teutonic Order in the thirteenth century, the struggle with Sweden in the early eighteenth century, the wars with Napoleonic France, and the revolutionary upheavals in Russia during and after the First World War, followed by the Civil War of 1918–1922. The large-scale social and economic transformations of the Soviet period, including collectivization and industrialization, played an important role in shaping the USSR's military and political capacity during the Second World War and in its subsequent participation in the reorganization of the international order in Eurasia, including its involvement in the emergence of the People's Republic of China. Cultural and intellectual influences also formed part of these broader processes; for example, the works of Leo Tolstoy are often noted for their impact on global ethical and political thought, including on figures such as Mahatma Gandhi during the period of India's struggle for independence. Taken together, these developments are sometimes interpreted as illustrating Russia's significant and recurrent role in the historical formation of the Eurasian political landscape. Its geographical position between Europe and Asia has often contributed to its involvement in interactions across both regions. In certain philosophical interpretations of history, including readings influenced by Hegel, shifts in cultural and political initiative from one historical context to another have been described metaphorically as a "transfer of the baton", though such images remain interpretive rather than literal. The historical relationships among Russians, Belarusians, and Ukrainians are frequently discussed in terms of close linguistic, cultural, and historical connections, while also reflecting the complex and evolving character of their separate political trajectories.

The main lesson that may be drawn from these events, from a philosophical point of view, is that the tension between East and West in the world, and particularly in Russia, is unlikely to be understood in a deep and coherent way without engagement with the logical and conceptual methods that emerged in the historical development of philosophy, especially in German classical thought through the works of Kant, Fichte, Schelling, and Hegel. What, then, is required to study, appropriate, and further develop this mode of thinking oriented toward the search for truth?

One of the important intellectual tasks of the present time, and a theoretical condition for addressing the serious challenges facing humanity, is a reconsideration of the prevailing attitude toward the history of philosophy. It would be valuable if both the philosophical community and the broader academic world moved beyond viewing the history of philosophy merely as a succession of doctrines proposed by different thinkers — an approach that reflects only its most superficial aspect. It is not sufficient to regard philosophical teachings as having followed one another in a merely contingent sequence. At the same time, the appearance of influential figures who periodically reshape philosophical orientations continues to this day. These features can create the impression that the history of philosophy is essentially a form of doxography, the cataloguing of diverse opinions. As a result, students may come to see philosophy either as the dogmatic defense of particular doctrines or as a field of shifting intellectual fashions that invite skepticism rather than sustained engagement. Under such conditions, philosophy can appear to both individuals and the broader public less as a disciplined search for wisdom and more as an interest in competing

viewpoints. This perception may weaken the development of a serious and lasting intellectual commitment to philosophy during students' formative academic years.

Both the academic context and the broader challenges of the modern world suggest that historians of philosophy, especially those teaching this foundational discipline in philosophical education, may benefit from focusing on the underlying unity of the history of classical philosophy. This unity emerged through a multiplicity of thinkers and debates, because, despite their disagreements, many philosophers were engaged in the same fundamental task: the development of a fully rational mode of thinking. According to this perspective, the culmination of this historical development can be seen in Hegel's system. Building on the work of his predecessors and his own contributions, Hegel articulated and presented a comprehensive logical method in his *Science of Logic*, which forms the basis of his unique philosophical system. This method encompasses three interrelated dimensions: the abstract or rational, the negative or dialectical, and the positive or speculative.

In Hegel's philosophical system, the objective content provided by the positive sciences of nature and spirit is neither simply accepted nor rejected in the form in which it is discovered. Instead, it undergoes a process that Hegel describes as the "negation of negation", or *Aufhebung*, in which aspects of the content are both preserved and transformed within a broader conceptual framework. Hegel titled his work the *Encyclopedia of the Philosophical Sciences* because it sought to integrate the essential insights of the positive sciences, which, prior to Hegel, understood nature and spirit primarily through empirical investigation. For the first time, Hegel's philosophy of nature and spirit presented these domains as part of a coherent process of truth, or as an expression of the absolute idea, apprehended through the logical method developed in his *Science of Logic*. The system's distinctive character lies in this integration and in the formal method used to achieve it. While the growth and specialization of the positive sciences in subsequent centuries make it increasingly difficult for a single individual to master all areas as comprehensively as Hegel did, his system remains a foundational attempt to present a complete philosophical framework, encompassing logic, nature, and spirit. Although philosophy has continued to evolve in diverse directions after Hegel, his work represents a historically significant culmination of classical German philosophy, particularly in its attempt to unify rational, empirical, and conceptual knowledge into a systematic whole.

In light of this significant achievement, a related question arises: what might follow Hegel's unique philosophical system, if not a plurality of interpretations and approaches characteristic of modern philosophical culture, which developed after the late work of Schelling and Kierkegaard? One possible direction is the development of an educational framework aimed at cultivating rational and reflective capacities of the human mind. The creation of such a system, grounded in the logical and systematic approach of classical philosophy, can be seen as an important intellectual task of our time, with practical implications for the broader quality of education. To this end, the history of philosophy understood as the study of the development of systematic ways of thinking could be emphasized as a central academic discipline, not only within philosophy departments but also across other fields of higher education. Particular attention might be given to teacher education at the general school level, as the effectiveness and depth of instruction in philosophy and critical

thinking ultimately influence the broader educational culture. Preliminary outlines of such an educational approach have been proposed by one of the authors of this article (see: [3, pp. 258–307]).

At a theoretical level, one can consider the potential for the achievements of classical German philosophy to inform and enrich contemporary Russian philosophical and educational practices. The insights of German thinkers, combined with the broad cultural and intellectual traditions of Russia, offer resources for developing systematic approaches to the study and cultivation of rational and reflective capacities. Rather than a dramatic or symbolic “transfer”, this process can be understood as a collaborative and ongoing engagement with philosophical ideas, which may contribute to more coherent educational and intellectual frameworks. Such efforts could support the development of philosophical understanding and critical thinking across different communities, both within Russia and internationally.

Through such a system, philosophical education could contribute to more reflective and responsible approaches to science, technology, and the environment, encouraging individuals to consider the ethical dimensions of their actions. It could also support the development of critical and informed engagement with artistic creation, offering methods for cultivating creativity and aesthetic understanding. Similarly, the study of philosophy may provide a framework for thoughtful reflection on religious ideas, encouraging approaches to faith that are reflective, ethically informed, and free from unexamined dogmatism or superstition. As Fichte observed in one of his lectures on “The Main Features of the Modern Era”, the history of philosophy in the present often shapes the conceptual frameworks through which future religious and ethical ideas are understood [4, p. 575].

The study and integration of classical philosophical thought can contribute over time to more reflective and coherent approaches to social, cultural, and intellectual development. For more than a century, philosophers and educators have sought ways to cultivate systematic and rational methods of thinking, in contrast to more intuitive or unexamined modes of understanding. If contemporary philosophical scholars engage with the history of philosophy as a means of developing disciplined and critical thinking, they participate in an ongoing intellectual tradition that traces back through German idealism and, further, to the work of medieval Christian thinkers.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. IV. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 440 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Муравьев А. Н. Философия и опыт: очерки истории философии и культуры. СПб.: Наука, 2015. 325 с.
4. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. II. СПб.: Мифрил, 1993. С. 359–617.

REFERENCES

5. Hegel, G. W. F. Phenomenology of Spirit. In: Hegel, G.W.F. *Works in 14 vol., vol. IV*, Moscow, Publishing house of socio-economic literature. 440 p. (in Russian).
6. Hegel, G. W. F. *Philosophy of Right*. Moscow, Mysl, 524 p. (in Russian).
7. Muravev, A. N. *Philosophy and experience: essays of history of philosophy and culture*. Saint Petersburg, Nauka, 2015. 325 p. (in Russian).
8. Fichte, I. G. The main future of modern era. In: Fichte, I. G. *Works in 2 vol., vol. II*, Saint Petersburg, Mifril, pp. 359–617 (in Russian).

*И. В. Кондаков**

РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Статья посвящена сравнительному анализу русской и китайской культур, давно существующих рядом друг с другом и активно взаимодействующих между собой, несмотря на глубокие ценностно-смысловые различия. Это позволяет осмысливать отношения русской и китайской культур в категориях «общее» и «особенное», а также изучать диалог культур России и Китая как амбивалентный процесс сближения и отталкивания, интеграции и дифференциации в контексте национальных и всемирных культурно-исторических процессов. В условиях современной «многоликой» глобализации становятся определяющими не столько унификация цивилизаций и культур в глобальном контексте, сколько различия в их глобалистских устремлениях (глобалитетах). Потенциальная причастность к мировой культуре у разных цивилизаций различна и разномасштабна. Россия и Китай принадлежат к числу сильных и амбициозных цивилизаций, давно и успешно примеряющих к себе «всемирность» и «всечеловечность». И Россия, и Китай за свою многовековую историю четырежды переживали подъем и спад своего глобалитета, вырабатывая единый цивилизационный алгоритм. Первый подъем связан с истоками обеих цивилизаций, вышедших за границы своего менталитета; второй — с их преодолением своей локальности и обретением независимости и культурной уникальности; третий — с формированием глобалитета

* Кондаков Игорь Вадимович — д-р филос. наук и канд. филол. наук, профессор; ikond@mail.ru; проф. кафедры истории и теории культуры фак-та культурологии Российского государственного гуманитарного университета, засл. проф. РГГУ, вед. науч. сотр. Сектора худож. проблем массмедиа Государственного института искусствознания, почетный проф. Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, академик РАЕН, глав. ред. журнала «Мир культуры и культурологии».

Igor Vadimovich Kondakov — Dr. of Sci. in Philosophy and Candidate of Philological Sciences, Professor; ikond@mail.ru; Professor at the Department of History and Theory of Culture, Faculty of Culturology, Russian State University for the Humanities (RSUH); Distinguished Professor of RSUH; Leading Research Fellow at the Sector for Artistic Problems of Mass Media, State Institute for Art Studies; Honorary Professor at the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RAEN); Editor-in-Chief of the journal “World of Culture and Culturology”.

и «всемирной отзывчивости»; четвертый озаменован вытеснением менталитета глобалитетом и превращением страны в супердержаву. Однако культурная специфика и цивилизационная направленность глобалитетов России и Китая делают их одновременно союзниками (в противостоянии Западу и национальном самоутверждении) и соперниками (на мировой арене, в геополитике и влиянии на исторические события). Союз двух глобалитетов обретает интегративную форму «взаимоупора» (силового баланса цивилизационных мегаструктур).

Ключевые слова: национальная идентичность, русская и китайская культуры и цивилизации, менталитет, глобалитет, локалитет, коллективное бессознательное, алгоритм цивилизационного развития, псевдоморфоз, раскол, взаимоупор, всемирная отзывчивость, интеграция.

I. V. Kondakov

RUSSIAN AND CHINESE CULTURES: COMMON AND SPECIAL

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and Chinese cultures, which have long existed side by side and actively interact with each other, despite deep value-semantic differences. This allows us to comprehend the relations between Russian and Chinese cultures in the categories of “common” and “special”, as well as to study the dialogue between the cultures of Russia and China as an ambivalent process of rapprochement and repulsion, integration and differentiation in the context of national and world cultural and historical processes. In the conditions of modern “multifaceted” globalization, it is not so much the unification of civilizations and cultures in a global context that is becoming decisive, as the differences in their globalist aspirations (globalities). The potential involvement in the world culture of different civilizations is different and of different scales. Russia and China are among the strong and ambitious civilizations that have been successfully trying on “worldliness” and “all-humanity” for a long time. Both Russia and China have experienced the rise and decline of their globality four times in their centuries-old history, developing a single civilizational algorithm. The first rise is associated with the origins of both civilizations that have gone beyond the boundaries of their mentality; the second — with their overcoming of their locality and gaining independence and cultural uniqueness; the third — with the formation of a globality and “world responsiveness”; the fourth is marked by the displacement of the mentality by globality and the transformation of the country into a superpower. However, the cultural specificity and civilizational orientation of the globalities of Russia and China make them both allies (in opposition to the West and national self-assertion) and rivals (on the world stage, in geopolitics and influence on historical events). The union of the two globalities acquires an integrative form of “mutual support” (the power balance of civilizational megastructures).

Keywords: national identity, Russian and Chinese cultures and civilizations, mentality, globality, locality, collective unconscious, algorithm of civilizational development, pseudomorphosis, split, mutual support, world responsiveness, integration.

Сущность и значение русской и китайской культур в современном мире за последнее время значительно возросли и привлекают к себе все более напряженное внимание. Особенный интерес вызывают перспективы диалога и взаимодействия этих двух смежных великих мировых цивилизаций в ближайшем и отдаленном будущем, их место и роль во всемирной культуре человечества.

Менталитет и глобалитет как категории культуры

Глубинная сущность каждой культуры проявляется в ее тяготении к гармонии, равновесию, преодолению противоречий, обретению оригинальности и неповторимости. В самоидентичности каждой культуры есть, во-первых, ее,

так сказать, «внутренняя» составляющая. Эта сторона, выражающая в культуре все ее конкретное, локальное, индивидуальное содержание, обращена к ее субъекту, к ней самой, к «культурно-бессознательному» ядру каждого народа, и она характеризует ценностно-смысловое своеобразие локальной культуры.

Но это лишь одна, хоть и важнейшая, составляющая культуры. Другая, не менее важная, сторона любой культуры — ее, так сказать, «внешняя» оболочка, обращенная к окружающему инокультурному миру, тяготеющая к всеобщему, к общечеловечности и всемирности. Эта «внешняя» сторона культуры отвечает за то место, которое данная культура занимает в целом мировой культуры.

Эти две фундаментальные стороны феномена культуры — «внутренняя» и «внешняя» — составляют ее менталитет и глобалитет — важнейшие регуляторы культурной и цивилизационной идентичности каждой локальной культуры прошлого, настоящего и будущего. *Менталитет* — это самосознание данной культуры (*я-для-меня*), способ обретения локальной культурой ее уникальности, неповторимости; это конкретная культура «в себе» и «для себя». Менталитет той или иной локальной культуры редко рефлексивируется его носителями: он во многом интуитивен и спонтанен — это *коллективное бессознательное* народа. *Глобалитет* — это самопрезентация локальной культуры мировому сообществу (*я-для-другого*) — как значимой части общечеловеческого достояния; это осознание культурой себя как части мировой культуры, как культуры «для других», а потенциально — «для всех».

Есть и еще одна категория, характеризующая идентичность в сравнительно-культурном отношении, — *локалитет*. Это взаимная репрезентация культур в рамках межкультурного диалога — своего рода «*другой-для-меня*»*. Для России локалитет суммируется из отношений русской культуры со смежными с ней культурами: славянскими, тюркскими, финноугорскими, балтийскими, кавказскими, а также китайской, монгольской и др. Для Китая локалитет складывается из отношений китайской культуры с другими дальневосточными, юго-восточными, индийскими, центрально-азиатскими и русской культурами.

Глобалитет более сознателен и рационален, чем менталитет; он в той или иной мере связан с исторически накопленным культурным потенциалом, с внешней политикой государства, с международными связями и обменами — это рефлексия локальной культуры в глобальном контексте (как он понимается ею на разных этапах исторического становления и развития). Менталитет и глобалитет каждой отдельно взятой культуры как бы «смотрят» в противоположные стороны — внутрь и вовне самой этой культуры. Но при всей своей диалектической противоположности обе характеристики культуры взаимодополнительны: они по-разному свидетельствуют о ее значении — соответственно — в локальном и глобальном контекстах, что нередко фиксируется амбивалентно в локалитете.

* Здесь мы используем терминологию, введенную в научный оборот М. М. Бахтиным для характеристики диалогических отношений в культуре и общественной жизни: *я-для-меня; другой-для-меня; я-для-другого* (см.: [3, с. 122]), связанных в триаду культурной идентичности.

Глобалитет культуры не только сопоставим, но и тесно связан с ее менталитетом — глубинной структурой каждой конкретной культуры и цивилизации. Если менталитет — это самосознание локальной культуры (или цивилизации) как таковой, прочувствованное *изнутри* нее, в рамках данного ее природно-географического, этносоциального и исторического локуса (см.: [14, с. 39–72]), то глобалитет — это самосознание локальной культуры в качестве одной из составляющих мировой цивилизации в рамках глобального смыслового пространства; взгляд локальной культуры на самое себя *извне*, во всемирно-историческом масштабе. Таким образом, локальная культура как бы видит себя одновременно в разных зеркалах: не только в зеркале своей специфики (то есть в ряду смежных с нею или противостоящих ей иных локальных культур — каждая со своим менталитетом), но и в грандиозном зеркале мировой культуры как целого. Совокупность этих отражений, локальных и глобальных, складывающихся на разных этапах исторического становления и развития этой культуры, обобщаются соответственно в ее менталитете и в ее глобалитете, диалектически соотносенных между собой как своеобразная «парная конструкция» (бинарная оппозиция).

Менталитет и глобалитет каждой локальной культуры — в той мере, как они исторически сформировались, — тесно связаны между собой. Можно сказать, что глобалитет каждой конкретной локальной культуры является *проекцией ее менталитета* в мировое культурное пространство. Сами этнокультурные представления о мировом целом, формирующиеся в истории той или иной локальной культуры, как и осмысление этнокультурой своего места во всемирной культуре, окрашены в тона локального менталитета. Более того, можно сказать, что тот или иной глобалитет развивается в зависимости от *менталитета* и является производным от него (там, где его появление вообще возможно).

Менталитет культуры постоянен: он редко и мало меняется с ходом истории, и это делает одну и ту же культуру узнаваемой на разных этапах ее становления и развития. А глобалитет — переменен: в зависимости от стечения различных исторических обстоятельств он может подниматься и опускаться, что проявляется и в самосознании носителей этой культуры, и в отношении к ней мирового сообщества. В некоторых культурах подъем глобалитета наблюдается всего один-единственный раз (культуры Древнего Египта, ацтеков, майя, кочевых монголов); в других проявляется дважды (греческая культура периода эллинизма и Византии; древний и современный Израиль). А для многих «молодых» культур, лишь недавно обретших письменность и до сих пор живущих архаическим фольклором и первичной мифологией, возможность достигнуть глобалитета практически равна нулю. Таким культурам в конечном счете суждена либо ассимиляция с другими, мировыми культурами, либо автономизация в условиях, близких к резервации (см.: [15, с. 134–156]).

Так, в России невозможно представить глобалитет малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока; малочисленных народностей Северного Кавказа и т. п. Аналогично и в Китае культуры национальных меньшинств (монголов, уйгуров, тибетцев и т. д.) не могут претендовать на особое место в мировой культуре, а значит, и на обладание собственным

глобалитетом. Зато культуры, имеющие многовековую и тысячелетнюю историю, переживают свой глобалитет циклично, несколько раз за время своего существования. Таких культур и цивилизаций в мире сравнительно немного. Среди таких цивилизаций — Китай и Россия; среди культур — китайская и русская — единственные среди культур народов Китая и России, обретающие глобалитет. Остальные культуры этих стран могут приобщиться к мировой культуре лишь через посредство этих двух.

Менталитет — «пейзаж души» цивилизации

Н. А. Бердяев в своей эпохальной книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) дал пример анализа русского менталитета как основания российской цивилизации и смыслового ядра русской культуры. Уже из самого названия книги (предназначенной для зарубежного читателя) явствовало, что «русский коммунизм» — это едва ли не константа русской культуры и безусловно ее судьба; истоки его уходят вглубь истории, а смысл его состоит в интеграции национальных, социально-политических и религиозных идеалов русского народа. Характеризуя русский менталитет как «душу русского народа», Бердяев отмечал, что «противоречивость русской души определяется сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента» [5, с. 8]. Тем самым философ связал русский менталитет с геополитическим положением Руси-России — между Востоком и Западом, имея в виду относительную противоположность и взаимную дополнительность восточных и западных культур в ментальном пространстве Руси-России-СССР. Кроме того, имелось в виду историческое становление локального менталитета как последовательное суммирование реакций этноса на меняющиеся исторические обстоятельства жизни народа.

Далее Бердяев указывал на то, что «душа русского народа» представляет собой «чисто религиозную формацию», которая «сохранилась и до нашего времени», т. е. также является *константой* русской культуры. В составе этой «религиозной формации» — и дохристианское язычество Древней Руси, и христианское наследие Византии, и обрядоверие Московского православия, и старообрядчество, и богоискательство русских писателей и мыслителей, и сам «русский коммунизм», понимаемый Бердяевым как явление религиозного порядка. При этом Н. Бердяев заявлял, что «религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям» [5, с. 9]. Это означает, что «религиозность русского менталитета» присутствует в русской культуре не только демонстративно, но и неявно, в «снятом» виде.

Еще одной константой русской души, по Бердяеву, является «сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины». «Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта». Вслед за русскими историками XIX в., в частности, В. О. Ключевским (который констатировал: «Государство пухло, народ хирел»), Бердяев объяснял «деспотический характер русского

государства» — «необходимостью оформления огромной, необъятной русской равнины» [5, с. 8]. Таким образом, «природный элемент» проецируется в национальную картину мира с социальным и политическим расширением.

«Безграничность» и «бесформенность» «пейзажа русской души», по Бердяеву, проявлялась в том, что природное и социальное, религиозное и политическое сливались в неопределенное единство. «Широта» русской души (о которой сожалел Ф. М. Достоевский — устами своего героя Мити Карамазова) оборачивается совмещением несовместимого в русском менталитете: «...Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»; «Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут» [9, с. 100]. Н. Бердяев в другой своей книге — «Русская идея» (1946) — писал, что

«...можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [6, с. 5].

Все тенденции раскола в русской культуре (политические, религиозные, эстетические и др.) происходят от менталитета, в котором, по Достоевскому, «все противоречия вместе живут».

Подобным образом можно представить и менталитеты других культур, неотрывные от природы, истории, социальных условий, религиозных верований каждого народа и т. д.

Менталитет китайской культуры — во многом тоже «чисто религиозная формация» (в гораздо большей степени мифологичная); основой его является конфуцианство, понимаемое не только как нравственно-религиозное учение, но и как практическая моральная философия и повседневная «народная религия» (см.: [28, с. 164–167]). Дополненное элементами даосизма и буддизма коллективное бессознательное китайского народа формировалось в течение двух с половиной тысячелетий, однако широко распространилось среди населения уже во время династии Хань, превратившись из религиозного мирозерцания в бытовое поведение, общественную психологию и массовое мироощущение.

Природные основания китайского менталитета — это контрастное сочетание гор, пустынь, рек и морей. Подобный разнообразный ландшафт противоположен российскому ощущению бескрайней «равнинности» — во внешнем и внутреннем мире. «Пейзаж китайской души», подобно пейзажу (ландшафту) самого Китая, характеризуется теснотой, контрастностью, яркой оформленностью, компенсирующей эту «пестроту» устойчивой традиционностью и во многом отличен от «пейзажа русской души». Но он пронизан органической связью всего со всем: системой общих законов, которым «подчинено всё — государство, семья, отдельные люди, силы природы, произведения искусства и принципы морали». Важным для формирования китайского менталитета было древнейшее представление о человеке как «уравновешивающей» силе

в отношениях с Небом и Землей, устанавливающей гармонию с природой [13, с. 6, 11].

Географическое положение Китая способствовало, с одной стороны, «формированию единого культурного сознания» и становлению «мощного культурного центра», доминировавшего в восточном регионе Китая; с другой стороны, «множество естественных географических преград», расположенных по периметру Китая, его удаленность от «других древних цивилизационных центров» способствовало «изолированности от внешнего мира» и сохранению китайской культурой на протяжении длительного времени «собственной специфики и собственной системы». Это, в свою очередь, породило «представление китайцев о Китае как о центре мира» [32, с. 19].

Общим для китайской и российской цивилизаций является: обширность занимаемой территории; многочисленность населения; продолжительность и наполненность событиями социальной, культурной и политической истории; масштабность и экстенсивность осуществляемых исторических преобразований; опора на массы и массовидную культуру (с ее традиционностью, патриотизмом и коллективизмом, культом вождей); притязания на мировое значение и величие, оправдываемые и подтверждаемые выдающимся вкладом Китая и России в мировую культуру и общечеловеческую цивилизацию. Наконец, и это надо отметить особо, Россия и Китай накопили в своей истории огромный опыт революционного развития и исторического творчества масс, включая уникальный и драматический опыт социалистического и капиталистического строительства и посткоммунистических реформ, формирования целостного государства, — уникальный в мировой истории — как по длительности, так и по впечатляющим результатам. Все это — так сказать, *макрофакторы* цивилизационного развития обеих стран, работающие на международный имидж России и Китая, на их мировое значение (см.: [17, с. 3–11]).

Есть и социокультурное сходство российской и китайской цивилизаций. Прежде всего — это высокая *символичность* обеих культур, достигаемая сближением и сопряжением образного и интеллектуального содержания, проникающих друг в друга и формирующих системообразующие концептосферы русской и китайской культур (16, с. 045–050). Символизм китайской культуры нашел свое выражение в *иероглифическом письме* и *каллиграфии*, несущих константные смыслы китайского языка и культуры; в верности литературы и искусства Китая принципам и концептам китайской *философии* и *морали*, сохраняющим свою актуальность на протяжении тысячелетий; а также в глубоко переживаемой и осознанной *метафоричности* и *мифологичности* сквозных образов и идей китайской культуры, пронизывающей историю Китая и его текущую повседневность и лишь постепенно меняющей формы своего присутствия в сознании и поведении современников (7, с. 184–213 и др.).

Символизм российской цивилизации проявился в идеологической и идеократической насыщенности русской литературы и искусства — на всем историческом протяжении; в литературно-художественных и публицистических формах русской философии, как бы «растворенной» во всем массиве и на всем протяжении культуры России; в *глубинных структурах* религиозности и квазирелигиозности, философичности, литературности, просвечивающих через тол-

щу социальных и культурно-исторических наслоений, современных аллюзий, бытовых и психологических деталей. Вся эта глубинная культурная символика в контексте текущей русской культуры воспринималась как тонкий ментальный *подтекст цивилизации*, подчеркивающий многослойность и многозначность социокультурной повседневности и воплощающий ее константный смысл.

Постоянное присутствие ментального подтекста при каждом обращении к воссоздаваемой средствами культуры российской реальности давало основание деятелям русской культуры апеллировать к философским и политическим иносказаниям в форме фольклорных, исторических или литературно-художественных образов, становившихся символическим «сопровождением» национального самосознания. Поэтому емкие метафорические «формулы реальности», заключенные в названиях произведений русской литературы и искусства (например, «Барышня-крестьянка» или «Медный всадник» А. С. Пушкина; «Мертвые души» и «Ревизор» Н. В. Гоголя; «Накануне» и «Отцы и дети» И. С. Тургенева; «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф. М. Достоевского); родившиеся в интерпретации литературы русской литературно-художественной критикой (например, «Темное царство» или «Что такое обломовщина?» Н. А. Добролюбова; «Русский человек на rendez-vous» Н. Г. Чернышевского; «Мыслящий пролетариат» Д. И. Писарева); отразившиеся в пословицах и поговорках русского народа (в заглавиях пьес А. Н. Островского: «Свои люди — сочтемся!», «Бедность не порок», «Правда — хорошо, а счастье лучше»); в крылатых словах и выражениях, отфильтрованных национальным сознанием из культурных текстов (например, из «Горя от ума» А. С. Грибоедова или из басен И. А. Крылова), — составляли пласт культурной рефлексии цивилизации, неотделимый от самой социально-исторической реальности и отражавший менталитет русской культуры, оттененный ее сопоставлениями с европейской культурой. Для китайской литературы подобные «метафоры реальности» в виде художественных заглавий в целом не характерны.

«Китайская культура не выделила из себя абстрактной научной мысли или доктрины, а скорее выковала из себя особый культурный тип, который задан не столько познанию, сколько почти бессознательному усвоению в самом способе восприятия, чувствования, мышления» [23, с. 611], —

справедливо заметил В. В. Малявин. Впрочем, и русская культура в своем историческом развитии хоть и выделила из себя абстрактную мысль, но мысль эта была почти всегда облечена в образно-символические формы, а не логико-понятийные, как это характерно для западной культуры.

Ментальное отношение к Западу

Обе цивилизации — России и Китая — на протяжении длительного времени последовательно боролись за свою *национальную идентичность* и *независимость* от чужеземных влияний, отстаивали свою автономию от окружающего социокультурного мира. Однако и Китай, и Россия в конечном счете испытали воздействие инокультурных влияний. Особенно острой для истории русской и китайской цивилизаций стала проблема амбивалентного отношения к Западу и западным культурам.

С одной стороны, Запад представлялся враждебным русскому и китайскому Востоку, а потому подлежал отрицанию, отвержению, изгнанию. С другой стороны, отставание от Запада в области науки и техники, достижений и удобств цивилизации в России и Китае вызывали стойкий интерес и влечение к Западу, к его культурным успехам, научным открытиям, художественным открытиям... И для России, и для Китая Запад стал на целые столетия одновременно и ненавистным и желанным, и причиной и целью надвигающихся неотвратимых и неизбежных исторических перемен (см.: [2, с. 193–255]).

Лишь в результате Петровских реформ Россия вступила на путь медленной и постепенной вестернизации, которая впоследствии включала различные этапы, более или менее радикальные в своих преобразованиях. Много позднее, уже в эпоху Миньго, по инициативе президента Китайской республики Сунь Ятсена начался процесс умеренной вестернизации китайской культуры, в дальнейшем прошедшей несколько исторических фаз. Однако, как это показал О. Шпенглер во втором томе своего знаменитого труда «Закат Европы», в результате Петровских реформ Россию ожидала не европеизация — в том или ином отношении, — а возникновение серии *псевдоморфозов*, лишь внешне сходных с западными аналогами, а по сути — явлений, принципиально отличных от европейских (см.: [31, с. 250–255]). Нечто похожее произошло и с прозападными реформами в Китае: здесь также произошел псевдоморфоз, но с китайской спецификой.

Все инициативы власти и деятелей культуры в этом направлении сопровождались — и в России, и в Китае — бурными дискуссиями в истории общественной мысли и культуры (наподобие вековой полемики западников и славянофилов, почвенников и радикалов, народников и интернационалистов в России). Со временем накапливаемый потенциал межкультурной коммуникации в каждой из двух названных культур «обрастал» противоречивыми интерпретациями и оценками, что обеспечивало его амбивалентность и гибкую функциональность — применительно к вариативным историческим ситуациям, требовавшим от цивилизации то непримиримости, то толерантности к другим или чужим культурам.

Однако подобный процесс межкультурной адаптации, как показал — в том числе применительно к истории русской культуры XVIII — начала XIX вв. — Ю. М. Лотман (см.: [21, с. 110–120, 121–128]), проходил внутренне противоречиво, а значит, носил нелинейный характер. Для того чтобы усвоить формы и принципы чужой цивилизации, нужно было вести себя «как иностранец», но сохранять свой, национальный взгляд для оценки своего поведения как «иностранного». В результате культура повседневности (а вместе с ней и национальная культура в целом) представляла как двухслойная «амальгама»: наднациональной культурой («естественной» по происхождению) спонтанно «надстраивалась» культура «иностранная» («искусственная» в своем генезисе и «глобальная» по своим притязаниям), и все ценности и нормы становились двойными, но в той или иной степени взаимопереводимыми в рамках одной (переходной) цивилизации.

Человек, включенный в двухслойную структуру переходной цивилизации, характеризовался ролевым, а подчас и игровым поведением: находясь в про-

странстве национальной культуры, он — вольно или невольно — играл в ней роль «иностранца», и его жизнь тем самым превращалась в условный «театр». Происходила резкая семиотизация быта и социальных отношений, когда формы поведения становились *знаками* поведения (своего рода ритуалом), т. е. служили *способом демонстрации* причастности к иной цивилизации, но не свидетельствовали о действительной принадлежности к ней (см.: [21, с. 248–252]).

Это относилось не только к переходным эпохам (вроде собственно Петровского времени или периода деятельности Сунь Ятсена), но в той или иной степени касались всего процесса вестернизации, шире — культурной интеграции, нередко растягивавшегося на века. Так происходило в России, где веками европеизации после Петра I становились: период правления Екатерины II (1762–1796), Великая крестьянская реформа (1861), Серебряный век, в том числе завершившая его Русская революция (1905–1922), «Оттепель» (1953–1968), «Перестройка» (1986–1991) и следующий за ней постсоветский период, проходящий поначалу под знаком глобализации. Еще более незаметно этот процесс осуществлялся в XX в. в Китае. Все это — пути глобализации локальной культуры, способы обретения «догоняющей» цивилизацией своего глобалитета.

Глобалитеты России и Китая

Лишь относительно поздно, да и то не до конца, Россия и Китай стали обществами, в той или иной степени тяготеющими к *открытости*, к *международной интеграции*, культурному и интеллектуальному обмену, *диалогу культур*, и в конечном счете обрели свойство *«всемирной отзывчивости»* (Россия — в XIX в., а Китай — в XX в.). Эта идея, в России осуществленная практически Пушкиным, задавшим интегративный импульс всей последующей русской культуре, теоретически была обоснована Достоевским в его речи о Пушкине (см.: [10, с. 145–147]) и означала способность художника и мыслителя, культурно-исторического течения или целой национальной культуры творчески перенимать формы других культур, не умаляя при этом собственных достижений и своей культурной идентичности и в то же время претендуя на мировое значение.

Правда, сам Достоевский имел в виду исключительное своеобразие именно русской культуры, несущей в себе потенциал *европейскости* и *всемирности*, а потому притязавшей на роль «сверхцивилизации», обладающей провиденциальным значением (русский народ — «богоносец») и несущей в себе мессианское начало. Однако потенциалом всемирности (глобалитетом) обладали и Запад (европейская цивилизация, взятая в целом), и азиатский Восток.

Подобные черты национального самосознания были характерны — на разных этапах истории по-разному — и для китайской цивилизации, неслучайно именовавшей себя Срединным государством и Поднебесной, а свое окружение почитавшей варварами, не достигшими уровня цивилизации. Даже многовековая политика самоизоляции Китая была продиктована менталитетом — самоощущением своего исторического и культурного величия, национального превосходства и изначального избранничества среди других народов мира. Как пишет В. В. Малявин:

«Жизненный идеал в китайской традиции — это “середина и постоянство”, “срединный путь”, который равнозначен вечнопреемственности просветленного духа. Таковы духовные основания культа учения и учености, столь характерного для китайской цивилизации» [23, с. 187].

Россия тоже с давних времен осознает себя как середина, центр мира. По словам Бердяева, «Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира» [6, с. 5].

Аккумулируя в массиве своей цивилизации достижения мировой культуры, в том числе в сфере литературы и искусства, науки и техники, философии и быта, Россия и Китай сумели — на разных этапах своей истории — не только творчески усвоить многие западные принципы и ценности, преломив (адаптировав) их в духе своего менталитета, своих традиций, но и предложить Западу свои собственные культурно-цивилизационные завоевания — как наследие традиционного и нетрадиционного Востока. Эти амбициозные достижения российской и китайской цивилизаций постепенно получали все большее признание во всем мире и усваивались западными культурами в качестве важных составляющих всемирного культурного наследия и мировой культуры, обретая статус *национальных глобалитетов* (см.: [18, с. 173–226]). Так, формируется безграничное пространство *западно-восточной, евразийской интеграции*, активными субъектами которой становятся Россия и Китай как западная и восточная части континента Евразия [11].

Правда, и до сих пор в отношениях между Западом и Востоком, трактуемыми расширительно, сохраняются реликтовые формы *взаимного недоверия* и элементы остаточной *напряженности*, сформировавшиеся в культурной истории отдельных стран, что порождает стремление различных цивилизаций защитить свое культурное наследие и политический статус любыми, в том числе самыми мощными средствами. Это делает и для Китая, и для России актуальными и действенными концепции «*национальной безопасности*», накладывающие свой отпечаток на построение культурной политики, культурного обмена, культурного потребления и культурной самоотдачи. Включение в эти процессы различных версий «*национальной безопасности*» в отношении культуры предполагает опосредованность контактов между Западом и Востоком различными цивилизационными — экономическими и политическими, а также идеологическими и технологическими — «*фильтрами*».

В этом отношении глобализационные процессы в России и Китае, включающие механизмы *конвергенции* (т. е. социокультурного сближения и взаимопроникновения культур), во многом до сих пор осложнены *дивергенцией* (т. е. расхождением и взаимным размежеванием культур) и социокультурной *селекцией* (т. е. определенным отбором приемлемых форм и эталонных образцов культуры), а потому носят отчетливо дифференцированный, национально-цивилизационный характер. Все более отчетливым становится понимание глобализации как типологически разветвленного и локализованного процесса, в основании которого лежат принципиально разные стратегии интеграции и единства — для западных и восточных цивилизаций.

Историческая динамика глобалитетов России и Китая

Современные исследования свидетельствуют о том, что сегодня в мире существуют различные стратегии и типы глобализации, которые характеризуются национальным своеобразием разных глобалитетов [4]. Вся история мировой и отечественной культуры в XX в. построена на взаимодействии *глобалитетов*. Впрочем, история формирования национальных глобалитетов (определяющих потенциальную всемирность той или иной цивилизации) берет начало в глубокой древности (эллинизм, истоки мировых религий, рождение первых империй и т. д.). Это означает, что глобализация представляет не только интеграцию культур и цивилизаций, но и их новую дифференциацию, а подчас и конфронтацию.

В истории России и Китая циклическая динамика глобалитетов играет особую организующую и мобилизующую роль. В каждом отдельном случае поворот цивилизации к глобальным мировым процессам знаменует ее включенность в мировой исторический процесс, ее причастность мировому сообществу, а значит, и ее всемирно-историческое значение. Напротив, ее удаление от глобальной проблематики, замыкание в кругу сугубо локальных интересов и собственного менталитета, автономизация культуры ведут к социокультурной изоляции страны, ее закрытости и стагнации.

Как и многие другие мировые цивилизации, Россия свой глобалитет переживала четырежды: первый раз — в связи с Крещением, когда Русь почувствовала себя в христианстве «новым народом», наделенным мессианской идеей; второй — в связи с обретением Русью свободы от византийского церковного надзора и независимости от «монгольского ига» (Москва как «Новая Византия» и «Третий Рим»); третий раз — в пору расцвета русской классической культуры XIX — начала XX вв. (включая Серебряный век), когда «всемирная отзывчивость» русского человека и русской литературы стала трактоваться как ключ к достижению вселенского «всеединства», «всечеловечества» [26, с. 367, 375], и в четвертый — после победы СССР во Второй мировой войне и превращения его в сверхдержаву, когда стала заметна начавшаяся конвергенция культур и цивилизаций [27, с. 115–197].

Соответственно четырежды Россия переживала и спады, крушения своего глобалитета, совпадавшие с глубокими цивилизационными кризисами: 1) в связи с монгольским нашествием, воспринятым как «погибель Русской Земли» и «кара Божья»; 2) в связи со Смутным временем и религиозным расколом, ощущаемыми как предварение конца света; 3) в связи с Русской революцией и Гражданской войной в начале XX в., понимаемыми многими представителями Серебряного века и эмигрантами как гибель России, как окончательное *крушение гуманизма* [12, с. 103–112], и 4) в связи с распадом СССР и кризисом советской идеологии [8, с. 117–123], переживаемыми многими советскими людьми катастрофически, а западными наблюдателями оптимистически — как «конец истории» [29, с. 134–148].

Всякий кризис глобалитета почти неизбежно чреват необратимыми разрушениями и чаще всего видится современниками как последний, как «конец истории», во всяком случае — национальной. Однако в случае с Россией кризис одного глобалитета часто означает начало нового подъема, а вместе с тем —

обретение нового глобалитета. Так, например, кризис идеалов «Святой Руси» в Московском царстве привел к «Петровским реформам» и постепенному обретению Россией квазиевропейской идентичности [25], а Октябрьский переворот, казавшийся многим «концом России», стал толчком к становлению СССР сверхдержавой, к геополитическому паритету СССР и США в 1950–1980-е гг. и к биполярному миру.

Между тем, Китай на протяжении последних 30 лет находится в процессе непрерывного подъема своего глобалитета, фактически уже сегодня представляя собой супердержаву нового поколения. В своем историческом развитии Китай также прошел четыре фазы подъема своего глобалитета. Первая была связана со становлением древнекитайской культуры и цивилизации, завершившимися образованием в конце III в. до н. э. единого, централизованного государства — империи, созданной легендарным императором Цинь Шихуанди и получившей дальнейшее развитие при династии Хань [20, с. 56–65; 7, с. 13–63]. Второй взлет китайского глобалитета приходится на классический период династий Тан и Сун (VII–XII вв.), особенно же на VIII век, ставший началом китайского ренессанса [19, с. 103–207]. Третий глобалитет Китая связан с Синьхайской революцией, «Движением 4 мая» и становлением Китайской республики (эпоха Миньго), когда традиционная китайская культура, преодолев вековую закрытость и автономность, вступила в многосторонний диалог с мировой культурой (см.: [32, с. 253–264]). Четвертый глобалитет Китая был связан с образованием КНР, родины «Великой культурной революции» и китайского марксизма, быстро превращающейся к концу XX в. в современную постиндустриальную цивилизацию XXI в. В XXI в. китайская цивилизация стоит на пороге пятого глобалитета, запечатленного в слогане Председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс и один путь». Эта формула, глубоко укорененная в более чем пятитысячелетней истории китайской культуры, открывает перед Китаем принципиально новые стратегии мировой геополитики, усиливающие влияние Китая на мировую экономику, политику и культуру.

«Человеческий удел в китайской традиции есть именно Путь, аскеза самовосполнения — самое естественное из всех доступных людям занятий» [23, с. 187]. Русская культура тоже знает категорию «Путь», однако русский «Путь» имеет совсем иную — по сравнению с даосской* — культурфилософскую семантику: это судьба, предназначение или поиск человеком или страной своего места в мире, счастья, удачи и т. п.

Независимо друг от друга Россия и Китай в своей истории вырабатывают сходный алгоритм цивилизационных и культурных трансформаций, состоящий из четырех «шагов». Первый — культура выходит за границы своего менталитета и осознает себя как локальную цивилизацию. Второй — культура обретает свой локалитет, раздвигая свой менталитет на соседние территории и вместе с тем укрепляет свою цивилизационную независимость и культурную уникальность в межкультурном контексте. Третий — культура, расширившая

* *Дао (путь)* в древнекитайской философии (и других древних дальневосточных учениях) — это естественный порядок вселенной, интуитивно усваиваемый человеком через свой повседневный жизненный опыт с целью достижения духовного совершенства.

свой менталитет до границ локалитета, «примеряет» к себе контекст «всемирности» и «общечеловечности» и обнаруживает в себе потенциал «всемирной отзывчивости», т. е. сознает свой глобалитет, который стремится утвердить в мире через свое влияние на другие культуры и цивилизации. Четвертый — выросший и окрепший глобалитет постепенно вытесняет менталитет и непосредственно замещает его функционально, становясь фундаментом цивилизации и подчиняя себе культуру. На четвертом «шаге» цивилизационной трансформации страна превращается в сверхдержаву и пытается решать судьбы мира и человечества с позиций своего глобалитета.

Вместо заключения

Несомненно, российской цивилизации в XXI в. и последующих веках предстоит иметь дело с могучим китайским глобалитетом — то соревнуясь, то солидаризируясь с ним, то испытывая его воздействие, то удерживая трудный паритет с ним, а вместе с ним противостоя американскому и европейскому глобалитетам. Российский и китайский глобалитеты во многом сопоставимы: в чем-то существенном они сходны, а в чем-то — разнонаправлены. Обе цивилизации склонны к мессианизму и глобализму в своих политических и культурных амбициях, обе ориентируются на мобилизационный путь модернизации и склонны к экстенсивному развитию; обе тяготеют к коллективистской и авторитарной самоорганизации социума и культуры, к относительной закрытости; обе организуют вертикаль власти, опираясь на мощную иерархизированную партийно-государственную бюрократию; обе цивилизации характеризуются ярко выраженной дискретностью и цикличностью исторического развития, периодически прерываемого кризисами и потрясениями; обе стремятся к «опоре на собственные силы», противостоя Западу и буржуазным демократиям, но при этом демонстрируя свою «всемирную отзывчивость», способность органически усваивать достижения других культур и цивилизаций в собственных целях и национальных интересах.

И тем не менее, очевидны и принципиальные различия двух цивилизаций. Китай проживает свою историю в «большом времени», измеряемом столетиями и тысячелетиями, в то время как Россия почти всегда нацелена на текущую современность, на перманентную смену системы смысловых и оценочных координат, на постоянную переоценку ценностей. Китай, при всех исторических метаморфозах, остается верен своему многовековому менталитету, сложившемуся из обобщенных ценностей и норм конфуцианства, даосизма, буддизма и китайского коммунизма. Это тот неизменный фундамент китайской цивилизации, на котором в любой точке исторического процесса строится система китайской культуры как целое.

В России же невозможно представить такое же монолитное цивилизационное основание, состоящее, к примеру, из осколков древнеславянского язычества, православия, «наследия Чингисхана», Петровских реформ, западничества и славянофильства, антропософии, большевизма и «оттепельно-перестроечных» интеллигентских настроений. На каждом этапе российской глобализации целостность русской, советской и российской культуры строится заново и во многом непредсказуемо.

Китай стабилен и монолитен, а Россия динамична и мозаична; Китай тринитарен по своему менталитету, а Россия бинарна, дихотомична; Китай разбивается по *медиативной* логике, тяготея к «золотой середине» во всем [24, с. 346], а Россия — по *инверсионной*, стремясь к обострению крайностей, и поэтому постоянно чревата взрывом и расколом (см.: [22, с. 240–242; 2, с. 24–25, 83–86, 186–189]); Китай по преимуществу традиционен — во всех деталях своей культуры и цивилизации; Россия же прежде всего инновативна и к собственным традициям относится критически, противоречиво и амбивалентно, то и дело пересматривая свои цивилизационные принципы и ценности. Китай принадлежит к сугубо письменным культурам, основанием китайской культуры до сих пор является иероглифическое письмо; Россия — даже в ее современном представлении — больше опирается на устную, риторическую или диалогическую, традицию. Это различие заметно даже в интернете, не говоря о ютубе.

Китайская культура в конфессиональном отношении представляет собой органический синтез конфуцианства, даосизма и буддизма, т. е. учений, для России периферийных, маргинальных, экзотических. Точно такими же предстают для китайцев основные традиционные конфессии России — русское язычество, православие, ислам и иудаизм, современное неоязычество. Однако русский и китайский коммунизм как коллективистские системы общественной жизни и мирозерцания сложились именно на этих разных конфессиональных основаниях — как их развитие и завершение, — причем оказались типологически близкими друг другу моделями, что делает сегодня отличия западных и восточных конфессий с точки зрения их политико-идеологических итогов относительными.

России трудно примириться с ролью «Северных территорий» и «сырьевого придатка» Китая (как бы различно и дипломатически это ни трактовать); Китаю трудно представить, что китайская цивилизация может в дальнейшем развиваться по российско-советскому сценарию кризиса и распада многонационального посткоммунистического государства. В этой связи укрепление Россией и Китаем собственного глобалитета становится исторической неизбежностью и необходимостью, условием утверждения и дальнейшего развития российской и китайской цивилизаций в современном глобальном мире — в противостоянии и противоборстве с западными глобалитетами — американским, британским, общеевропейским и т. д. (см.: [30, с. 365–395]). Тем более важен складывающийся сегодня союз глобалитетов — Китая и России.

Союз глобалитетов, даже условный и хрупкий, — всегда предпочтительней, нежели их столкновение и борьба. Это касается не только военных и политических отношений, но и экономических, социальных и культурных. Однако любое сосуществование глобалитетов, особенно таких стойких и амбициозных, как российский и китайский, не может обойтись без соревнования и борьбы. Существенные различия российского и китайского менталитетов, противоположная геополитическая направленность цивилизационных векторов развития, приводящая к культурному «*взаимоупору*» [1, с. 252] глобалитетов Китая и России, говорят о том, что состязания (см.: [30, с. 495–532]) глобалитетов не проходят бесследно для каждой из цивилизаций, вступающих в диалог, способствуя в конечном счете их сближению и интеграции (например, в форме

силового баланса цивилизационных мегаструктур). Важно оптимизировать этот диалог, создавая условия для *союза* глобалитетов, их *взаимодополнительности* и избегая возможных поводов для их расколов и конфронтаций. Союз глобалитетов — это новая форма культурно-цивилизационной интеграции и новая фаза всемирной глобализации. Впрочем, именно в этой исторической фазе и находится современный диалог России и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. 343 с.
2. *Ахиезер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г.* История России: конец или новое начало? 3-е изд. М.: Новое изд-во, 2013. 461 с.
3. *Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
4. *Бергер П., Хантингтон С.* (ред.). Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2004. 378 с.
5. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
6. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: «Сварог и К», 1997. С. 3–220.
7. *Гране М.* Китайская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016. 478 с.
8. *Гройс Б.* Коммунистический постскрипtum. М.: Ад Маргинем, 2007. 128 с.
9. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1976. 572 с.
10. *Достоевский Ф. М.* Пушкин (очерк) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. С. 136–149.
11. Евразийский проект модернизации России: история и современность. Коллективная монография / МГПУ. М.: Издательские решения, 2019. 188 с.
12. *Иванов Вяч. И.* Родное и вселенское / сост. В. М. Толмачева. М.: Республика, 1994. 427 с.
13. *Каменарович И.* Классический Китай / пер. с фр. М.: Вече, 2014. 415 с.
14. *Кондаков И. В.* Культура России: Краткий очерк истории и теории. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Книжный дом Университет (КДУ), 2008. 356 с.
15. *Кондаков И. В.* Глобалитет как форма цивилизационной идентичности; Глобалитет России: история и современность // Кондаков И. В., Соколов К. В., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 134–156; 465–503.
16. *Кондаков И. В.* Концептосфера русской культуры // Исследования по русистике в новую эпоху. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2018. С. 45–55.
17. *Кондаков И. В.* Россия и Китай: опыт сравнительного анализа цивилизаций // Межкультурная коммуникация: Запад — Россия — Восток / под ред. Е. Е. Тихомировой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. С. 3–11.
18. *Кондаков И. В.* Россия — Китай: диалог культур, союз глобалитетов // Теория и практика российско-китайских отношений: коллективная монография / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М.: Проспект, 2020. С. 173–226.
19. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М.: Глав. ред. вост. лит., 1972. 496 с.

20. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. 415 с.
21. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект); Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении; Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 11–120; 121–128; 248–268.
22. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: АСТ, 2019. 256 с.
23. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000. 627 с.
24. Малявин В. В. Империя ученых. М.: Европа, 2007. 378 с.
25. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровской реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
26. Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 892 с.
27. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 351 с.
28. Ткаченко Г. А. Культура Китая: Словарь-справочник. М.: Издат. дом «Муравей», 1999. 384 с.
29. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
30. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
31. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Академический Проект, 2009. 764 с.
32. Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры / пер. с кит. М.: Шанс, 2019. 315 с.

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. *Poetika rannevizantijskoj literatury* [Poetics of Early Byzantine literature]. Moscow, CODA, 1997 (in Russian).
2. Akhiezer, A. S., Klyamkin, I. M., Yakovenko, I. G. *Istoriya Rossii: konets ili novoye nachalo?* [History of Russia: the end or a new beginning?]. 3rd ed. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2013 (in Russian).
3. Bakhtin, M. M. К философии поступка [To the philosophy of action]. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tehnologii. Ezhegodnik 1984–1985* [Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook 1984–1985]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 80–160 (in Russian).
4. Berger, P., Huntington, S. (eds.). *Mnogolikaya globalizatsiya: kul'turnoe mnogobrazie v sovremennom mire* [The Multifaceted globalization: cultural diversity in the modern world]. Moscow, Aspect Press, 2004 (in Russian).
5. Berdyaev, N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka, 1990 (in Russian).
6. Berdyaev, N. A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka [Russian idea. The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century]. In: Berdyaev, N. A. *Russkaya ideya. Sud'ba Rossii* [Russian idea. The Fate of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo "Svarog and K", 1997, pp. 3–220 (in Russian).
7. Granet, M. *Kitajskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow, Algorithm, 2016 (in Russian).
8. Groys, B. *Kommunisticheskij postskriptum* [Communist postscript]. Moscow, Ad Marginem, 2007 (in Russian).
9. Dostoevsky, F. M. Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazov]. In: Dostoevsky, F. M. *Complete collection of works: in 30 vols.* Vol. 14. Leningrad, Nauka, Leningrad Department, 1976 (in Russian).

10. Dostoevsky, F. M. *Pushkin (ocherk)* [Pushkin (essay)]. In: Dostoevsky, F. M. *Complete collection of works: in 30 vols.* vol. 26. Leningrad, Nauka, Leningrad Department, 1984 (in Russian).
11. *Evrazijskij proekt modernizatsii Rossii: istoriya i sovremennost'. Kollektivnaya monografiya* [The Eurasian project of modernization of Russia: history and modernity. Collective monograph] / Moscow city pedagogical university. Moscow, Publishing solutions, 2019 (in Russian).
12. Ivanov, V. I. *Rodnoye i Vselenskoye* [Native and World] / Comp. V. M. Tolmacheva. Moscow, Republic, 1994 (in Russian).
13. Kamenarovich, I. *Klassicheskij Kitaj* [Classical China] / Translated from French. Moscow, Veche, 2014 (in Russian).
14. Kondakov, I. V. *Kultura Rossii. Kratkij kurs istorii i teorii kulturey. Uchebnoye posobiye* [Culture of Russia: A brief outline of history and theory. Study guide]. 4th ed. Moscow, Knizhnyj dom universitet [Book House University], 2008 (in Russian).
15. Kondakov, I. V. Globalitet kak forma tsivilizatsionnoj identichnosti [Globality as a form of civilizational identity]. In: Kondakov, I. V., Sokolov, K. V., Khrenov, N. A. *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perehodnuyu epohu: kulturologicheskij, sotsiologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty* [Civilizational identity in the transitional era: cultural, sociological and art aspects]. Moscow, Progress-Tradition, 2011 (in Russian).
16. Kondakov, I. V. Kontseptosfera russkoj kul'tury [Conceptosphere of Russian culture]. In: *Issledovaniya po rossievedeniyu v novuyu epohu* [Research on Russian studies in the new era]. Nanjing, Nanjing University Press, 2018 (in Russian).
17. Kondakov, I. V. Rossiya i Kitaj: opyt sravnitel'nogo analiza tsivilizatsii [Russia and China: the experience of comparative analysis of civilizations]. In: *Mezhkulturnaya kommunikatsiya: Zapad — Rossiya — Vostok* [Intercultural communication: West — Russia — East] / ed. by E. E. Tikhomirova. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Publishing House of Novosibirsky pedagogical university], 2019 (in Russian).
18. Kondakov, I. V. *Rossiya — Kitaj: dialog kultur, soyuz globalitetov* [Russia— China: Dialogue of cultures, union of globalities]. In: *Teoriya i praktika rossijsko-kitajskih otnoshenij: kollektivnaya monografiya* [Theory and practice of Russian-Chinese relations: collective monograph] / ed. A. N. Chumakov, Li Hei. Moscow, Prospect, 2020 (in Russian).
19. Konrad, N. I. *Zapad i Vostok* [West and East]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1972 (in Russian).
20. Kravtsova, M. E. *Istoriya kitajskoj kul'tury* [History of Chinese Culture]. Saint Petersburg, Lan', 1999 (in Russian).
21. Lotman, Yu. M. K postroeniyu teorii vzaimodejstviya kul'tur (semioticheskij aspekt); Problema vizantijskogo vliyanija na russkuyu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii; Poetika bytovogo povedeniya v russkoj kul'ture XVIII veka [Towards the construction of the theory of interaction of cultures (semiotic aspect); The problem of Byzantine influence on Russian culture in typological coverage; Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century]. In: Lotman, Yu. M. *Selected articles: in 3 volumes*. Vol. I: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typologies of culture]. Tallinn, Alexandra, 1992 (in Russian).
22. Lotman, Y. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, AST, 2019 (in Russian).
23. Malyavin, V. V. *Kitajskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow, Astrel, 2000 (in Russian).
24. Malyavin, V. V. *Imperiya uchenyh* [Empire of Scientists]. Moscow, Europe, 2007 (in Russian).

25. Panchenko, A. M. *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskih reform* [Russian culture on the eve of Peter's Reforms]. Leningrad, Nauka, 1984 (in Russian).
26. Solovyov, V. S. *Sochineniya: in 2 vols.* Vol. 1. Moskow, Mysl, 1990 (in Russian).
27. Sorokin, P. A. *Glavnyje tendentsii nashego vremeni* [The main trends of our time]. Moskow, Nauka, 1997 (in Russian).
28. Tkachenko, G. A. *Kultura Kitaya: Slovar'-spravochnik* [Culture of China: Dictionary-reference]. Moskow, Izdat. house "Muravej" ["Ant"], 1999 (in Russian).
29. Fukuyama, F. *Konets istorii?* [The end of the history?]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1990, no. 3, pp. 134–148 (in Russian).
30. Huntington, S. *Stolknovenije tsivilizatsij* [Clash of Civilizations]. Moskow, AST, 2003 (in Russian).
31. Spengler, O. *Zakat Zapadnogo mira: Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of the Western World: Essays on the Morphology of World History]: in 2 vols. Vol. 2: *Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [World-historical perspectives]. Moskow, Akademicheskij Proekt [Academic Project], 2009 (in Russian).
32. Shen, Zhenhuei. *Ocherk kitajskoj kul'tury* [An essay on Chinese culture] / trans. from kit. Moskow, Chance, 2019 (in Russian).

*С. В. Холод**

СОН В КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА: РЕЖИМ 24/7 В ТЕОРИИ ДЖОНАТАНА КРЭРИ И ПРАКТИКИ БОДРСТВОВАНИЯ

В статье представлен анализ концепции искусствоведа и теоретика культуры Джонатана Крэри, описывающей расширение логики капитализма на все темпоральные сферы, в том числе на сон. Сон в культуре позднего капитализма вытесняется и ставится под контроль в рамках размытия границ между потреблением и повседневностью. Однако Крэри не описывает конкретные практики, вытесняющие сон, которые могут быть названы практиками бодрствования, — попытка заполнить этот пробел представлена во второй части статьи. В качестве методов были использованы анализ текста Джонатана Крэри «24/7. Поздний капитализм и цели сна», обзор и интерпретация социокультурных практик, отражающих идею «режима 24/7». Результатом стало дополнение теории Джонатана Крэри фактологическим материалом в виде описания ряда практик бодрствования: а) потребления кофе и энергетических напитков, б) ночных переработок, в) употребления БАДов и психостимуляторов, г) альтернативных режимов сна, д) потребления цифрового контента за счет времени сна. В рамках дальнейшей дискуссии предлагается уравнивать теоретический конструкт Крэри с реальными практиками и дать более взвешенную, в отличие от его алармизма, оценку влияния культуры позднего капитализма на сон и его роль в жизни человека.

Ключевые слова: поздний капитализм, сон, культура капитализма, Джонатан Крэри, потребление, режим 24/7, культурные практики, темпоральность капитализма, бодрствование.

* Холод Сергей Владимирович — магистрант; xolod.sergei.2002@mail.ru; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Sergei Vladimiroovich Kholod — master's student; xolod.sergei.2002@mail.ru; The Russian Christian Academy of the Humanities named after F. M. Dostoevsky, 15, Fontanka nab., St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

S. V. Kholod

*SLEEP IN THE CULTURE OF LATE CAPITALISM: THE 24/7 REGIME
IN JONATHAN CRARY'S THEORY AND PRACTICES OF WAKEFULNESS*

This article analyzes the concept developed by art historian and cultural theorist Jonathan Crary, which describes the expansion of capitalist logic into all temporal domains, including sleep. In late capitalist culture, sleep is progressively displaced and subjected to control through the erosion of boundaries between consumption and everyday life. However, Crary does not provide a detailed account of the concrete practices that contribute to the marginalization of sleep — practices that may be described as practices of wakefulness. The second part of the article seeks to address this gap. The study employs a textual analysis of Jonathan Crary's 24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep alongside a review of sociocultural practices reflecting the logic of the "24/7 regime". As a result, Crary's theoretical framework is supplemented with empirical material through the identification and description of several practices of wakefulness, including: (a) the consumption of coffee and energy drinks; (b) overnight work and extended working hours; (c) the use of dietary supplements and psychostimulants; (d) alternative sleep regimes; and (e) the consumption of digital content at the expense of sleep time. In the concluding discussion, the article proposes aligning Crary's theoretical construct more closely with observable social practices and offering a more balanced assessment — less alarmist than Crary's — of the impact of late capitalist culture on sleep and its role in human life.

Keywords: late capitalism, sleep, capitalist culture, Jonathan Crary, consumption, 24/7 regime, cultural practices, capitalist temporality, wakefulness.

В критическом анализе социально-экономическую основу современного общества часто называют поздним капитализмом. В самом широком смысле поздний капитализм — это развитие капиталистических отношений в послевоенном обществе (после Первой или, чаще, после Второй мировой войны), которые обретают принципиально новые черты по сравнению с промышленным капитализмом, описанным Марксом. Ввел этот термин в академическую среду Вернер Зомбарт. Как показывает Е. Ю. Ламмерт, «главным образом, Зомбарт отождествил этап позднего капитализма с экономической стагнацией в европейской экономике, начавшейся еще со времен Первой мировой войны» [4, с. 84], связывая его с исчерпанием прежних возможностей роста.

В марксистской теории это понятие ввел в оборот Фредерик Джеймисон в своей книге «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма», в которой постмодернизм описывается как культурный режим, соответствующий определенной фазе развития капиталистической системы. Позднее сам Джеймисон, уже в дискуссии о глобализации, подчеркивал, что «глобализация — всего лишь более подходящее слово для того, что раньше было описано как постмодерн» [5, с. 22], тем самым фактически отождествляя поздний капитализм с глобализированным капитализмом. Дэвид Инглис в своем сравнении терминов «поздняя современность» (*latemodernity*) и «поздний капитализм» замечает, что оба понятия используются для описания современного общества, однако последнее обладает большей эвристической, содержательной и прогностической ценностью, т. к. отсылает к конкретной интеллектуальной традиции (марксизм), указывает на конкретную социально-экономическую систему (капитализм), принципы развития которой распространяются на другие сферы общества [12]. В данной статье будет рассмотрена одна из концепций,

раскрывающих поздний капитализм через его экспансию на темпоральные процессы общества, которая, однако, останавливается непреодолимостью человеческой потребности во сне.

Целью настоящей статьи является анализ роли сна как последней темпоральной области, сопротивляющейся логике позднего капитализма, и рассмотрение тех способов, которыми современная капиталистическая культура стремится минимизировать, трансформировать или контролировать сон в рамках режима 24/7. Методологически исследование опирается на критико-теоретический подход Джонатана Крэри, который описан ниже, культурологический анализ и интерпретацию медиадискурса сна и бодрствования в современной культуре. Задачами статьи являются: а) рассмотрение теории «режима 24/7» Крэри; б) описание места сна в логике позднего капитализма; в) поиск практик, направленных на трансформацию роли сна в жизни человека; г) критика теории Джонатана Крэри и выделение ее преимуществ.

В 2022 г. вышла книга, посвященная позднему капитализму, причем, что видно по дате издания, учитывающая последствия цифровизации и трансформации массовой культуры, под названием «24/7. Поздний капитализм и цели сна». Ее автором является Джонатан Крэри, американский искусствовед и эссеист. С 1990-х гг. Крэри исследовал техники наблюдения и внимания, визуальность искусства. В рамках анализа современного общества он рассматривает те деструктивные, по его мнению, изменения в способности субъекта наблюдать и распоряжаться своим вниманием, которые связаны с ускорением, цифровизацией и расширяющейся коммодификацией позднего капитализма.

В качестве сущностного ядра современного общества он выделяет режим 24/7, вынесенный в заглавие книги. Режим 24/7 — это совокупность принципов функционирования общества позднего капитализма, а именно стирание границ между потреблением и повседневностью («ныне почти не осталось сколько-нибудь значительных отрезков человеческого существования <...> не взятых в оборот в качестве рабочего времени, времени потребления или времени маркетинга» [3, с. 22]), создающее «вне-время», круглосуточность все большего числа процессов и ритмов жизни («...лишь недавно формирование <...> идентичности было реорганизовано так, чтобы соответствовать непрерывному функционированию рынков, информационных сетей и других систем» [3, с. 16]); постоянная подключенность посредством вплетения цифровой среды в различные практики («ничто никогда не бывает принципиально “выключено”, не существует состояния настоящего покоя» [3, с. 21]); гомогенизация общества («Гомогенизирующая сила капитализма несовместима с какой-либо внутренней структурной дифференциацией» [3, с. 20]); контроль населения с помощью постоянного сбора данных («Самые передовые формы надзора и анализа данных, используемые спецслужбами, теперь стали неотъемлемой частью маркетинговых стратегий крупного бизнеса» [3, с. 55]) и манипулирование вниманием («Эксплуатация сенсорного восприятия — всего лишь один сопутствующий элемент в совокупной деятельности по доступу, хранению, форматированию, манипулированию, распространению и обмену» [3, с. 56]).

Главной целью этого режима является включение субъекта в непрерывный процесс производства и потребления, где для повышения эффективности

уничтожаются любые темпоральные моменты остановки, паузы, рефлексии. «Вне-время» как раз и используется Крэри для описания состояния без времени как дифференциации, разделения процессов: «Режим 24/7 возвещает о начале времени без времени, времени, оторванного от каких-либо материальных или идентифицируемых границ, времени, не содержащего никаких последовательностей или повторений» [3, с. 37]. Интенсификация потребления требует стирания времени. Цифровые технологии являются одними из главных помощников в этом, создавая несоизмеримые с человеческими возможностями информационные структуры. Они становятся объектом критики Крэри еще и потому, что благодаря им открываются новые техники манипулирования вниманием — он пишет, что уже активно используются технологии, отслеживающие движение глаз пользователя, инструменты для направления внимания на нужный продукт для как можно более долгого удержания человека в тех или иных приложениях и сервисах: «Каждая следующая технологическая новинка <...> означает увеличение количества точек, в которых индивид становится местом приложения новых систем управления и бизнеса» [3, с. 50].

Постоянная подключенность к информационной среде вовлекает человека в непрекращающееся потребление рекламы, продуктов, императивов гиперпродуктивности и прочего. Согласно данным статистики, в среднем по миру пользователь проводит в интернете чуть больше шести с половиной часов [9]. В цифровую эпоху информационные технологии используются для поиска информации, работы, общения и развлечения. Благодаря такой влеченности в повседневную жизнь они служат удобным инструментом для распространения капиталистических отношений, коммодификации и коммерциализации все большего числа жизненных процессов.

Однако, как пишет Крэри, в этом победном шествии позднего капитализма остается нерушимая преграда — сон. Сон — это та темпоральность, которая до сих пор не была поглощена капитализмом: «сон — это бескомпромиссное вмешательство в кражу нашего времени капитализмом» [3, с. 18]. Сон остается последним местом, где человек спасается от непрерывного потребления и труда, где он остается наедине с собой. Кроме того, то, что нам снится, не может пока что быть отчуждено капиталом как продукт, хотя мечты об этом проглядываются в современной культуре, где любой визуальный образ может быть отделен от человека и поставлен на конвейер потребления [3, с. 114].

В качестве примера борьбы со сном в введении книги Джонатан Крэри указывает на эксперименты, связанные со способностью одного вида птиц к продолжительному бодрствованию во время длительных перелетов: «<...> белоголовая зонотрихия... В отличие от большинства других птиц эта разновидность воробья обладает крайне необычной способностью обходиться без сна — до семи дней во время перелета» [3, с. 9]. Достижение такой же возможности обходиться без сна на протяжении длительного времени для человека является целью многих исследований:

«По инициативе подразделения перспективных исследований Пентагона (DARPA) ученые в нескольких лабораториях проводят экспериментальные испытания методов отключения сна, в том числе применяя нейрохимические препараты, генную терапию и транскраниальную магнитную стимуляцию» [3, с. 10].

Однако после указания на эти эксперименты Джонатан Крэри больше не выделяет конкретные способы сужения поля сна в современной культуре. Он хорошо описывает саму тенденцию капитализма к стиранию границ между днем и ночью, которая была реализована в повсеместной электрификации и создании всеохватывающего освещения, позволяющего вести любую деятельность действительно в режиме 24/7 — от круглосуточно работающих фабрик до круглосуточных торговых центров [3, с. 41], — но не касается того, как конкретно меняется статус сна в культуре позднего капитализма.

Соответственно, кратко рассмотрев теорию Крэри, мы можем приступить к закрытию этого пробела. Для этого необходимо рассмотреть конкретные практики, связанные с контролем и ограничением сна, и то, какое символическое содержание за ними стоит. Исходя из идеи Джонатана Крэри, основной целью этих практик должно быть стремление приблизить субъекта к существованию в режиме 24/7, т. е. увеличить соотношение часов бодрствования и часов сна в сторону первого. Следовательно, мы также можем назвать направленные на это действия практиками или ритуалами бодрствования (при систематическом их повторении). В разных контекстах способы «быть бодрым» могут представляться как аналоги, заменяющие сон (по крайней мере, часть сна), средства контроля времени сна и пути преодоления потребности организма во сне. Их поиск можно начать с анализа устоявшихся в обществе практик, связанных с получением энергии вне сна, постепенно переходя к менее распространенным.

Давно вошедшей в повседневные ритуалы практикой бодрствования является «чашка кофе по утрам». Кофе — главный напиток в культуре позднего модерна, замещающий недостаток сна. Кофе является одним из самых популярных напитков, а кофейная промышленность составляет заметную часть мировой экономики:

«Кофе — самый распространенный напиток на планете, даже более популярный, чем чай. Ежегодно выпускается более 400 миллиардов чашек без признаков снижения спроса <...> на сегодняшний день рынок кофейной отрасли на протяжении многих лет продолжает занимать лидирующие позиции среди других напитков в пищевой индустрии, как по потреблению, так и производству, оказывая в результате весомое влияние на экономику всего мира» [1, с. 426].

Потерянные из-за переработок или пожертвованные расширению расписания один—два часа сна как бы компенсируются чашкой кофе. Кофеин, поступая в организм, дает заряд бодрости, тем самым присваивая функцию сна, связанную с восполнением энергии.

Образ кофе в массовой культуре требует отдельной статьи, но кратко можно отметить устойчивую ассоциацию потребления кофе с успешной и продуктивной жизнью в обществе позднего модерна. Одно из исследований среди студентов показало, что кофе употребляли 92 % учащихся высших учебных заведений, и 79 % из них пили кофе, «чтобы чувствовать себя бодрым» [14]. В рамках теории Крэри замещающий характер кофе и его побуждающий к постоянной производительности образ вполне может стать вровень с электрификацией в деле стирания границ между сном и бодрствованием, повседневностью и процессами производства и потребления.

С кофе переключается практика употребления энергетических напитков, особенно популярная у молодежи: «89,0 % респондентов [молодежи] в той или иной степени потребляют энергетические напитки, а из них 7,4 % постоянно употребляют (минимум 1 банка в день)» [2, с. 19]. Как декларируется в рекламе, энергетики дают возможность компенсировать недостаток сна и, кроме того, на короткое время стать сверхбодрым для решения избыточного количества учебных и рабочих задач. В одном из исследований установлено, что 83,7 % студентов пьют энергетики для подготовки к экзаменам [15], т. е. как средство поддержания сверхнапряженной работы в критический период. Схожие данные показывают исследования российского студенчества: «больше число респондентов, которые основным ощущением во время приема энергетиков отметили “повышенную работоспособность” и “избыточную двигательную активность”» [2, с. 22].

В отличие от кофе, энергетики лишены какого-либо ритуализированного потребления: нет необходимости разбираться в сортах зерен, тратить время на приготовление и постепенное употребление — достаточно купить энергетик в ближайшем магазине и выпить в любое удобное время. В этом плане энергетики представляют собой практику, более близкую к идее быстрого потребления, чем кофе. Следовательно, энергетики в контексте теории Крэри представляют собой чистое, лишенное ритуальности, средство бодрствования, открывающее субъекту позднего капитализма возможность быстрого выхода к сверхпроизводительности и сокращающее роль сна в его повседневной жизни. Кроме этого, важен аспект, характерный, в меньшей степени, и для кофе: напитки бодрости, кроме восстановления утерянных часов сна, предлагают «режим сверхпроизводительности», когда напиток дает энергию сверх нормы и ее можно потратить на решение задач повышенной сложности. Энергетики представляют более наглядный пример подобного использования напитков бодрости, т. к. именно студенты и молодые специалисты используют их для форсированной работы в условиях «горящих» дедлайнов.

В английском языке есть понятие «all-nighter», одним из значений которого является экстремальный режим работы в последние сроки. Оно связано с намеренным отказом от сна ради выполнения работы, хотя чаще используется относительно учебы: «время, когда ты проводишь всю ночь за учебой, особенно готовясь к экзамену»^{*} [8]. Употребление энергетиков пересекается с этой практикой, но не исчерпывает ее. В трудовой этике, особенно в IT и творческих интернет-профессиях, работа до позднего вечера становится нормой, необходимой частью «хорошего работника» или успешного карьериста: «сотрудники также воспринимали длительное рабочее время как показатель усердной работы» [13, с. 213]. Сон в таких случаях воспринимается как то, чем можно без сомнения пожертвовать для выполнения нужных задач и закрытия дедлайнов: «Сон может восприниматься как гибкий товар, который обменивается на другие виды деятельности, считающиеся более неотложными или более ценными» [11, с. 156]. Конкретные средства тут не так важны — человек может пить тонизирующие напитки, принимать лекарственные средства и БАДы или усилием воли замещать сон работой.

^{*} Здесь и далее тексты приводятся в авторском переводе.

Что касается только что упомянутых БАДов, то в дискурсе биохакинга и смежных с ним нарративах для контроля сна используются различного рода химические вещества. Среди таких веществ уже упомянутый кофеин, модафинил, метилфенидат L-теанин, экстракт гуараны, йерба-мате, женьшень, родиола розовая, витамины группы B, L-карнитин, ноопепт, адрафинил, армодафинил и многие другие [17]. Исследование, посвященное практике использования подобных веществ среди студентов, дает такой вывод:

«В качестве ключевого преимущества <...> была названа возможность регулировать режим сна и бодрствования. Стимулы к использованию были связаны с давлением со стороны университета и желанием повысить производительность» [18].

Однако кроме относительно безопасных психостимуляторов для практик продуктивности используются наркотические или находящиеся в «серой зоне» вещества, о которых мы отдельно говорить не будем. Таким образом, императив «быть бодрым» и «контролировать сон» включает в себя как культурно приемлемые практики употребления биологических добавок, так и нелегальное употребление наркотических средств в погоне за эффективностью.

Различные модификации сна также занимают особую нишу. Из наиболее примечательных можно выделить полифазный сон — это режим сна, при котором непрерывный ночной отдых разбивается на несколько коротких периодов в течение суток. Точных данных о распространенности этой практики нет, но «свидетельства указывают на то, что попытки следовать этой практике довольно распространены, особенно среди молодых взрослых» [19, с. 1]. Такой подход ко сну позволяет увеличить контроль за жизнью и якобы повысить собственную эффективность, преодолев разграничение суток на день и ночь: «Люди уже давно стремятся оптимизировать свой сон — свести к минимуму его продолжительность при сохранении дневной бдительности» [19, с. 1]. Освещение и цифровая среда же позволяют не терять качества деятельности, предоставляя возможность для работы в любое время.

Говоря о цифровой среде также стоит выделить два важных аспекта, кроме ее непрерывной активности, — это постоянные уведомления и техники удержания на игровых и стриминговых сервисах. Постоянные уведомления мешают переходить в фазу отдыха, держа человека в подключенном к сети состоянии (например, из мессенджеров, рабочих чатов, таск-трекеров) [10]. Сервисы же с кино и играми предоставляют функцию непрерывного выбора контента и автопроигрывания:

«Мы обнаружили, что отключение автопроигрывания на Netflix значительно сократило ключевые показатели потребления контента, включая среднее количество просмотров в день и среднюю продолжительность сеанса...» [16].

Однако стоит учесть, что в сервисе Netflix работает система предупреждений о слишком длительном просмотре контента, которая также внедряется в некоторые видеоигры. Так или иначе, потребление цифрового контента однозначно вредит качеству сна:

«...повсеместное обращение к информационным технологиям поздним вечером и ночью выступает самостоятельным (не сводимым к другим известным

факторам) предиктором меньшей продолжительности сна, худшей его эффективности, ощущения нехватки сна» [6, с. 42].

Уменьшение времени сна из-за информационных технологий является еще одним примером, как стирается граница между потреблением и повседневностью, как часы сна обмениваются на потребление цифровых продуктов.

Таким образом, перечисленное выше подтверждает теорию Джонатана Крэри о режиме 24/7 и сне как последней темпоральности, свободной от логики позднего капитализма, но постоянно атакуемой со стороны нарративов бодрости и практик продуктивности. Сон в современной культуре действительно может восприниматься как лишний процесс, бесполезное время, мешающее вести по-настоящему эффективную жизнь и требующее специального контроля. В этом теория Крэри согласуется с идеями Бен Чхоль Хана об обществе достижений, в котором субъект подвергает себя самоэксплуатации и стремится максимизировать собственную продуктивность. Сон же, в понятиях Хана, представляет собой пространство межвременья, т. е. остановки, дающей возможность рефлексии и глубокого внимания, которое, как и в теории Крэри, в условиях непрерывного потребления лишено глубины и представляет собой поверхностный и рассеянный взгляд, которым легко манипулировать [7].

Критиковать текст «24/7. Поздний капитализм и цели сна» можно прежде всего за то, что нам не представлен анализ или описание хотя бы тех практик, что описаны в статье, — без этого концепция Крэри видится слишком абстрактной и сосредоточенной на полумистическом образе сна как метафизической эмансипации от экспансии капитализма. Сам же поздний капитализм представлен у него исключительно с негативной стороны, в частности, цифровые технологии у него гарантированно поработают и одновременно унифицируют субъекта. Да, он выдвигает аргумент, что ставка на то, что «предприимчивый герой способен преодолеть эту асимметрию и использовать ее несоизмеримости себе на пользу» [3, с. 105], слишком рискованная, однако использует его как оправдание отказа всерьез рассматривать положительные стороны цифровизации мира.

Среди достоинств теории Крэри стоит выделить целостный анализ состояния общества и объяснение развития логики капитализма, особенно его влияния на восприятие времени и стирание границы между днем и ночью. Такой подход позволяет связать культурные нормы, возникающие в обществе, где во главу угла ставится достижение успеха и максимизация эффективности, с реальными экономическими процессами, в результате чего формируется целостная культурологическая картина, не лишенная, конечно, изъянов и недоработок. Концепция «режима 24/7» Джонатана Крэри открывает для нас актуальное поле культурных, социальных, психологических и биоэтических проблем, связанных с набирающим силу культом личной эффективности и гиперпродуктивности, в котором ставится под сомнение статус такой необходимой и значимой потребности организма, как сон.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойцова Ю. С., Аленин И. П., Патанина К. В., Орлова О. Ю.* Статистика и тенденции потребления кофе в отрасли напитков // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11 (3). С. 425–432.
2. *Застрожин М. С., Дрожжина Н. А.* Эпидемиологические аспекты потребления энергетических напитков на территории Российской Федерации // Вопросы питания. 2015. № 2. С. 19–24.
3. *Крэри Дж. 24/7.* Поздний капитализм и цели сна / пер. с англ. А. Васильева; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 136 с.
4. *Ламмерт Е. Ю.* Концепт «позднего капитализма»: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 83–88.
5. *Павлов А. В.* Странная жизнь постмодернизма // Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 7–53.
6. *Рассказова Е. И.* Использование электронных гаджетов вечером и ночью как поведенческий фактор жалоб на нарушения сна // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2019. Т. 119. № 4–2. С. 36–43.
7. *Хан Бен-Чхоль.* Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А. С. Салина. М.: Издательство АСТ, 2023. 160 с.
8. Cambridge Dictionary. All-nighter [Электронный ресурс]. Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/all-nighter> (дата обращения: 19.11.2025).
9. Daily time spent online globally. Statista, 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.statista.com/statistics/1380282/daily-time-spent-online-global/> (дата обращения: 23.11.2025).
10. *Exelmans L., Van den Bulck J.* Bedtime mobile phone use and sleep in adults // Social Science & Medicine. 2016. Vol. 148. P. 93–101.
11. *Goel N., Basner M., Rao H., Dinges D. F.* Circadian rhythms, sleep deprivation, and human performance // Progress in Molecular Biology and Translational Science. 2013. Vol. 119. P. 155–190.
12. *Inglis D.* Better late than modern? Between “late capitalism” and “late modernity” // European Journal of Social Theory. 2024. Vol. 27. № 4. P. 521–539.
13. *Kodz J., Davis S., Lain D., Strebler M., Rick J., Bates P., Cummings J., Meager N.* Working long hours: a review of the evidence. Vol. 1: Main report. November 2003. London: Department of Trade and Industry, 2003. 260 p.
14. *Mahoney C. R., Giles G. E., Marriott B. P. et al.* Intake of caffeine from all sources and reasons for use by college students // Clinical Nutrition. 2019. Vol. 38. № 2. P. 668–675.
15. *Mwape R. K., Mulenga D.* Consumption of energy drinks and their effects on sleep quality among students at the Copperbelt University School of Medicine in Zambia // Sleep Disorders. 2019. DOI: 10.1155/2019/3434507
16. *Schaffner B., Ulloa Y., Sahni R., et al.* An experimental study of Netflix use and the effects of autoplay on watching behaviors. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://arxiv.org/abs/2412.16040> (дата обращения: 22.11.2025).
17. *Repantis D., Bovy L., Ohla K., Kühn S., Dresler M.* Cognitive enhancement effects of stimulants: a randomized controlled trial testing methylphenidate, modafinil, and caffeine. Psychopharmacology. DOI: 10.1007/s00213-020-05691-w

18. Steward A., Pickersgill M. Developing expertise, customising sleep, enhancing study practices: exploring the legitimisation of modafinil use within the accounts of UK undergraduate students // *Drugs: Education, Prevention and Policy*. 2019. Vol. 26. № 4. P. 347–355. DOI: 10.1080/09687637.2018.1555231

19. Weaver M. D., Sletten T. L., Foster R. G., et al. Adverse impact of polyphasic sleep patterns in humans: report of the National Sleep Foundation sleep timing and variability consensus panel // *Sleep Health*. 2021. In press.

REFERENCES

1. Boitsova, Ju. S., Alenin, I. P., Patanina, K. V., Orlova, O. Ju. Statistika i tendentsii potrebleniia kofe v otrasli napitkov [Statistics and trends of coffee consumption in the beverage industry]. In: *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2020, no. 11 (3), pp. 425–432 (in Russian).

2. Zastrozhin, M. S., Drozhzhina, N. A. Epidemiologicheskie aspekty potrebleniia energeticheskikh napitkov na territorii Rossiiskoi Federatsii [Epidemiological aspects of energy drink consumption in the Russian Federation]. In: *Voprosy pitaniia*, 2015, no. 2, pp. 19–24 (in Russian).

3. Crary, J. 24/7. *Pozdnii kapitalizm i tseli sna* [24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2022. 136 p. (in Russian).

4. Lammert, E. Ju. Kontsept “pozdnego kapitalizma”: sotsial’no-filosofskii analiz [The concept of “late capitalism”: a socio-philosophical analysis]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 2020, no. 54, pp. 83–88 (in Russian).

5. Pavlov, A. V. Strannaia zhizn’ postmodernizma [The strange life of postmodernism]. In: Jameson, F. *Postmodernizm, ili Kul’turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2019, pp. 7–53 (in Russian).

6. Rasskazova, E. I. Ispol’zovanie elektronnykh gadzhetov vecherom i noch’iu kak povedencheskii faktor zhalob na narusheniia sna [Evening and nighttime use of electronic gadgets as a behavioral factor in sleep complaints]. In: *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S. S. Korsakova*, 2019, vol. 119, no. 4–2, pp. 36–43 (in Russian).

7. Han, B.-Ch. *Obshchestvo ustalosti. Negativnyi opyt v epokhu chrezmernogo pozitiviteta* [The Burnout Society: The Negative Experience in an Age of Excessive Positivity]. Moscow, AST Publ., 2023. 160 p. (In Russian)

8. *Cambridge Dictionary*. All-nighter. Cambridge University Press. [Electronic resource] URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/all-nighter> (accessed: 19.11.2025) (in English).

9. Statista. Daily time spent online globally. URL: <https://www.statista.com/statistics/1380282/daily-time-spent-online-global/> (accessed: 23.11.2025). (In English).

10. Exelmans, L., Van den Bulck, J. Bedtime mobile phone use and sleep in adults. In: *Social Science & Medicine*, 2016, vol. 148, pp. 93–101 (in English)

11. Goel, N., Basner, M., Rao, H., Dinges, D. F. Circadian rhythms, sleep deprivation, and human performance. In: *Progress in Molecular Biology and Translational Science*, 2013, vol. 119, pp. 155–190 (in English).

12. Inglis, D. Better late than modern? Between “late capitalism” and “late modernity”. In: *European Journal of Social Theory*, 2024, vol. 27, no. 4, pp. 521–539 (in English).

13. Kodz, J., Davis, S., Lain, D., et al. *Working long hours: a review of the evidence*. Vol. 1: Main report. London: Department of Trade and Industry Publ., 2003, 260 p. (in English).

14. Mahoney, C. R., Giles, G. E., Marriott, B. P., et al. Intake of caffeine from all sources and reasons for use by college students. In: *Clinical Nutrition*, 2019, vol. 38, no. 2, pp. 668–675 (in English).
15. Mwape, R. K., Mulenga, D. *Consumption of energy drinks and their effects on sleep quality among students at the Copperbelt University School of Medicine in Zambia. Sleep Disorders*, 2019 (in English).
16. Repantis, D., Bovy, L., Ohla, K., Kühn, S., Dresler, M. *Cognitive enhancement effects of stimulants: a randomized controlled trial testing methylphenidate, modafinil, and caffeine. Psychopharmacology*, 2024 (in English)
17. Schaffner, B., Ulloa, Y., Sahni, R., et al. *An experimental study of Netflix use and the effects of autoplay on watching behaviors*. [Electronic resource] URL: <https://arxiv.org/abs/2412.16040> (accessed: 22.11.2025) (in English).
18. Steward, A., Pickersgill, M. Developing expertise, customising sleep, enhancing study practices: exploring the legitimisation of modafinil use within the accounts of UK undergraduate students. In: *Drugs: Education, Prevention and Policy*, 2019, vol. 26, no. 4, pp. 347–355 (in English).
19. Weaver, M. D., Sletten, T. L., Foster, R. G., Gozal, D., Klerman, E. B., Rajaratnam, S. M. W., Roenneberg, T., Takahashi, J. S., Turek, F. W., Vitiello, M. V., Young, M. W., Czeisler, C. A. *Adverse impact of polyphasic sleep patterns in humans: report of the National Sleep Foundation sleep timing and variability consensus panel. Sleep Health*, 2021 (in English).

*О. П. Шадиева**

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ СЛОЖНОСТНОГО МИРА

Статья посвящена изучению социализации личности в новой системе коммуникаций, представлен человек в коммуникативном пространстве в условиях становления нелинейно развивающейся социо-цифро-природной реальности. Автор исследует влияние процессов глобализации и цифровой трансформации на культурно-цивилизационные преобразования в социуме. Объектом исследования выступает социокультурный контекст в процессе становления человека в цифровом обществе, где действует уже не личность, взаимодействует благополучный профиль пользователя, его бестелесный вариант. Предмет — изменение процесса социализации человека, в пространстве киберкоммуникации. Цель статьи — выявить влияние технологических изменений на человека. В статье представлены две дискурсивные линии: критическая, раскрывающая уязвимости киберсоциализации и настаивающая на осознании последствий перехода полномочий и компетенций от личности к искусственному интеллекту (далее — ИИ). Второй дискурс посвящен технологическому развитию, открывающему широкие возможности для человека и влияющему на эмоционально-психологическое состояние общества и новое соотношение рационального и духовного, как результат трансформации культурно-образовательной среды. В качестве методологической основы исследования использован информационно-семиотический подход для изучения процессов становления личности в пространстве усложненных контекстов в обществе нового качества.

Ключевые слова: коммуникация, социализация, идентичность, личность, технологии.

* Шадиева Ольга Павловна — аспирант; shadiyeva.o.p@mail.ru; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Российская Федерация, Москва; ведущий специалист управления организации и сопровождения общеинститутских мероприятий ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», Российская Федерация, Саров.

Olga Pavlovna Shadiyeva — 3rd year postgraduate student of the Department of Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Russian Federation, Moscow; shadiyeva.o.p@mail.ru; Leading Specialist of the Department for the Organization and Support of Institute-Wide Events at RFNC-VNIIEF, Russian Federation, Sarov.

The article is devoted to the consideration of personality socialization in a new communication system, and presents a person in a communicative space in the context of the formation of a nonlinearly developing socio-digital-natural reality. The author explores the impact of globalization and digital transformation processes on cultural and civilizational transformations in society. The object of the study is the sociocultural context in the process of human development in a digital society, where it is no longer an individual who acts, but a well-adjusted user profile or a disembodied version of it. The subject is the change in the process of human socialization in the space of cybercommunication. The purpose of the article is to identify the impact of technological changes on humans. The article presents two discursive lines: a critical one that reveals the vulnerabilities of cyber socialization and insists on understanding the consequences of the transfer of authority and competencies from individuals to artificial intelligence (AI). The second discourse focuses on technological development, which opens up broad opportunities for individuals and affects the emotional and psychological state of society, as well as the new balance between rationality and spirituality, resulting from the transformation of the cultural and educational environment. The study uses an information-semiotic approach as its methodological basis to examine the processes of personality formation in the space of complex contexts in a new quality society.

Keywords: communication, socialization, identity, personality, technology.

Введение

Процесс становления индивида, его адаптации и интеграции в социальную систему информационного общества происходит в киберпространстве, наполненном новым ценностно-смысловым содержанием, раскрывающим интеграционные тенденции глобализирующего мира. Актуальность вопроса обусловлена необходимостью исследования наиболее значимых явлений, стимулирующих непрерывную и динамичную эволюцию, наблюдаемых и оказывающих прямое влияние на процесс образования новых типов социокультурной идентичности. С непрерывной интенсивностью идет становление «социо-цифрового индивида» [19, с. 66], гибридная идентичность которого формируется посредством широкой презентации себя, персональной информации о себе другим в публичной сфере. С одной стороны, человечество находится на пороге невероятных возможностей — сверхразум, бессмертие, жизнь на других планетах. С другой стороны, реализовано сопричастие негативных эффектов в виде дегуманизации социальных практик — ограниченное видение общественных проблем, инертные формы пребывания в мире, нацеленные не на общественно значимые преобразования, а в большей степени — на потребление. Современные тенденции — цифровизация, модификация философии в научно-технологические исследования, феминизация, стирание границ между полами — ведут к деградации человека, последовательно исключая его биологическое и творческое начала. Бессмертие будет, но не живого, а искусственного интеллекта, систем — уверен ученый [21, с. 54]. В эпоху сетевой культуры экзистенциальной ценностью становится иллюзия вечного присутствия человека в сети, являющегося по сути пазлом в глобальном перформансе, выраженном в симуляционной реальности [11, с. 6–10]. На ограниченность глобального процесса цифровизации, выраженную

в отрыве от культурных оснований (традиций, ценностей и смыслов), что ведет к отрицанию человечности и превращает человека в «цифровой механизм», управляемый извне, — обращает внимание О. Н. Астафьева [3, с. 527]. Таким образом, остается открытым вопрос: какова специфика современной социализации человека, кто осуществляет регулятивную роль при формировании смыслов, ценностей, норм, потребностей? Будущее имеет открытый сценарий.

Цифровая социализация. Технологический «прорыв»

Преимущества цифрового развития в пространстве социализации представлено в разнообразии появившихся возможностей для образования, творческого развития и коммуникации через новые воплощения и способы «автопоэтического процессирования» [26, с. 306]. Набирает популярность формат гибридного образования. Научные экспертные сообщества развивают сетевую культуру, открывая «новые знаниевые пространства», расширяя возможности образования и науки посредством использования современных технологий, стимулируя продвижение научно достоверной информации — «от лица к лицу» [2, с. 50]. Цифровая трансформация определенно способствует качественному преобразованию общества, дает возможность индивиду развиваться в течение всей жизни. Главная компетентность в реалиях современности — способность быстро находить правдивую информацию в цифровом океане информационного хаоса, используя метод критического анализа. Произошла технологическая модернизация общества: под влиянием сетевой интериоризации, с одной стороны, новые технологии внедряются для решения каждодневных прикладных задач, что оптимизирует социальные процессы, с другой стороны, трансформации подвержено сознание и поведение человека. По мнению И. В. Кондакова, цифровая среда становится пространством действия эристики, механизма деструктивной напряженности, который, создавая «зону ценностно-смысловой неопределенности», блокирует традиционный социокультурный выбор между инверсией и медиацией, превращая социальную коммуникацию в условную игру, и готовит почву для семантического перекодирования [17, с. 223].

Благодаря искусственному интеллекту мы переходим в первое разумное поколение, которое станет самым умным из ранее существовавших, — уверен Х. Л. Кордейро. По мнению ученого, скоро мы будем общаться при помощи телепатии, человеческий разум будет объединен с искусственным, сделав человека умнее, люди обретут бессмертие [20]. Высокотехнологичные манипуляции меняют облик человека: реализуются проекты по трансформации тела и сознания человека при помощи генной инженерии и внедрения «железа» в его организм (искусственные органы, технологии генетического допинга, экзоскелеты, нейрокибернетические интерфейсы). Сознание человека будет развиваться в сторону расширения когнитивных возможностей вместе с укреплением биологической формы для повышения адаптируемости к новым условиям, — поясняет ноосферную концепцию Ю. М. Резник, полагаясь на жизнотворчество человека [22, с. 138]. Ученые (Е. В. Брызгалина, Е. Климчук, Д. Кулешов, Д. Тельшев, Д. Аль-Шехаб, Й. В. Пенья) в открытой дискуссии активно обсуждают триггерные инновации, способные изменить

мир и общество, — генные технологии, нейротехнологии, а также последствия дальнейшего прогресса современных технологических решений [16]. Биопанк, киберпанк заставляют задуматься об этических аспектах получения научных знаний и социально-этических последствиях их широкого применения.

Цифровое пространство предоставило новые возможности для развития Я-концепции: идентификация себя в социуме посредством множества инструментов (мультимедиа, социальных сетей, фотосервисов, видеохостингов, подкастов, игровых платформ, мессенджеров и др.), через реализацию социальных экспериментов (ведение блогов, сетевых сообществ, продвижение проектов посредством краудсорсинга, участие в масскультах, флешмобах). Индивид открывает мировое сообщество для коммуникации, для поиска «своих» и определения «чужих» в современном диалоге культур в глобализирующемся мире, признавая нормы совместной жизни [9, с. 55–57]. Осуществлен безвозвратный переход к конвергенции цифрового и онлайн-бытия, сближение цифровой и реальной личностей, что в сумме сформировало «гибридную личность» [27, с. 35] — человеческую сущность с цифровым расширением и «множественной идентичностью» [3, с. 14].

Глобализация меняет традиционные формы идентичности (национальные, государственные), заменяя транснациональными связями и унифицируя культурное пространство, парализуя культурную динамику и порождая разлагающие феномены, что порождает кризис идентичности [32, с. 5–12]. Новые поколения в процессе освоения культурного заимствования принимают инновационный пласт культуры как свой, формируя новую множественную идентичность в условиях снижения влияния «прямого» коммуникационного коридора [13, с. 96] (непосредственного контакта с индивидом, в группе) и нарастающего влияния ИИ. Любая идентичность есть результат управленческих отношений и воздействий [25, с. 14]. Кто управляет и оказывает влияние? Стремительно развиваются технологии манипулирования, идеологического или рекламного воздействия на массы индивидов мирового сообщества, цель — качественное изменение идентичности. В результате информационно-сетевое влияние на идентичность масс происходит вытеснение базовых традиционных ценностей чуждым культурным кодом и навязанными ценностями. Сегодня ситуация меняется — на государственном уровне особое внимание уделено как развитию технологий по выявлению информационной агрессии, так и реализации национальных проектов, направленных на организованный отпор противнику в части формирования смыслов и ценностей [35].

Следующее необратимое последствие глобальной трансформации, о котором предупреждали ученые, — тотальное коллекционирование персональных данных на серверах датацентров корпораций, цель которых — контроль и производство идентичности, задаваемое непрерывным взаимодействием с личностью в самых разных контекстах, предлагаемых все нарастающим количеством алгоритмических систем [13, с. 104]. Цифровая цивилизация наградила человека функцией микропроцессора, неосознанно поставляющего данные в глобальный поток и активно потребляющего подготовленный информационный хаос, что влияет на потерю интеллекта [31, с. 443–453]. По мнению В. А. Лекторского, сканирование мыслей посредством снятия информации

с нейродинамических кодов головного мозга грозит опасностью тотального контроля над поведением [10, с. 83–87].

Меняется ландшафт проектной деятельности, продиктованный современными вызовами кибербезопасности, где ключевой компонент технологичного будущего — люди. Основатель современной школы интернет-разведки в России Масалович прокомментировал завершение формирования генеративного ИИ: «для ChatGPT4.0 кончились размеченные данные, учить большие данные больше нечем. ChatGPT5.0 создается для ИИ». С 2018 г. трафик ботов в интернет-сети превышает человеческий трафик, что говорит о проблеме роста нереальной информации в глобальной сети. Эксперты активно обсуждают возможные угрозы на этапе цифровой цивилизации и роль ИИ в обеспечении безопасности [15]:

1. Кратный рост хакерских атак на критическую инфраструктуру, использование всей мощи ИИ для масштабных манипуляций над сознанием масс. Как следствие, закономерный рост количества запросов на баг-баунти (открытый конкурс по поиску уязвимостей).

2. Интеграция ИИ в OSINT (разведка) «позволяет повысить эффективность и точность операций за счет автоматизации выявления и анализа релевантной информации из огромного количества данных, доступных в открытом доступе [33]. Огромные массивы информации анализируются за секунды, где скрытые закономерности выявляются молниеносно, а прогнозы строятся на основе миллионов данных.

3. Появление автономного оружия на основе ИИ.

4. Отсутствие международного сотрудничества в создании глобальных механизмов управления безопасностью.

5. Интеграция ИИ в подготовку хакерских атак и закономерный результат — формирование иммунитета на корпоративном уровне к негативным воздействиям.

6. Создание доверенной среды разработки и использования ИИ посредством развития концепций алгоритмов анализа происхождения и достоверности данных.

7. Создание и развитие роевого интеллекта — технологии ИИ, действующей на очень высокой скорости по принципу самоорганизующегося коллектива и применимой в междисциплинарных направлениях: энергетике, транспорте и логистике, медицине, культуре и искусстве, военных наук. Китайские ученые продемонстрировали работу роя — группа дронов, способных к общению на естественном языке и коллективному решению задач [8].

8. Главный тренд социо-цифровой реальности — утрата приватности. Сегодня сбор и обработка персональной информации превратились из одной из возможных форм контроля в главную технику контроля и производства идентичности [13, с. 104].

Социализация личности будет происходить в среде, где коллективный и индивидуальный разум ИИ формирует новую информационно-культурную реальность. Сильный ИИ, основанный на самообучающихся нейросетях, становится активным субъектом в создании культуры, производя и тиражируя культурные образцы в социокоммуникативном пространстве, заменяя тра-

диционную социализацию, отмечает И. И. Докучаев [12, с. 17–18]. Будущее человечества не безоблачно. Важно осознание ключевой антропологической стратегии, где развитие технологий для людей, а не людей для технологий. Для сохранения идентичности человека и развития сценария гуманной социализации уже сегодня необходимы институты, системы сознательного контроля и этической экспертизы научно-технологического развития в формате аксиологического диалога.

Цифровая социализация. Остаться собой

Согласно статистическим данным отчета Digital 2024 [29], социальными сетями пользуются 5,04 млрд человек, что составляет около 62 % от общей численности населения. Люди проводят в социальных сетях все больше времени. Распространенные причины пребывания в интернете в 2024 г.: 61 % респондентов занимаются поиском информации; 38,5 % респондентов используют социальные сети, чтобы «занять свободное время». Социальные сети приобрели дополнительный статус развлекательного контента. По мнению М. Канавцева, сериалы, фильмы, мультфильмы не просто являются развлечением, а формируют модели поведения личности в социокультурном пространстве [14]. Западный кинематограф до недавнего времени доминировал на российских экранах, открывая чуждый россиянам культурный код. Влияют ли алгоритмы цифровых платформ на формирование целеполагания? Любой виртуальный герой — это алгоритм, сценарий поведения. В информационном коммуникативном пространстве происходит массовое воздействие на сознание личности посредством демонстрации алгоритмов и выстраивания внутренних понятийных основ в логике действий и выбора героя. Это управляемые параметры. Кто сегодня влияет на формирование ценностей и целеполагания личности? Массмедиа, глобальные «империи СМИ» производят и навязывают экранные образы, стиль жизни и ценности по всему миру, развивая эрозию традиционной национальной идентичности, заменяя ее транснациональными потребительскими моделями [32, с. 6–7]. За период 2016–2020 гг. в США снято и показано 2 463 сериала для взрослых, только в 2020 г. в США снято и показано 1 665 детских сериалов, в ЕС — 2 200 сериалов и документальных фильмов [14].

За последние три десятилетия оказано колоссальное по масштабу воздействие на высший уровень мышления, смыслы и ценности как минимум двух поколений, что в конечном итоге предопределяет модели поведения масс и влияет на формирование культурного кода разных возрастных групп социума. Сегодня, в эпоху жесткого противостояния государств, работает «стратегия «нивелирования» чужих культурных ценностей, вплоть до стратегии «культуры отмены» [4, с. 51]. Русский социолог П. Сорокин предсказал: «Мышление заменится “поиском информации”; вместо мудрецов будут шустрые Алексы, вместо подлинных критериев — фальшивки, вместо великих лидеров — мошенники» [28, с. 882]. Подрастающее поколение активно осваивает виртуальное пространство, что предопределяет более высокую готовность новых поколений к изменениям, но к изменениям технологического характера.

В период исторического поворота массовая культура становится ключевым агентом социализации, выполняя функцию культурного «лифта» и семио-

тического перекодирования. Цифровая среда позволяет массовой культуре мгновенно тиражировать и адаптировать культурные тексты любого уровня (от классики до актуальных идеологем), превращая их в материал для повседневного потребления. В результате инкультурация личности происходит в поле напряженной амбивалентности: с одной стороны, человек вовлекается в унифицированный глобальный масскульт, контролирующий сознание, с другой — получает доступ к многослойным текстам, требующим сложной интерпретации и выбора собственной культурной позиции между массовым и элитарным, глобальным и традиционным, отмечает И. В. Кондаков [18, с. 521–522]. Современная коммуникация изобилует не только возможностями, наряду с перспективными направлениями для человечества существуют прямые угрозы, влияющие на становление личности, на формирование модели поведения индивида, его ценностные установки. С точки зрения ценностного развития, киберпространство — в большей степени посредник информационной интоксикации, наступила эра духовного фашизма в социальных нормах (пассивность, одиночество, психологическое отчуждение, политкорректное лицемерие и прочий «толпоэлитаризм»), складывающихся в Техносе. Интересна полемика Ю. М. Резника и В. А. Кутырева об «усовершенствовании» человека и утрате антропологической формы: человек станет виртуальным существом, а человеческий мозг перестанет быть органическим и получит новый носитель. «Либо мы, конвергируя, т. е. сливаясь с техникой, растворимся в ней, либо будем бороться за сохранение своей субъектности, т. е. коэволюционировать», — настаивает В. А. Кутырев [22, с. 132–139].

Заслуживает внимания позиция Е. И. Ярославцевой об аутопозисе человека в цифровую эпоху с целью реализации психофизиологического иммунитета. Сетевые коммуникации вдохновили возможностью мгновенного перемещения в пространстве и времени, однако обеспечение цифрового доступа к необходимой коммуникации переводит проблему на другой уровень сложности — цифровой паралич. Сегодня для сохранения устойчивости важно обеспечить баланс и перераспределение нагрузок для своей мышечной системы. Для развития речи важно поддерживать форму — читать вслух, выступать, тренироваться, так и для обеспечения физической гармонии нужно иметь набор упражнений в условиях цифровой неподвижности [33, с. 103–119].

Отдельной рефлексии требует вопрос о том, не приведут ли ускоряющаяся цифровизация и перманентное пребывание индивида в киберпространстве к последующей рассогласованности множественных идентичностей Я-концепции. «Недавно видел умную рекламу одежды какой-то фирмы: “Изменяясь, оставаться собой”, — это и есть устойчивость в потоке перемен», — отмечает В. А. Кутырев [21, с. 54]. Человеку важно сохранить равновесие, самость, мотивацию в океане глобальных изменений.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что идет постепенное осмысление динамики развития гибридной личности в цифровом обществе. Процесс становления цифрового поколения происходит в условиях постоянно меняющегося и масштабного растущего контекста коммуникации, который благодаря технологической

революции обрушивается на формирующееся сознание в режиме 24/7 в невиданных ранее объемах в условиях стремительного развития деструктивных социальных практик при низком уровне технологий этики и безопасности. В новых условиях под влиянием эволюции структур знания, геополитических вызовов и цивилизационного развития происходит динамичная трансформация человека, персональная модернизация личности принимает современные формы, отмечает В. П. Веряскина [6, с. 143–147; 7, с. 83–95]. Сформирована «культура момента», развивается новая модель поведения личности с ориентацией на быстротечность и недолговечность связей и контактов [5, с. 27–35].

Понятны вызовы, стоящие перед социумом: использование высокотехнологичного потенциала медийного пространства для манипулирования сознанием масс в условиях медиабезграмотности, цифрового неравенства, усложняющейся концепции вызовов кибербезопасности и отсутствия актуального образования. И. И. Докучаев задает радикальную дилемму: «Или мы остаемся людьми и тогда неизбежно погибнем, или искусственный интеллект даст нам шанс на изменение и выживание» [12, с. 19]. Либо человечество сохраняет свою классическую природу (свободу, творчество) и рискует погибнуть от глобальных угроз, либо принимает трансформацию под влиянием ИИ, что, возможно, обеспечит выживание, но ценой утраты традиционной человеческой субъективности — по мотивам антиутопии Хаксли [30]. Цифровая социализация в эпоху сильного ИИ будет означать интеграцию личности в управляемую технологиями ноосферу, где ее «счастье» может быть обеспечено через отказ от фундаментальных человеческих качеств. Неограниченные возможности технического прогресса, находящиеся не в тех руках, несут глобальную опасность. Естественнонаучная грамотность индивида — необходимое условие его адаптации к цивилизации [23, с. 45] в новых условиях сложностного общества, где многое зависит от эффективности действующих институтов социализации [24, с. 28–30], работа которых будет направлена на формирование нравственной ответственности, стоящей выше функциональной [10, с. 83–87]. С точки зрения И. В. Кондакова, позитивный потенциал цифровой социализации в кризисный период связан со способностью эристики через продуцируемую ею смысловую неопределенность, выступать как имплицитный механизм перехода к новой культурно-исторической парадигме, меняя традиционные стереотипы и открывая пространство для новых интерпретаций и исторических инноваций [17, с. 223–225].

Цифровая трансформация коммуникативного пространства требует четкой позиции сообщества относительно гуманистического императива развития цифровой цивилизации, необходима скоординированная деятельность гражданского общества по сохранению культурного и человеческого капитала, — настаивают ученые [1, с. 527]. Безусловно, мы уже в новой форме естественности человека. Для динамики гуманного контекста важно контролировать и развивать технологии во благо человека, и для движения в этом направлении есть колоссальные возможности при условии, что в основе настройки цифровых алгоритмов коммуникативного процесса заложены «нормативные требования значимости» и традиционные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О. Н. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 5. С. 516–531.
2. Астафьева О. Н. Сетевая культура научных сообществ: самоорганизация интерактивных коммуникаций в интернет-среде // Международный журнал исследований культуры. 2024. № 2 (55). С. 38–57.
3. Астафьева О. Н. Междисциплинарная открытость концепта «культурная идентичность»: теоретическая и методологическая оптика культурологов: материалы VI Российского Культурологического конгресса с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации». Москва: Институт Наследия, 2024. С. 13–14.
4. Батыршин Р. И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник культуры и искусств. 2024. № 1 (77). С. 46–54.
5. Будилина А. В. Digital-потребление в «культуре момента»: от феномена — к характеристикам потребителя // Вестник культуры и искусств. 2023. № 3 (75). С. 27–35.
6. В Китае создали дронов с «человеческим мозгом» для решения сложных задач. Telegram канал «Новости Китая | ЭКД». [Электронный ресурс] URL: t.me/ekdme (дата обращения: 16.11.2025).
7. Веряскина В. П. Предмет социальной философии в контексте современных вызовов // Философские науки. 2018. № 6. С. 143–147.
8. Веряскина В. П. Трансформация человека: исторические истоки и этапы персональной модернизации // Философия и современность. 2020. № 4. С. 83–95.
9. Гусейнов А. А. «Свой» и «чужие» в глобализирующемся мире // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПбГУП. 2014. С. 55–57.
10. Гусейнов А. А. В поисках будущего // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 83–87.
11. Докучаев И. И. Перформативная сущность сетевой культуры и искусства. Опыт типологического анализа // Международный журнал исследований культуры. 2024. № 2 (55). С. 6–16.
12. Докучаев И. И. Социальная сеть и нейросеть как субъекты культурогенеза сетевой культуры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 11–20.
13. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография // Астафьева О. Н., Зубанова Л. Б., Кириллова Н. Б. [и др.]; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 292.
14. Канавцев М. В. Отмычка для мозгов: защита и развитие специалистов в условиях когнитивных войн. XI Всероссийский форум региональной информатизации «ПРОФ-IT», «ВКонтакте». Правительство Новосибирской области. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/video-206555699_456239478 (дата обращения: 08.09.2025).
15. Кибербезопасный мир будущего. [Электронный ресурс] URL: <https://future24.russia.ru/program/kiberrazvedka-kiberspioniy-i-belye-xakery-istocniki-opasnosti-i-zashhity> (дата обращения: 15.11.2025).
16. Киберпанк и биопанк: к какому технологическому будущему мы стремимся? [Электронный ресурс] URL: <https://future24.russia.ru/program/kiberpank-i-biopank-kakomu-texnologiceskomu-budushhemu-my-stremimsia> (дата обращения: 15.11.2025).
17. Кондаков И. В. Массовая культура: опыт теории относительности // Обсерватория культуры. 2018. Т. 14. № 5. С. 516–523.

18. Кондаков И. В. К современной философии истории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4 (2). С. 221–230.
19. Кордейро Х. Л. Самое время. Фрагмент выпуска от 31.01.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/samoe-vremya/hose-luis-kordeyro-samoe-vremya-fragment-vypuska-ot-31-01-2025> (дата обращения: 30.11.2025).
20. Кравченко С. А. Становление сложной реальности: востребованность гуманизации формирующегося социо-цифрового человеческого капитала // Цифровое общество — новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения. СПб.: Скифия-принт. 2020. С. 66.
21. Кутырев В. А., Резник Ю. М. Человек-PR О. Версии «расширенного» человека: за и против // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 23. № 3. С. 130–143.
22. Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Я антропоконсерватор: хочу остаться человеком... как можно дольше // Философская мысль. 2019. № 4. С. 54.
23. Мамедов Н. М. Развитие гуманистических идей как глобальный процесс // Век глобализации. 2021. № 1. С. 19–31.
24. Мамедов Н. М., Мансурова С. Е. Естественнонаучная грамотность как условие адаптации человека к эпохе перемен // Ценности и смыслы. 2020. № 5 (69). С. 45–59.
25. Митрошенков О. А. Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям // Власть. 2016. № 2. С. 14–28.
26. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
27. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37.
28. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Москва: Астрель, 2006. 1176 с.
29. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год — цифры и тренды в мире и в России / Полный отчет Digital 2024: Global Overview Report. [Электронный ресурс] URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 20.11.2025).
30. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2023. 352 с.
31. Харари Ю. Н. Краткая история будущего. Москва: Синдбад, 2023. 496 с.
32. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты // Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.
33. Ярославцева Е. И. Феномен саморазвития человека: кинезиология как тезаурус тела // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 103–126.
34. GPT для OSINT: как искусственный интеллект революционизирует сбор и анализ информации. [Электронный ресурс] URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Bitshield/354201.php> (дата обращения: 24.11.2025)
35. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 20.11.2025).

REFERENCES

1. Astaf'eva, O. N. Kul'tura v tsifrovoi tsivilizatsii: novyi etap osmysleniia strategii budushchego dlia ustoichivogo razvitiia [Culture in digital civilization: a new stage in rethinking

future strategies for sustainable development]. In: *Observatoriia kul'tury*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 516–531 (in Russian).

2. Astaf'eva, O. N. Setevaia kul'tura nauchnykh soobshchestv: samoorganizatsiia interaktivnykh kommunikatsii v internet-srede [Network culture of scientific communities: self-organization of interactive communications in the Internet environment]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury*, 2024, no. 2 (55), pp. 38–57 (in Russian).

3. Astaf'eva, O. N. Mezhdistsiplinarnaia otkrytosť kontsepta “kul'turnaia identichnost'”: teoreticheskaia i metodologicheskaia optika kul'turologov [Interdisciplinary openness of the concept of “cultural identity”: theoretical and methodological optics of cultural studies scholars]. In: *Materialy VI Rossiiskogo kul'turologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem “Kul'turnaia identichnost' v prostranstve traditsii i innovatsii”*. Moscow, Institut Naslediia Publ., 2024, pp. 13–14 (in Russian).

4. Batyrshein, R. I. K voprosu o poniatii kul'turnogo koda natsii: lingvisticheskii i kul'turologicheskii podkhody [On the concept of the cultural code of a nation: linguistic and cultural approaches]. In: *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 2024, no. 1 (77), pp. 46–54 (in Russian).

5. Budilina, A. V. Digital-potreblenie v “kul'ture momenta”: ot fenomena — k kharakteristikam potrebitelia [Digital consumption in the “culture of the moment”: from phenomenon to consumer characteristics]. In: *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 2023, no. 3 (75), pp. 27–35 (in Russian).

6. *V Kitae sozdali dronov s “chelovecheskim mozgom” dlia resheniia slozhnykh zadach* [Drones with a “human brain” created in China to solve complex tasks]. Telegram-kanal “Novosti Kitaia | EKD”. [Electronic resource] URL: <https://t.me/ekdme> (accessed: 16.11.2025) (in Russian).

7. Veriaskina, V. P. Predmet sotsial'noi filosofii v kontekste sovremennykh vyzovov [The subject of social philosophy in the context of contemporary challenges]. In: *Filosofskie nauki*, 2018, no. 6, pp. 143–147 (in Russian).

8. Veriaskina, V. P. Transformatsiia cheloveka: istoricheskie istoki i etapy personal'noi modernizatsii [Human transformation: historical origins and stages of personal modernization]. In: *Filosofii i sovremennost'*, 2020, no. 4, pp. 83–95 (in Russian).

9. Guseinov, A. A. “Svoi” i “chuzhie” v globaliziruiushchemsia mire [“Us” and “them” in a globalizing world]. In: *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: XIV Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniia*. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2014, pp. 55–57 (in Russian).

10. Guseinov, A. A. V poiskakh budushchego [In search of the future]. In: *Mirovoe razvitie: problemy predskazuemosti i upravliaemosti: XIX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniia*. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2019, pp. 83–87 (in Russian).

11. Dokuchaev, I. I. Performativnaia sushchnost' setevoi kul'tury i iskusstva. Opyt tipologicheskogo analiza [The performative essence of network culture and art: an experience of typological analysis]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury*, 2024, no. 2 (55), pp. 6–16 (in Russian).

12. Dokuchaev, I. I. Sotsial'naia set' i neuroset' kak sub"ekty kul'turogeneza setevoi kul'tury [Social network and neural network as subjects of the cultural genesis of network culture]. In: *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, 2025, vol. 19, no. 3, pp. 11–20 (in Russian).

13. Astaf'eva, O. N., Zubanova, L. B., Kirillova, N. B., et al. *Informatsionnaia epokha: novye paradigmy kul'tury i obrazovaniia* [The information age: new paradigms of culture and education]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2019. 292 p. (in Russian).

14. Kanavtsev, M. V. *Otmychka dlia mozgov: zashchita i razvitie spetsialistov v usloviakh kognitivnykh vojn* [A master key for brains: protection and development of specialists in conditions of cognitive wars]. XI Vserossiiskii forum regional'noi informatizatsii “PROF-IT”. VKontakte stranitsa Pravitel'stva Novosibirskoi oblasti. [Electronic resource] URL: https://vk.com/video-206555699_456239478 (accessed: 08.09.2025) (in Russian).

15. *Kiberbezopasnyi mir budushchego* [A cyber-secure world of the future]. [Electronic resource] URL: <https://future24.russia.ru/program/kiberrazvedka-kiberspiony-i-belye-xakery-istocniki-opasnosti-i-zashhity> (accessed: 15.11.2025) (in Russian).

16. *Kiberpank i biopank: k kakomu tekhnologicheskomu budushchemu my stremimsia?* [Cyberpunk and biopunk: what technological future are we striving for?]. [Electronic resource] URL: <https://future24.russia.ru/program/kiberpank-i-biopank-k-kakomu-tekhnologicheskomu-budushchemu-my-stremimsia> (accessed: 15.11.2025) (in Russian).

17. Kondakov, I. V. Massovaia kul'tura: opyt teorii otnositel'nosti [Mass culture: an experience of the theory of relativity]. In: *Observatoriia kul'tury*, 2018, vol. 14, no. 5, pp. 516–523 (in Russian).

18. Kondakov, I. V. K sovremennoi filosofii istorii [Toward a contemporary philosophy of history]. In: *Vestnik RGGU. Seriiia "Filosofiia. Sotsiologiia. Iskusstvovedenie"*, 2017, no. 4 (2), pp. 221–230 (in Russian).

19. Kordeiro, Kh. L. *Samoe vremia. Fragment vypuska ot 31.01.2025* [It's high time. Episode fragment of 31.01.2025]. [Electronic resource] URL: <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/samoe-vremya/hose-luis-kordeyro-samoe-vremya-fragment-vypuska-ot-31-01-2025> (accessed: 30.11.2025) (in Russian).

20. Kravchenko, S. A. Stanovlenie slozhnoi real'nosti: vostrebovannost' gumanizatsii formiruiushchegosia sotsio-tsifrovogo chelovecheskogo kapitala [The formation of complex reality: the demand for humanization of emerging socio-digital human capital]. In: *Tsifrovoe obshchestvo — novyi format sotsial'noi real'nosti: struktury, protsessy i tendentsii razvitiia: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii XIV Kovalevskie chteniia*. Saint Petersburg, Skifiia-print Publ., 2020, p. 66 (in Russian).

21. Kutyrev, V. A., Reznik, Iu. M. Chelovek-PR O. Versii "rasshirenno" cheloveka: za i protiv [Human-PR O. Versions of the "augmented" human: pros and cons]. In: *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 130–143 (in Russian).

22. Kutyrev, V. A., Sliusarev, V. V., Khusiainov, T. M. Ia antropokonservator: khochu ostat'sia chelovekom... kak mozhno dol'she [I am an anthropoconservative: I want to remain human... as long as possible]. In: *Filosofskaia mysl'*, 2019, no. 4, p. 54 (in Russian).

23. Mamedov, N. M. Razvitie gumanisticheskikh idei kak global'nyi protsess [The development of humanistic ideas as a global process]. In: *Vek globalizatsii*, 2021, no. 1, pp. 19–31 (in Russian).

24. Mamedov, N. M., Mansurova, S. E. Estestvennonauchnaia gramotnost' kak uslovie adaptatsii cheloveka k epokhe peremen [Scientific literacy as a condition for human adaptation to an era of change]. In: *Tsenosti i smysly*, 2020, no. 5 (69), pp. 45–59 (in Russian).

25. Mitroshenkov, O. A. *Identichnost': ot teoreticheskogo kontsepta k upravlencheskim vozdeistviiam* [Identity: from a theoretical concept to managerial interventions]. In: *Vlast'*, no. 2, pp. 14–28 (in Russian).

26. Nazarchuk, A. V. *Teoriia kommunikatsii v sovremennoi filosofii* [Theory of communication in contemporary philosophy]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2009. 320 p. (in Russian).

27. Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., Iliukhina, S. N. Ia-real'noe i Ia-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [Real self and virtual self: identification matrices of adolescents and adults]. In: *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiia*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 27–37 (in Russian).

28. Sorokin, P. A. *Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel' Publ., 2006. 1176 p. (in Russian).

29. *Statistika interneta i sotssetei na 2024 god — tsifry i trendy v mire i v Rossii / Polnyi otchet Digital 2024: Global Overview Report* [Internet and social media statistics for 2024 —

figures and trends worldwide and in Russia]. [Electronic resource] URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (accessed: 20.11.2025) (in Russian).

30. Huxley, A. *O divnyi novyi mir* [Brave New World]. Moskow, AST Publ., 2023. 352 p. (in Russian).

31. Harari, Yu. N. *Kratkaia istoriia budushchego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Moskow, Sindbad Publ., 2023. 496 p. (in Russian).

32. Kondakov, I. V., Sokolov, K. B., Khrenov, N. A. *Tsivilizatsionnaia identichnost' v perekhodnuu epokhu: kul'turologicheskii, sotsiologicheskii i iskusstvovedcheskii aspekty* [Civilizational identity in a transitional era: cultural, sociological, and art historical aspects]. Moskow, Progress-Traditsiia Publ., 2011. 1024 p. (in Russian).

33. Iaroslavtseva, E. I. Fenomen samorazvitiia cheloveka: kineziologiiia kak tezaurus tela [The phenomenon of human self-development: kinesiology as a thesaurus of the body]. In: *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 2019, no. 2, pp. 103–126 (in Russian).

34. *GPT dlia OSINT: kak iskusstvennyi intellekt revoliutsioniziruet sbor i analiz informatsii* [GPT for OSINT: how artificial intelligence is revolutionizing information collection and analysis]. [Electronic resource] URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Bitshield/354201.php> (accessed: 24.11.2025) (in Russian).

35. *Ukaz Prezidenta RF ot 2 iulia 2021 g. no. 400 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. Garant information system website. [Electronic resource] URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (accessed: 20.11.2025) (in Russian).

УДК 130.2 + 712.01

*Т. С. Ващенко**

САД КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО КОДА ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ САДОВО-ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ КРЫМА)

В статье анализируется взаимосвязь садово-паркового искусства с формированием культурного кода территории. Сад рассматривается в качестве материального воплощения культурного кода — своеобразного текста, в котором зашифрованы философские воззрения, эстетические идеалы и духовные ценности создавшего его общества. На примере крымских городов демонстрируется, как специфика садов и парков отражает и формирует локальную идентичность. Автор обосновывает необходимость учета культурного кода при создании и реконструкции зеленых пространств современных городов. Игнорирование этой особенности ведет к появлению обезличенных объектов, разрывающих связь поколений и нивелирующих культурную уникальность территории. При таком подходе современное паркостроение, отвечая актуальным функциональным требованиям, способно развивать местные традиции, обеспечивая преемственность культурной идентичности.

Ключевые слова: культурный код, культурная идентичность, культурный ландшафт, сад, садово-парковое искусство.

T. S. Vashchenko

GARDEN AS AN ELEMENT OF CULTURAL CODE OF THE TERRITORY (IN EXAMPLE OF THE GARDEN-PARK COMPLEXES OF CRIMEA)

The article analyses the relationship of garden and park art with the formation of the cultural code of the territory. The garden is seen as a material embodiment of the cultural code — a kind of text in which are codified philosophical views, aesthetic ideals and spiritual values of the society that created it. The example of Crimean cities demonstrates how the specificity of gardens and parks reflects and forms local identity. The author justifies the need

* Ващенко Татьяна Сергеевна — аспирант; vas_ts@mail.ru; Крымский университет культуры, искусств и туризма, Российская Федерация, 295017, Симферополь, ул. Киевская, 39.

Tatyana Sergeevna Vashchenko — postgraduate student; vas_ts@mail.ru; Crimean University of Culture, Art and Tourism, 39, Kievskaya street, Simferopol, 295017, Russian Federation.

to take into account the cultural code in the creation and reconstruction of green spaces of modern cities. Ignoring this feature leads to the appearance of depersonalized objects, breaking the link between generations and minimizing the cultural uniqueness of the territory. With this approach, a modern car park, meeting current functional requirements, can develop local traditions, ensuring the continuity of cultural identity.

Keywords: cultural code, cultural identity, cultural landscape, garden, garden-park art.

Культурная идентичность, являясь сложным социально-психологическим феноменом, базируется на психологической необходимости для человека понять и систематизировать представления о себе и своем месте в картине мира [11]. В стремлении достичь состояния целостности с окружающей действительностью, что является невозможным в прямом смысле, индивиду свойственно тяготение к различным видам общностей: языковой, религиозной, политической и др. Базовым условием для этого служит процесс включения его в культурно-символическое пространство, свойственное определенному местному сообществу, где через принятие единых идеалов, традиций и образов происходит окончательное формирование его принадлежности.

Фундаментом культурной идентичности индивида выступает культурный код места его рождения или продолжительного проживания. Культурный код в этноисторическом контексте является выразительной характеристикой отдельных территорий и представляет собой комплексный набор устоявшихся в ходе исторического развития признаков определенного пространства, формирующих его уникальность и узнаваемость.

Сад, являющий собой символический текст о философских воззрениях, эстетических и социально-духовных идеалах эпохи своего создания, оказывает существенное влияние на становление как культурной идентичности человека, так и культурного кода территории. Более того, сад является материальным воплощением культурной идентичности, весомым механизмом формирования, поддержания и представления культурного кода территории.

По мнению ряда ученых (Д. С. Лихачев, С. Т. Махлина и др.), сад кодирует свою эпоху. Он является «ярким выражением кодов культуры той или иной страны того или иного периода» [12, с. 57]. Сад позволяет «стать свидетелем неожиданного эффекта: простое соположение различных фактов создает представление о самом “тексте” культуры, его словаре, грамматике, его бытовой стилистике» [15, с. 5].

Влияние объектов садово-паркового искусства на культурный код проявляется по-разному. Регулярный парк, имеющий строгие геометрические формы и декларирующий подчинение природы человеку, отображает абсолютистские веяния европейской культуры, когда преобладала вера в могущество разума. Совершенно другие характеристики культурного кода проявляются в пейзажном парке. Такой парк подчеркивает красоту естественной природы, что символизирует стремление к гармонии с окружающим миром, создавая романтические настроения и побуждая созерцать [10]. Яркий пример демонстрации этнических особенностей культурной идентичности — японский сад камней, который является не просто композицией, а философией буддизма, когда каждый элемент, объект — это символ, понятный локальному культурному сообществу.

Данная особенность сада определяет необходимость учитывать культурный код территории при создании новых или реконструкции существующих зеленых насаждений. Игнорирование культурного кода неизбежно ведет к появлению садов и парков, культурно обезличенных и чуждых для конкретных территорий. Появление таких объектов, не учитывающих исторически сложившийся локальный культурный код, приводит к разрыву связи поколений и лишает местных жителей важного компонента их культурной идентичности. Сад, утративший узнаваемые символы и аутентичные элементы, воспринимается как неподходящий, чуждый данной территории. Это негативно сказывается на его общественной ценности и эмоциональном восприятии, делает его унифицированным, размывая культурную идентичность проживающих на локальной территории людей.

В своем исследовании процессов взаимодействия культуры и пространства российский ученый, доктор культурологии Д. Н. Замятин справедливо заметил: «Пространство и время — наиболее естественные и органичные координаты культуры» [4, с. 7]. Сад представляет собой «микрорландшафт, наполненный смыслами, соответствующими его эпохе» [9, с. 52]. В процессе культурного развития первоначальные значения и символы могут претерпевать изменения, получая новое толкование, преобразовываясь или полностью утрачиваясь. С точки зрения культурологии, сад представляет собой сложный знаковый текст, выражающий базовые культурные коды. Одновременно с этим сад — неотъемлемая часть культурного ландшафта города, который также обладает свойствами семиотической системы. То есть город объединяет многообразие знаковых подсистем, в том числе садов, находящихся в сложном взаимодействии.

Базовым для понимания культурной, символической природы сада является понятие «культурный ландшафт», что обуславливает необходимость обращения к его некоторым смысловым аспектам. В исследованиях отечественных ученых Ю. А. Веденина и М. Е. Кулешовой [1; 2; 6; 7; 8] культурный ландшафт предстает как

«... не просто результат сотворения человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, который обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях» [8, с. 13].

То есть культурный ландшафт, созданный в процессе человеческой деятельности и во взаимосвязи с природой, — это особая форма культуры, которая возникла в определенное время и подвержена основным стадиям процесса развития: возникновению, пику развития и угасанию. Поскольку данный процесс происходит под непосредственным воздействием социума в определенных природно-климатических условиях и в контексте определенной этнической культуры, его правомерно рассматривать как сложный знаковый комплекс, несущий в себе символы и философию создавшей его общности [17].

Особенная ценность культурного ландшафта заключается в его способности собирать и художественно преобразовывать как современные ему представления, так и наследие предыдущих поколений о взаимоотношениях человека

и природы. В этом контексте сад становится материальным выражением тех способов взаимодействия с окружающим миром, которые сложились в рамках породившего его общества. Именно поэтому каждый объект садово-паркового искусства представляет собой уникальный источник знаний о мировоззрении, ценностных ориентирах и практических навыках людей определенной исторической эпохи и культурной традиции.

Яркими примерами взаимосвязи сада с культурным кодом территории являются садово-парковые комплексы Крыма. Несмотря на относительно небольшую площадь и общую историю развития, в Крыму можно выделить несколько совершенно отличных друг от друга направленностей культурных кодов отдельных городов и территорий: существенно различается семантика садов Южного берега Крыма (ЮБК), г. Севастополя и г. Бахчисарая.

Развитие садово-паркового искусства ЮБК происходило под влиянием различных художественных направлений и философских течений. Следует отметить, что данный регион полуострова изобилует дворцово-парковыми и старинными усадебными комплексами. Представители дворянства, поэты и художники Екатерининской эпохи и последующих периодов часто организовывали здесь свои дачные резиденции. Эти парковые территории, имеющие статус охраняемых памятников, создают целостную пространственную композицию, объединяющую жилые здания, технические сооружения и озелененные территории [17].

Дворцово-парковые комплексы ЮБК проектировались с учетом основных тенденций русской художественной школы, при этом значительное воздействие оказал опыт создания знаменитых парковых комплексов Москвы и Санкт-Петербурга. И все же крымские дворцы и парки обрели особый, уникальный характер, обусловленный локальной природой и богатым историческим наследием [5].

В крымских усадьбах садово-парковое искусство выступает как синтез различных видов художественного творчества, где естественная природа соединяется в неразрывном единстве с рукотворными сооружениями. Здесь продумано разумное взаимодействие всех составляющих: рельефа местности, водных источников, зеленых насаждений и архитектурных форм. Именно это органичное сочетание естественного и рукотворного создает неповторимый характер крымских усадеб, делая их важной частью культурного достояния региона. На ЮБК формируется эстетическая и релаксирующая направленность культурного кода.

Живописность крымских пейзажей позволила ландшафтным архитекторам достичь гармоничного сочетания архитектурных форм с окружающей природой. Им удалось органично вплетать разнообразные стилевые решения и исторические мотивы в существующий ландшафт, создавая целостные художественные произведения, которые воспринимаются как неотъемлемая часть местного пейзажа. Этим ансамблям присущи высокий художественный уровень и выразительность, что, несомненно, является частью культурного кода ЮБК.

Как отмечает искусствовед Е. М. Коляда, сады и парки ЮБК «отразили в своей композиции не только нравственные и эстетические идеалы эпохи, но и стремление освоить культурно-историческое пространство полуостро-

ва» [5, с. 4]. В современную эпоху, когда растет интерес к историческому прошлому Крыма и его роли в истории и культуре Российского государства, их изучение позволяет раскрыть глубину и многогранность художественных замыслов, реализованных в крымском дворцово-парковом наследии.

Создаваемые современные парковые зоны ЮБК сохраняют культурную ценность старинных аналогов. Следует отметить, что сегодня это происходит в условиях значительного влияния антропогенных факторов: расширения городских территорий и активной трансформации природных ландшафтов. Наглядным примером служит масштабная реставрация парка-памятника в детском оздоровительном комплексе «Айвазовское», расположенном в поселке Партенит. Результаты проведенных работ продемонстрировали, что парковая зона, созданная в 60-х гг. прошлого столетия и утратившая свою индивидуальность, будучи заброшенной на протяжении десятилетий, не просто обрела первоначальный облик, но и значительно повысила свою художественную ценность благодаря преобразованию в тематический парк культуры.

Каждое тематическое пространство парка наполнено особой эмоциональной атмосферой, которая раскрывается через уникальную систему образов, основанную на мифологических сюжетах, легендах и исторических фактах, связанных с историческим прошлым данной местности. В настоящее время этот объект садово-паркового искусства успешно осуществляет комплексное предназначение, сочетая в себе оздоровительные, художественные, историко-культурные, рекреационные и природоохранные задачи [17].

Своеобразный культурный код проходит черед сады и парки одного из крупнейших городов Крыма — Севастополя. Город имеет сложную, зачастую трагическую и героическую историю, что наложило отпечаток на культурную идентичность местных жителей. Вместе с тем, основанный на месте древнегреческого города Херсонес, Севастополь призван сохранить и воплотить в себе самобытность античного культурного центра Северного Причерноморья.

Архитектурно-историческое наследие города, которое представлено в том числе объектами садово-паркового искусства, пронизано двумя этими совершенно противоположными, но так гармонично соприкасающимися на локальной территории историко-культурными пластами, формирующими уникальный городской культурный код и образ Севастополя, узнаваемый далеко за пределами Крыма.

В процессе развития Севастополя на рубеже XIX и XX столетий особое значение приобрели бульвары и набережные, которые взяли на себя важную мемориальную функцию. Например, на центральном Приморском бульваре гармонично синтезированы архитектурные формы и природные элементы, увековечивающие память о затопленных кораблях в период обороны города 1854–1855 гг. Здесь, как и во многих других парках и скверах Севастополя, присутствуют конструкции настоящих корабельных якорей и цепей, напоминающих о военно-морской тематике города.

К элементам садово-парковой архитектуры, формирующим узнаваемый образ города, относятся балюстрады, монументальные лестничные марши, подпорные стены, создающие террасные композиции. В такой тематике оформлены Матросский бульвар — первый бульвар Севастополя, построенный в 1830 г.

и посвященный подвигу экипажа брига «Меркурий» в сражении 1829 г.; Малахов курган — символ военной доблести, мужества защитников города и стойкости его жителей, мемориальный комплекс в честь героической обороны Севастополя в разные эпохи; Исторический бульвар — городской мемориальный парк, наполненный памятниками, сооружениями и объектами военной истории 349-дневной обороны русскими войсками города в Крымской войне 1853–1856 гг.

Садово-парковые комплексы Севастополя — это не просто памятные места, а настоящие хроники героической обороны города в разные эпохи [3]. Они выступают в роли хранителя исторической памяти, формируя культурный код Севастополя патриотической и военно-морской направленности.

Город обилует мемориальными зонами, среди которых формируется и в последние годы активно развивается культурная идентичность античной направленности. Речь идет о Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический», на территории которого можно соприкоснуться с культурой древних греков в первозданном виде. Открытый в 2024 г. в непосредственной близости Музейно-храмовый комплекс «Новый Херсонес», включающий в себя в том числе единственный в мире храм-парк, археологический парк, Екатерининский парк с рекой Героон, призван развивать сакральные духовные и культурные исторические ценности, возникшие на этой территории в древние времена. Президент России В. В. Путин в период строительства комплекса сказал:

«...это один из важнейших истоков нашей духовности. Князь Владимир действительно не только сам крестился в Херсонесе и дружину свою крестил, но потом духовно начал объединять и объединил все славянские племена, проживавшие на этой территории. Это, собственно говоря, легло в основу строительства единого централизованного Российского государства. В этом смысле это место для Российского государства является действительно сакральным и очень важным. Здесь переплетается все: и духовные начала, и государственные, и исторические, культурные наши традиции...» [13].

Таким образом, садово-парковая специфика Севастополя является непосредственным средством формирования и развития исторически сложившегося культурного кода города. Проводимые в последние годы преобразования озелененных территорий Севастополя целенаправленно усиливают его патриотическую, историко-героическую и духовную направленности.

Яркий пример этно-исторического культурного наполнения городской среды посредством садов — Бахчисарай. Основанный в 1532 г. Сахибом I Гераем, этот город по сей день ассоциируется с мусульманской культурой крымских татар. На протяжении долгого времени вплоть до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. Бахчисарай оставался главным городом на полуострове, столицей Крымского ханства. Заложенный в год основания города Ханский дворец является его главной достопримечательностью, формируя направленность культурного пространства прилегающих территорий и всего города в целом.

Особым элементом убранства дворца служили многочисленные сады. Примечательно, что само название «Бахчисарай» в переводе с крымско-

татарского языка означает «Дворец-сад». Создатели архитектурного ансамбля стремились воплотить в Ханском дворце концепцию рая на земле, который, согласно исламским представлениям, есть сад с вечно плодоносящими деревьями и источниками кристально чистой воды. Согласно Корану, плодовые деревья и декоративные растения сочетали в себе утилитарное назначение и вызывали эстетическое наслаждение.

Источником вдохновения средневековых архитекторов служила естественная природа. Исламский запрет на изображения человека и животных предопределил доминирование растительных мотивов в декоре дворца. Садовые образы пронизывают все мусульманское зодчество, где искусно выполненные растительные орнаменты находят свое продолжение в живописных цветниках и беседках, обвитых виноградными лозами [16].

Отдельного внимания заслуживают водные сооружения — фонтаны, находящиеся в синтезе с растительной тематикой. В их оформлении также присутствует мотив сада. Наиболее известный Фонтан слез (Сесебиль) в центре мраморной плиты украшен сложной композицией из мраморных лепестков. Золотой фонтан (Магзуб) поражает богатством резных изображений роз и фруктов. Всего внутри дворца 13 фонтанов, и все они окутаны множеством легенд. Фонтаны устанавливали не только во дворце. Во всем Бахчисарае и его округе в начале XX в. насчитывалось 119 фонтанов. Местные жители всегда с особым трепетом относились к уходу за ними, назначая особых надзирателей за каждым из них из числа уважаемых лиц и мулл [14, с. 91].

Растительная символика проявилась и в оформлении надгробий на Ханском кладбище. Стелы изобилуют резьбой, где каждый элемент наполнен определенным смыслом. Застывшие в камне кипарисы со склоненными вершинами, извивающиеся виноградные лозы, пальмы с плодами и букеты садовых цветов образуют своеобразный символ ушедшей эпохи. На некоторых плитах сохранились поэтические эпитафии, а над могилой Мехбубе-Султан-ханым можно прочесть проникновенную метафору о саде: «В цветнике мира я была роза и, увя, завяла. О, Вечный! помести меня в цветнике рая» [16].

Современники оставили многочисленные свидетельства о великолепии бахчисарайских садов, проникнутых мусульманской культурой, традициями крымских татар. Каждый уголок Ханского дворца пронизан особой атмосферой, где аромат цветущих растений соединяется с мелодией струящейся воды и щебетанием птиц. За пределами дворца улицы города, как правило, не имели существенного озеленения, но внутри дворов домов местных жителей пышно росли фруктовые деревья.

История Крымского ханства существенным образом повлияла на формирование и развитие культурного кода города. В своем исследовании Бахчисарая Н. В. Прокопенков приводит отрывок из Практического путеводителя по Крыму, составленного А. Москвичем в 1889 г.: «Бахчисарай — один из немногих городов Крыма, где мусульманские нравы (между прочим, безупречная честность) сохранились во всей своей патриархальной неприкосновенности» [14, с. 21]. К настоящему времени большинство старых построек Бахчисарая уже утрачено, но планировка улиц и кварталов до сих пор соответствует средневековым традициям.

Окунуться в культурную атмосферу Крымского ханства можно и сегодня, посетив исторический центр Бахчисарая, сосредоточенный вокруг музея Ханского дворца. Однако продолжающие неизбежно расширяться в условиях глобальной урбанизации остальные районы города постепенно теряют свою связь с исторически сформировавшимся культурным кодом города. В том числе современное озеленение города перестало олицетворять культуру Крымского ханства и все более соответствует унифицированной общей тематике современных городов.

Таким образом, в различных регионах Крымского полуострова сложились характерные принципы паркостроения, отображающие локальные культурные коды. Уникальные ландшафты, богатое историко-культурное наследие, использование местных строительных материалов, исторически сложившаяся практика применения художественных приемов и культурных стилей — все это способствовало формированию неповторимого садового стиля в каждом городе.

Исследование процессов создания и развития многочисленных садов и парков полуострова имеет важное значение для формирования культурного кода территорий. При их создании авторы часто обращались к местному фольклору. Усадьбы, дачи и парки связаны с именами выдающихся деятелей отечественной культуры. Владельцами крымских садово-парковых комплексов собирались уникальные произведения искусства, формировались библиотечные фонды и научные коллекции, многие из которых сохранились и составляют гордость не только местных, но и столичных музеев [5]. Садовые композиции, в которых главный акцент делался на естественные природные формы, демонстрируют живописность крымских пейзажей и знакомят с растительным и животным миром полуострова.

К сожалению, недостаточное осознание художественно-эстетической и воспитательной функции крымских садов и парков в некоторых случаях привело к их разрушению или искажению. Значительные утраты понесли усадьбы, преобразованные в советский период в санатории, базы отдыха и государственные резиденции, когда полностью менялось их художественное содержание.

Бережное отношение к культурному коду является не просто данью уважения к истории. Это практическая необходимость для устойчивого развития культурного ландшафта современного города. Сад в этом контексте является проводником, способным сохранить исторически сложившиеся культурные традиции локальной местности в современной интерпретации. При этом выполняя еще одну из важнейших функций по восстановлению и поддержанию связи городского человека с естественной природной средой.

Перспективным видится подход, основанный на тщательном изучении исторического наследия, традиционных приемов паркостроения, характерной для местности флоры и сложившихся визуальных образов. Созданные на основе таких принципов новые сады и парки будут соответствовать функциональным требованиям современного города, вместе с тем продолжая и развивая местные традиции, сохраняя культурную идентичность местных жителей и культурный код территории. В такой парадигме сад является живым организмом, развитие которого происходит посредством культурного взаимодействия прошлого и настоящего.

Таким образом, учет культурного кода при проектировании новых и реконструкции существующих садов и парков конкретного города способствует укреплению культурной идентичности его жителей, обеспечивая преемственность и формируя у людей чувство принадлежности к своему месту, своей истории и культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.
2. Веденин Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990. № 1. С. 3–17.
3. Вергунов А. П., Горохов В. А. Русские сады и парки. М.: «Наука», 1987. 412 с.
4. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
5. Коляда Е. М. Дворцы и парки Крыма XIX — начала XX века, история создания и стилистическая характеристика: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Коляда Екатерина Михайловна. Саратов, 2002. 181 с.
6. Кулешова М. Е. Наследие и природно-культурный каркас территорий // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. № 1. С. 7–14.
7. Кулешова М. Е. Роль культурного ландшафта в поддержании природно-культурного континуума наследия // Наследие и современность. 2022. Т. 5, № 4. С. 392–405.
8. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина и М. Е. Кулешовой. М.; СПб.: Институт Наследия; Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
9. Лавренова О. А. Садово-парковое искусство и метаязык города // География искусства: новые ракурсы: сборник статей. М.: ГИТР, 2020. С. 52–60.
10. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие; Типография «Новости», 1998. 356 с.
11. Малыгина И. В. Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей // Вестник МГУКИ. 2011. № 3. С. 43–48.
12. Махлина С. Т. Сады и парки как коды культуры // Вестник СПбГИК. 2017. № 1 (30). С. 48–58.
13. Музейно-храмовый комплекс «Новый Херсонес»: официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://херсонес.рф/> (дата обращения: 21.11.2025).
14. Прокопенков В. Н. Бахчисарай в литографиях, гравюрах и открытках: Альбом. Симферополь: Издательство «Салта», 2011. 352 с.
15. Сад одного цветка: сборник статей и эссе / сост. и отв. ред. Н. И. Пригарина. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1991. 294 с.
16. Хатыбова У. Мотив сада в архитектуре Ханского дворца [Электронный ресурс] URL: <https://handvorec.ru/novosti/motiv-sada-v-arhitekture-hanskogo-dvortsa/> (дата обращения: 19.11.2025).
17. Шах Ю. В. Роль садово-паркового искусства в формировании культурного ландшафта Южного берега Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. Т. 24 (65). № 1–2. С. 269–274.

REFERENCES

1. Vedenin, Yu. A., Kuleshova, M. E. Kul'turnyj landschaft kak ob'ekt kulturnogo i prirodnogo naslediya [Cultural landscape as an object of cultural and natural heritage]. In: *Izvestiya RAN, Seriya geogr*, 2001, no. 1, pp. 7–14 (in Russian).
2. Vedenin, Yu. A. Problemy formirovaniya kulturnogo landschafta i ego izucheniya [Problems of cultural landscape formation and study]. In: *Izvestiya AN SSSR, Seriya geogr*, 1990, no. 1, pp. 3–17 (in Russian).
3. Vergunov, A. P., Gorokhov V. A. *Russkie sady i parki* [Russian gardens and parks]. Moscow, Publishing house 'Nauka', 1987, 412 p. (in Russian).
4. Zamyatin, D. N. *Kultura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: modelling of geographical images]. Moscow, Znak Publ., 2006, 488 p. (in Russian).
5. Kolyada, E. M. *Dvortsy i parki Kryma XIX — nachala XX veka, istoriya sozdaniya i stilisticheskaya kharakteristika* [Palaces and parks of Crimea XIX — early XX century, history of creation and stylistic characteristic]: dissertatsiya ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.04. Saratov, 2002, 181 p. (in Russian).
6. Kuleshova, M. E. Nasledie i prirodno-kulturnyj karkas territorij [Heritage and natural-cultural framework of territories]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2007, no. 1, pp. 7–14 (in Russian).
7. Kuleshova, M. E. Rol' kulturnogo landschafta v podderzhanii prirodno-kulturnogo kontinuuma naslediya [Role of the cultural landscape in maintaining the natural and cultural heritage continuum]. In: *Nasledie i sovremennost*, 2022, vol. 5, no. 4, pp. 392–405 (in Russian).
8. *Kulturnyj landschaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural landscape as an object of heritage]. Pod red. Yu. A. Vedenina i M. E. Kuleshovej. Moscow, Saint Petersburg, Institut Naslediya Publ.; Dmitrij Bulanin Publ., 2004. 620 p. (in Russian).
9. Lavrenova, O. A. Sadovo-parkovoe iskusstvo i metazyk goroda [Garden-park art and metalanguage of the city]. In: *Geografiya iskusstva: novye rakursy: sbornik statej*. Moscow, GITR Publ., 2020, pp. 52–60 (in Russian).
10. Likhachyov, D. S. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilej. Sad kak tekst* [Poetry of gardens. To the semantics of garden-park styles. Garden as a text]. Moscow, Soglasie Publ., Tipografiya 'Novosti', 1998. 356 p. (in Russian).
11. Malygina, I. V. Kulturnaya identichnost v sovremennoj Rossii: poisk novykh modelej [Cultural identity in modern Russia: search for new models]. In: *Vestnik MGUKI*, 2011, no. 3, pp. 43–48 (in Russian).
12. Makhlina, S. T. Sady i parki kak kody kultury [Gardens and parks as codes of culture]. In: *Vestnik SpbGIK*, 2017, no. 1 (30), pp. 48–58 (in Russian).
13. *Muzejno-khramovyy kompleks 'Novyj Khersones'* [Museum-temple complex 'New Hersonissos']: official website. URL: <https://khersones.rf/> (accessed: 21.11.2025) (in Russian).
14. Prokopenkov, V. N. *Bakhchisaraj v litografiyakh, gravyrakh i otkrytkakh: Album* [Bakhchisarai in lithographs, engravings and postcards: Album]. Simferopol, Publ. 'OOO Firma 'Salta', 2011. 352 p. (in Russian).
15. *Sad odnogo tsvetka: Sbornik statej i esse* [Garden of the same flower: Collection of articles and essays]. Author and responsible editor N. I. Prigarina. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1991. 294 p. (in Russian).
16. Khatybova, U. Motiv sada v arkhitekture Khanskogo dvortsa [Garden motif in the architecture of the Khan's Palace]. URL: <https://handvorec.ru/novosti/motiv-sada-v-arhitekture-hanskogo-dvortsa/> (accessed: 19.11.2025) (in Russian).
17. Shakh, Yu. V. Rol' sadovo-parkovogo iskusstva v formirovanii kulturnogo landschafta Yuzhnogo berega Kryma [The role of garden-park art in shaping the cultural landscape of the southern coast of Crimea].

the South Bank of Crimea]. In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*, Seriya 'Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Sotsiologiya', 2012, vol. 24 (65), no. 1–2, pp. 269–274 (in Russian).

*Е. О. Каташук**

ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРЕВЕРНУТОЙ ПЕНТАГРАММЫ ВНЕ САТАНИНСКОГО** КОНТЕКСТА

В статье на многочисленных примерах анализируется символика пентаграммы; доказывается, что на протяжении большей части истории перевернутая пентаграмма не была символом сатанизма или иных «темных сил». Пентаграмма, вне зависимости от ориентации вверх или вниз, выступала положительным символом, отсылая к божественному началу либо выполняя защитную функцию. Это зафиксировано во множестве источников (доктрина пифагорейцев, поэма «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», учение Агриппы Неттесгеймского, «Фауст» Гёте и т. д.). Новое прочтение смысла перевернутой пентаграммы — как символа зла — произошло в XIX в. под влиянием идей Элифаса Леви, которые были широко приняты в оккультной, а позже и в массовой среде. Сегодня этот символ воспринимается атрибутом сатанизма. Несмотря на это, перевернутая пентаграмма продолжает использоваться в традиционном смысле, поэтому отнесение любого современного ее изображения к сатанинской символике является ошибочным.

Ключевые слова: Агриппа Неттесгеймский, пентаграмма, сатанизм, Элифас Леви.

E. O. Katashuk

THE TRADITION OF DEPICTING THE INVERTED PENTAGRAM OUTSIDE THE SATANIC CONTEXT

The article analyzes the symbolism of the pentagram using numerous examples. It demonstrates that throughout most of history, the inverted pentagram was not a symbol of Satanism or other “dark forces”. Regardless of its orientation — point upward or downward — the pentagram served as a positive symbol, either referencing the divine principle or fulfilling

* Каташук Евгений Олегович — магистрант; keo72792@gmail.com; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Evgenii Olegvich Katashuk — Master’s Student; keo72792@gmail.com; The Russian Christian Academy of the Humanities named after F. M. Dostoevsky, 15, Fontanka nab., lit. A, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

** «Международное движение сатанизма» признано экстремистским и запрещено в РФ.

a protective function. This is documented in a multitude of sources (Pythagorean doctrine, the poem “Sir Gawain and the Green Knight”, the teachings of Agrippa of Nettesheim, Goethe’s “Faust”, etc.). The reinterpretation of the inverted pentagram as a symbol of evil emerged in the 19th century under the influence of Éliphas Lévi’s ideas, which were widely adopted in occult and later in popular circles. Today, this symbol is predominantly perceived as an attribute of Satanism. Despite this, the inverted pentagram continues to be used in its traditional sense; therefore, classifying any of its contemporary depictions as Satanic symbolism is erroneous.

Keywords: Agrippa of Nettesheim, Éliphas Lévi, pentagram, satanism.

Пентаграмма — широко распространенный с древнейших времен символ. Встречаются как изображения пентаграммы с вершиной, обращенной вверх (далее — прямая пентаграмма), так и изображения с вершиной вниз (далее — перевернутая пентаграмма)*. Сегодня для понимания символики перевернутой пентаграммы нужно учитывать контекст и намерения тех, кто использует такие изображения. Распространено заблуждение об исключительно сатанинском значении перевернутой пентаграммы. Однако перевернутая пентаграмма на протяжении большей части истории не имела отношения к сатанизму или иному культу «темных сил». Использование перевернутой пентаграммы вне сатанинского контекста может встречаться и сегодня. После признания в РФ «Международного движения сатанизма» экстремистским в среде экспертов высказано мнение о рисках правовой неопределенности, которые влечет это решение [1]. Необходим механизм разграничения культурных явлений, которые правоприменитель может принимать за проявления сатанизма. Настоящее исследование призвано снизить правовую неопределенность в данном вопросе и имеет критическую важность для целей экспертизы на предмет наличия или отсутствия сатанинского смысла в каждом отдельном случае изображения пентаграммы.

* В данной статье под перевернутой пентаграммой понимается прежде всего перевернутая пятиконечная звезда с внутренним пересечением диагоналей, образующих внутренний пятиугольник. Однако в статье будут также примеры изображений, не являющихся перевернутой пентаграммой в строгом смысле (перевернутые звезды без пересечения диагоналей). Здесь не ставится цель провести исчерпывающую классификацию, но для лучшего понимания темы следует принимать существующую неоднозначность. Причина в том, что в литературе и массовой культуре нет консенсуса по тому, как разграничивать пентаграмму и пятиконечную звезду (и нужно ли это вообще). Иногда между пентаграммой и пятиконечной звездой не делают различия или считают пентаграмму разновидностью пятиконечной звезды [14; 18]. Иногда пятиконечную звезду выделяют отдельно, изображая без внутреннего пересечения диагоналей [9]. Иногда под пентаграммой может пониматься конкретно перевернутая звезда вне зависимости от внутреннего пересечения диагоналей. Ситуацию осложняет то, что на практике граница между видами этих фигур может исчезать естественным образом. Например, при изображении от руки пятиконечной звезды, которая не должна иметь внутреннего пересечения линий (как звезды с советского или американского флагов), оно, как правило, выполняется одним непрерывным движением, соединяющим точки воображаемого пятиугольника через одну, так что визуально получается звезда с внутренним пересечением, т. е. пентаграмма в строгом смысле. Кроме того, существуют изображения пятиконечной звезды, где на центральную часть наложено другое изображение, так что невозможно сказать, пересекаются ли под ним линии, — такое изображение нельзя однозначно отнести к пентаграмме в строгом смысле, как и невозможно этого отрицать.

Поскольку сегодня свойственно вкладывать в прямую и перевернутую пентаграмму различные смыслы, следует прояснить используемую далее терминологию. В контексте оппозиции *прямая* — *перевернутая* одна из проблем заключается в том, что многие изображения пентаграммы не демонстрируют строгой направленности одной из вершин вверх или вниз — вершины заметно отклоняются от вертикальной оси. В таких случаях пентаграмма будет называться «околопрямая пентаграмма» или «околоперевернутая пентаграмма», в зависимости от того, к какому образцу она ближе. Если невозможно установить ориентацию пентаграммы, например, обе вершины равноудалены от воображаемой вертикальной оси (как если бы прямую пентаграмму повернули на 90° — пример звезды такой формы можно видеть на флаге Турции), тогда она будет называться «неопределимая пентаграмма». Также к этому типу будут отнесены пентаграммы с изображений, где определить ориентацию фигуры невозможно: например, на горизонтальных поверхностях, где по определению нет верха и низа, при отсутствии каких-то дополнительных элементов, например, текста, который мог бы указать, каким образом данный объект должен быть расположен перед наблюдателем.

История изображения перевернутой пентаграммы вплоть до XIX в. не дает оснований считать ее символом «темных сил». На протяжении истории пентаграмма, как правило, имела религиозно-магическое значение, зачастую являлась защитным знаком. В наскальном искусстве она часто ассоциируется с воинами или оружием и, вероятно, является талисманом, приносящим удачу и защищающим на войне. В разных контекстах пентаграмма ассоциируется с религиозными ассоциациями железного века, изображениями божеств и солярными символами. В XIX в. пентаграмма все еще местами использовалась крестьянами против глаза, отмечает исследователь Фернандо Коимбра [14, р. 122].

Происхождение пентаграммы установить трудно. Одни из древнейших изображений в большом количестве обнаружены на месопотамских изделиях периода Джемдет-Наср (3100–2900 гг. до н. э.) [25, р. 254, 315, 325]. По мнению австралийского археолога Гордона Чайлда, это шумерская идеограмма «божества» [13, р. 134, 277]. Среди найденных изображений встречаются прямые, перевернутые и неопределимые пентаграммы.

На территории Европы пентаграмма также имеет древнюю историю. В итальянском Капитолийском музее хранится кратер Аристонотоса, найденный на одном из этрусских кладбищ в итальянском городе Черветери и датируемый первой половиной VII в. до н. э. [23, р. 191]. На одной из сторон изображена сцена морской битвы, а между кораблями две околоперевернутые (почти что неопределимые) пентаграммы. Согласно Коимбра, эти пентаграммы защищают корабль справа [14, р. 124].

Изображение пентаграммы на монетах засвидетельствовано в коллекции Британского музея. На реверсе золотой монеты из Римской республики (209 г. до н. э.) рядом с изображением орла перевернутая пентаграмма [29].

Говоря о символике пентаграммы в античности, невозможно обойти стороной ее использование пифагорейцами. Источники утверждают, что пифагорейцы считали ее символом здоровья и познания, и на некоторых изображениях на концах фигуры помещены греческие буквы, обозначающие

«здоровье» [18; 12, с. 459]. Пифагорейцы считали, что число является первоосновой всех вещей и что мир организован согласно числовой гармонии. Бразильский исследователь Джон Фосса предполагает, что пентаграмма также выражала важную для пифагорейцев доктрину метемпсихоза. Визуальная особенность пентагона (правильного пятиугольника) в том, что его диагонали формируют пентаграмму, внутри которой образуется новый пентагон. Метемпсихоз иллюстрируется этим свойством пентагона к самовоспроизводству через пентаграмму [19, р. 128–129].

В Средние века пентаграмма использовались для защиты от ведьм, злых духов и демонов [18]. Символизм пентаграммы в средневековую эпоху подробно раскрыт в английской поэме «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (XIV в.). Анонимный автор подробно рассказывает о красном щите Гавейна, украшенном золотой пентаграммой. Текст поэмы возводит символ ко временам царя Соломона. Пять лучей символизируют пять ран Христа, пять безгрешных перстов, пять чувств, пять радостей Богородицы, а также пять рыцарских добродетелей: товарищество, щедрость, непорочность, вежливость и благочестие [14]. В церкви Святой Марии в английской деревне Тростон на стене нанесено граффити, изображающее демона с широко раскрытой пастью, острыми зубами и длинным вынутым языком. Поверх него вырезана околоразвернутая пентаграмма, имеющая защитный смысл [27]. Поверье о защитной роли пентаграммы засвидетельствовал Гёте в «Фаусте». В диалоге с Фаустом Мефистофель указывает ему на ошибку в изображении пентаграммы — она не замкнута и из-за этого не имеет силы. Необычное средневековое изображение обнаружено на плите Лаже-душ-Кантиньюш (Виейра-ду-Минью, Португалия): две перевернутые пентаграммы, каждая из которых заключена в круг; к пентаграммам примыкают латинские кресты. Такие изображения носят характер оберега от злых сил, считает Коимбра [14, р. 125].

В архитектуре изображения перевернутой пентаграммы обнаруживаются на северном трансепте Амьенского собора во Франции (XIX в.) и на башне немецкой Рыночной церкви в Ганновере (XIV в.). На официальном сайте Амьенского собора этот факт не комментируется [30], но на сайте Рыночной церкви о пентаграмме сказано, что «все символы имеют отношение к христианству» [28]. Распространено использование перевернутой пентаграммы в храмовой архитектуре Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов). Такие изображения впервые появились на фасаде храма в Наву (Иллинойс), построенном в 1840-х гг. Перевернутые звезды изображены на окнах и замковых камнях; при этом на замковых камнях нижний луч звезды удлинен относительно остальных лучей. Критики обращают внимание на эти изображения с целью дискредитации мормонов. Последние отвергают обвинения: согласно их видению изображения звезд на храме связаны с библейским образом из Откровения Иоанна Богослова: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12:1) [8, с. 208–215].

Отдельно стоит отметить присутствие перевернутой пентаграммы в геральдике. Сегодня она изображена на гербах нескольких европейских населенных пунктов: Шлотхейм (Германия) [20], Вейлер (Германия) [15], Хаксберген (Нидерланды) [26].

Встречается мнение (в т. ч. в научной литературе), что перевернутую пентаграмму изобразил Андрей Рублев на иконе «Преображение Господне» (1405 г.) [5]. Эта же позиция изложена на официальном сайте московского Храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах [10]. Такой ход мысли представляется несостоятельным, поскольку изображение, принятое за пентаграмму, не обладает необходимыми свойствами, то есть не является фигурой, построенной характерным соединением пяти точек, либо пятиконечной звездой, хотя бы близко повторяющей форму пентаграммы. Изображение больше напоминает лучи, исходящие от фигуры Иисуса Христа, не имеющие геометрической строгости и лишь по совпадению напоминающие перевернутую пятиконечную звезду. С другой стороны, если бы во времена создания иконы перевернутая звезда ассоциировалась с дьяволопоклонничеством, то хотя бы напоминающее такую звезду изображение на фоне Христа и принятие такой иконы церковью — едва ли представляется возможным.

Перевернутая пентаграмма представлена на государственных наградах: как на Медали Почета — высшей военной награде США (учреждена в 1861 г.) [16], так и на Ордене Красного Знамени — первом советском ордене (учрежден в 1918 г.) [6]. Говоря о советской символике, следует упомянуть плакат «Советская Россия — осажденный лагерь. Все на оборону!» (1919 г.) авторства Дмитрия Моора, где также стоит перевернутая пентаграмма [11].

Ученый и оккультист эпохи Возрождения Агриппа Неттесгеймский, чей трактат «Оккультная философия» (1533 г.) считается эталонным обобщением магических учений Ренессанса [17, р. 8], во 2-й книге, 27-й главе, посвященной гармонии человеческого тела, помещает изображение человека, вписанного в прямую пентаграмму в круге [22, р. 163]. Человеческая фигура расположена таким образом, что пять ее конечных точек (концы рук, ног, головы) соответствуют вершинам прямой пентаграммы, в результате чего окружность делится на пять равных частей, что демонстрирует гармонию тела. На другой странице той же главы изображен человек, держащий две перевернутые пентаграммы [22, р. 161]. Особый интерес представляет 3-я книга, 31-я глава, посвященная символам, получаемым исключительно через откровение. В ней наряду с вписанной в круг хризмой (символизирующий Христа знак, образованный скрещенными буквами X и P) изображена вписанная в круг перевернутая пентаграмма. Агриппа пишет:

«К этому роду [получаемых через откровение знаков] относится знак, явленный Константину, который многие называли крестом, с начертанными латинскими буквами: IN HOC VINCE [«сим победиши»]. Другой знак был открыт Антиоху, по прозвищу Сотер, в форме пентаграммы, что означает здоровье, ибо, будучи разложенным на буквы, он говорит слово υγιεια, то есть ЗДОРОВЬЕ. Веруя в силу этих знаков и благодаря их доблести, оба царя одержали великую победу над своими врагами» [22, р. 276–277].

В трактовке Агриппы известный христианский символ наряду с перевернутой пентаграммой являются благими символами, приносящими победу.

Смысл перевернутой пентаграммы начинает меняться во второй половине XIX в., когда французский оккультист Элифас Леви выпускает труд «Учение

и ритуал высшей магии» (1854–1856 гг.). Там он пишет: «Пентаграмма с двумя восходящими вершинами представляет Сатану в виде козла шабаша» [24, р. 93–94]. Влияние Леви вышло далеко за пределы узких кругов оккультизма и спиритизма конца XIX в. [17, р. 691]. Появляются работы, в которых строго разграничиваются прямая и перевернутая пентаграммы. Например, американский оккультист Франц Гартман в книге «Магия, черная и белая» (1886 г.) призывает:

«Давайте всегда будем держать фигуру вертикально, так, чтобы самый верхний треугольник указывал на небо, ибо это обитель разума и мудрости, а если перевернуть фигуру, то результатом будут невежество и зло» [21, р. 316].

В книге «Ключ к черной магии» (1897 г.) французский поэт и мистик Станислас де Гуайта пишет:

«...перевернутая, пентаграмматическая Звезда является уже символом несправедливости, гибели, богохульства; ее два конца, направленные в воздух, становятся рогами нечистого Козла, угрожающего Небу, а голова его вписывается в звездный пентакль со своими ушами, опущенными по бокам, и своей бородой в низшем конце» [3, с. 256].

В этой же книге впервые опубликовано изображение перевернутой пентаграммы с вписанной в нее головой козла — этот символ впоследствии позаимствует Антон Шандор Лавей для своей «Церкви Сатаны», основанной в 1966 г. в США [7].

Хотя до сравнительно недавнего времени перевернутая форма пентаграммы не противопоставлялась прямой и не являлась символом злых сил, обращает на себя внимание, что большинство исторических изображений все же представляют собой прямую (или околопрямую) пентаграмму. Редкость перевернутой пентаграммы, по всей видимости, объясняется психологическими особенностями восприятия изображений. Автор изображения, как правило, стремится придать ему равновесие и устойчивость, что достигается в том числе помещением широкой части изображения внизу, а узкой — вверху. Такой подход соответствует большинству образов наблюдаемого окружающего мира [2, с. 23–53]. По всей видимости, в этом причина того, почему прямая форма пентаграммы была предпочтительной, не неся при этом дополнительного смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический материал по вопросу признания экстремистским и запрета на территории Российской Федерации «Международного движения сатанизма» [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.hse.ru/religionandlaw/news/1070776130.html> (дата обращения: 05.12.2025).
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 386 с.
3. Гуайта С. Ключ к черной магии. Н. Новгород: А. Г. Москвичев, 2013. 598 с.
4. Звезда, спасающая от демонов [Электронный ресурс] URL: <https://arzamas.academy/micro/graffiti/13> (дата обращения: 05.12.2025).

5. Науменко К. С. Аллюзии христианской культуры в поэме В. Маяковского «Война и мир» // Наука и школа. 2020. № 3. С. 38–43.

6. Орден Красного Знамени (РСФСР и СССР) [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/c/orden-krasnogo-znameni-377360> (дата обращения: 05.12.2025).

7. Печать Бафомета [Электронный ресурс] URL: <https://arzamas.academy/micro/symbol/12> (дата обращения: 05.12.2025).

8. Прилуцкий В. В. Идеология ранних Святых последних дней и ее отражение в символике мормонских храмов в 1830–1840-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 1 (51). С. 205–219.

9. Пятиконечная звезда // Arzamas. [Электронный ресурс] URL: <https://arzamas.academy/micro/symbol/7> (дата обращения: 05.12.2025).

10. Пятиконечной звезде более 5 тысяч лет [Электронный ресурс] URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/неопубликованное/view/id/1179233> (дата обращения: 05.12.2025).

11. Моор Д. С. Советская Россия — осажденный лагерь. Все на оборону! [Изома-териал]. М.: Лит.-издат. отдел Полит. упр. РВСР, 1919. 1 л.: цв. литогр.; 92 × 74 см.

12. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. 576 с.

13. Childe V G. New Light on the Most Ancient East. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1935. 310 p.

14. Coimbra F. A. The symbolism of the pentagram in West European rock art: a semiotic approach // XXIV Valcamonica Symposium. Capo di Ponte, 2011. P. 123–129.

15. Das Wappen von Weiler [Электронный ресурс] URL: <https://www.schorndorf.de/weiler/wappen/> (дата обращения: 05.12.2025).

16. Designs of the Medal of Honor [Электронный ресурс] URL: <https://www.cmohs.org/medal/design> (дата обращения: 05.12.2025).

17. Dictionary of Gnosis & Western Esotericism / Hanegraaff W. J., Faivre A., Broek R. van den, Brach J.-P. Leiden: Brill, 2006. 1228 p.

18. Eldridge A. Pentagram [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/topic/pentagram> (дата обращения: 05.12.2025).

19. Fossa J. A. On the pentagram as a Pythagorean emblem // Revista Brasileira de História da Matemática. 2005. Vol. 6. № 12. P. 127–137.

20. Gemeindeportrait [Электронный ресурс] URL: <https://www.nottertal-heilingerhoehen.de/kommunalpolitik/ortsteil-schlotheim/gemeindeportrait/> (дата обращения: 05.12.2025).

21. Hartmann F. Magic: White and Black. London: George Redway, 1888. 324 p.

22. Agrippa H. C. De Occulta Philosophia Libri Tres. Cologne, 1533. 362 p.

23. Izzet V. Purloined letters: the Aristonothos inscription and crater // Greek Identity in the Western Mediterranean. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 191–210.

24. Lévi É. Dogme et rituel de la haute magie. T. II: Rituel. Paris: H. Baillère, 1861. 448 p.

25. Mackay E. Report on the Excavations at Jemdet Nasr, Iraq // Anthropology Memoirs. Chicago: Field Museum Press, 1931. Vol. 1. № 3. 134 p.

26. Over Haaksbergen [Электронный ресурс] URL: <https://www.haaksbergen.nl/OverHaaksbergen> (дата обращения: 05.12.2025).

27. Pentagles [Электронный ресурс] URL: <http://www.medieval-graffiti.co.uk/page21.html> (дата обращения: 05.12.2025).

28. Profil der Marktkirche [Электронный ресурс] URL: https://www.marktkirche-hannover.de/5_wir-ueber-uns/5-06_unsere-kirchen/5-06-01_profil-der-mk (дата обращения: 05.12.2025).

29. The British Museum [Электронный ресурс]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_R-7125 (дата обращения: 05.12.2025).

30. Tours et trésor de la cathédrale d'Amiens [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cathedrale-amiens.fr/> (дата обращения: 05.12.2025).

REFERENCES

1. *Analiticheskii material po voprosu priznaniia ekstremistskim i zapreta na territorii Rossiiskoi Federatsii "Mezhdunarodnoe dvizhenie satanizma"* [Analytical material on the recognition as extremist and ban in the Russian Federation]. [Electronic resource] URL: <https://pravo.hse.ru/religionandlaw/news/1070776130.html> (accessed: 05.12.2025) (in Russian).

2. Arnheim, R. *Iskusstvo i vizual'noe vospriiatie* [Art and Visual Perception]. Moscow, Progress, 1974. 386 p. (in Russian).

3. Guaita, S. *Kliuch k chernoii magii* [The Key to Black Magic]. Nizhnii Novgorod, A. G. Moskvichev, 2013. 598 p. (in Russian).

4. Zvezda, spasaiushchaia ot demonov [The Star that Saves from Demons]. [Electronic resource] URL: <https://arzas.academy/micro/graffiti/13> (accessed: 05.12.2025) (in Russian).

5. Naumenko, K. S. Alliuzii khristianskoi kul'tury v poeme V. Maiakovskogo "Voina i mir" [Allusions to Christian Culture in V. Mayakovsky's Poem "War and Peace"]. In: *Nauka i shkola*, 2020, no. 3, pp. 38–43 (in Russian).

6. Orden Krasnogo Znameni (RSFSR i SSSR) [Order of the Red Banner (RSFSR and USSR)]. [Electronic resource] URL: <https://bigenc.ru/c/orden-krasnogo-znameni-377360> (accessed: 05.12.2025) (in Russian).

7. Pechat' Bafometa [The Seal of Baphomet]. [Electronic resource] URL: <https://arzas.academy/micro/symbol/12> (accessed: 05.12.2025) (in Russian).

8. Prilutskii, V. V. Ideologiia rannikh Sviatykh poslednikh dnei i ee otrazhenie v simvolike mormonskikh khramov v 1830–1840-e-gg. [Ideology of the Early Latter-day Saints and its Reflection in the Symbolism of Mormon Temples in 1830–1840s]. In: *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 1 (51), pp. 205–219 (in Russian).

9. Piatikonechnaia zvezda [The Pentagram]. In: *Arzas*. [Electronic resource] URL: <https://arzas.academy/micro/symbol/7> (accessed: 05.12.2025) (in Russian).

10. Piatikonechnoi zvezde bolee 5 tysiach let [The Pentagram is Over 5,000 Years Old]. In: *Khram Zhivonachal'noi Troitsy na Vorob'evykh gorakh*. [Electronic resource] URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/neopublikovannoe/view/id/1179233> (accessed: 05.12.2025) (in Russian).

11. Moor, D. S. *Sovetskaia Rossiia — osazhdennyi lager'. Vse na oboronu!* [Soviet Russia — Besieged Camp. Everyone to the Defense!] [Art material]. Moscow, Lit.-izdat. otdel Polit. upr. RVSR, 1919. 1 l.: color lithography; 92 × 74 cm (in Russian).

12. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1: Ot epicheskikh teokosmogonii do vznikhoveniia atomistiki / Ed. I. D. Rozhanskii* [Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1: From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism]. Moscow, Nauka, 1989. 576 p. (in Russian).

13. Childe, V. G. *New Light on the Most Ancient East*. London, Routledge & Kegan Paul Ltd, 1935. 310 p. (in English).

14. Coimbra, F. A. The symbolism of the pentagram in West European rock art: a semiotic approach. In: *XXIV Valcamonica Symposium*, Capo di Ponte, 2011, pp. 123–129 (in English).

15. Das Wappen von Weiler. [Electronic resource] URL: <https://www.schorndorf.de/weiler/wappen/> (accessed: 05.12.2025) (in English).
16. Designs of the Medal of Honor. [Electronic resource] URL: <https://www.cmohs.org/medal/design> (accessed: 05.12.2025) (in English).
17. Hanegraaff, W. J., Faivre, A., van den Broek, R., Brach, J.-P. *Dictionary of Gnosis & Western Esotericism*. Leiden: Brill, 2006. 1228 p. (in English).
18. Eldridge, A. Pentagram. [Electronic resource] URL: <https://www.britannica.com/topic/pentagram> (accessed: 05.12.2025) (in English).
19. Fossa, J. A. On the pentagram as a Pythagorean emblem. In: *Revista Brasileira de História da Matemática*, 2005, vol. 6, no. 12, pp. 127–137 (in English).
20. Gemeindeportrait. [Electronic resource] URL: <https://www.nottertal-heilingerhoehen.de/kommunalpolitik/ortsteil-schlotheim/gemeindeportrait/> (accessed: 05.12.2025) (in German).
21. Hartmann, F. *Magic: White and Black*. London, George Redway, 1888. 324 p. (in English).
22. Agrippa, H. C. *De Occulta Philosophia Libri Tres*. Cologne, 1533. 362 p. (in Latin).
23. Izzet, V. Purloined letters: the Aristonothos inscription and crater. In: *Greek Identity in the Western Mediterranean*. Leiden; Boston: Brill, 2004, pp. 191–210 (in English).
24. Lévi, É. *Dogme et rituel de la haute magie*. T. II: Rituel. Paris: H. Baillère, 1861. 448 p.
25. Mackay, E. Report on the Excavations at Jemdet Nasr, Iraq. In: *Anthropology Memoirs*. Chicago, Field Museum Press, 1931, vol. 1, no. 3, pp. 134 (in French).
26. Over Haaksbergen. [Electronic resource] URL: <https://www.haaksbergen.nl/OverHaaksbergen> (accessed: 05.12.2025) (in English).
27. Pentagles. In: *Norfolk Medieval Graffiti Survey*. [Electronic resource] URL: <http://www.medieval-graffiti.co.uk/page21.html> (accessed: 05.12.2025) (in English).
28. Profil der Marktkirche. [Electronic resource] URL: https://www.marktkirche-hannover.de/5_wir-ueber-uns/5-06_unsere-kirchen/5-06-01_profil-der-mk (accessed: 05.12.2025) (in German).
29. *The British Museum*. [Electronic resource] URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_R-7125 (accessed: 05.12.2025) (in English).
30. *Tours et trésor de la cathédrale d'Amiens*. [Electronic resource] URL: <https://www.cathedrale-amiens.fr/> (accessed: 05.12.2025) (in French).

УДК 316.7

*Л. С. Крюкова**

О СОСТОЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАКИИ

Статья посвящена состоянию русского языка и культуры в современной Словакии. В исследовании представлена информация об официальных документах, сведения о взаимодействии стран после начала специальной военной операции в феврале 2022 года, примеры мероприятий, проводимых российской стороной в Словакии, данные о соотечественниках, проживающих в этой стране, и преподавании русского языка на разных уровнях образования. Автор приводит ряд законодательных актов Российской Федерации, которые играют важную роль в сохранении и популяризации русского языка и культуры за рубежом и в Словацкой Республике в частности. В статье освещены проблемы в преподавании русского языка и распространении российской культуры в данной стране, возникшие после начала специальной военной операции. При этом автор отмечает положительную тенденцию на укрепление взаимодействия России и Словакии в сфере культуры и образования после прихода к власти Роберта Фицо в октябре 2023 года, приводит примеры мероприятий, проведенных Русским домом, Российским центром науки и культуры в Братиславе, сотрудниками дипломатического представительства Российской Федерации, Союзом русских в Словакии, а также самими словаками, изучающими русский язык и культуру.

Ключевые слова: русский язык, культура, традиции, Россия, Словакия, Русский дом, российское дипломатическое представительство.

L. S. Kryukova

ABOUT THE STATE OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN MODERN SLOVAKIA

The article is devoted to the state of the Russian language and culture in modern Slovakia. The study provides information on official documents, the interaction of countries

* Крюкова Людмила Сергеевна — канд. филол. наук; доц.; l.s.kryukova@mail.ru; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, 119606, Москва, просп. Вернадского, д. 84, стр. 1.

Liudmila Sergeevna Kryukova — Candidate of Philological Sciences; assoc. prof.; l.s.kryukova@mail.ru; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119606, 84, build. 1., Moscow.

after the start of the special military operation in February 2022, examples of events held by the Russian side in Slovakia, data on compatriots living in this country, and the teaching of Russian at different levels of education. The author cites a number of legislative acts of the Russian Federation that play an important role in preserving and popularizing the Russian language and culture abroad and in the Slovak Republic in particular. The article highlights the problems in teaching the Russian language and spreading Russian culture in this country that arose after the start of the special military operation. At the same time, the author notes a positive trend towards strengthening cooperation between Russia and Slovakia in the field of culture and education after Robert Fico came to power in October 2023. The author also gives examples of events held by the Russian House, the Russian Center for Science and Culture in Bratislava, employees of the diplomatic mission of the Russian Federation, the Union of Russians in Slovakia, as well as by Slovaks who study the Russian language and culture.

Keywords: the Russian language, culture, traditions, Russia, Slovakia, Russian house, Russian diplomatic mission.

История торговых, дипломатических и культурных отношений России и Словакии насчитывает долгие годы. При этом постоянным остается интерес к русскому языку и культуре в Словацкой Республике. По свидетельствам словацких историков, с периода национального возрождения Россия приобрела образ одного из самых важных политических партнеров для Словакии [20, с. 537]. Сохранилась ли эта тенденция и в наше время? Каково состояние русского языка и культуры в современной Словакии? Какие меры предпринимает правительство Российской Федерации для поддержания интереса к русскому языку за рубежом и в этой стране в частности? В данной статье мы постараемся представить ответы на все поставленные выше вопросы.

Российская Федерация активно работает над сохранением и популяризацией русского языка и культуры за пределами страны. Для этого был принят ряд законодательных актов. Среди них: «Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом» [8], Федеральный закон от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [18], Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [17], который предусматривает создание информационного пространства знаний через продвижение русского языка, и Федеральный закон от 24 июня 2025 года № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19], который вносит изменения в статью 58 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и предписывает участие России в укреплении позиций русского языка и распространении российской культуры в мире.

Взаимоотношения Российской Федерации и Словацкой Республики в сфере преподавания русского языка и культуры определяются Соглашением между Правительствами Российской Федерации и Словацкой Республики о сотрудничестве в области культуры, образования и науки, подписанным в 1993 г. [16]. Следует отметить, что в связи с началом специальной военной операции на Украине Словакия ввела запрет на сотрудничество с Россией в сфере культуры. Во многих вузах и школах страны преподаватели русского языка «оказались под давлением», были вынуждены уйти с работы [9]. Однако через

некоторое время после прихода к власти в Словакии Роберта Фицо в октябре 2023 г. этот запрет был отменен [3].

В Словакии регулярно организуются мероприятия, посвященные русскому языку и культуре. В феврале 2024 г. в Кошице прошел XVIII фестиваль-конкурс «Русское слово». В мероприятии приняли участие около 200 учащихся, прошедших предварительный отбор на местном уровне. Школьники соревновались в вокальных и литературных выступлениях на русском языке. Этот конкурс, впервые проведенный в 2009 г. Союзом русских в Кошице, с тех пор стал республиканским и ежегодно привлекает все больше участников [12].

С 11 по 15 ноября 2024 г. в Словакии проходила «Неделя русского языка», которая имела большое значение для распространения, продвижения и популяризации русского языка и культуры. В течение этой недели школьники и студенты получили возможность познакомиться или углубить свои знания в области русской литературы, истории, искусства [10]. В мероприятии приняли участие словацкие школы, гимназии и вузы, а в качестве организаторов выступили общественная организация «Руслана», фонд Kultminor, Сургутский государственный педагогический университет (СурГПУ), Русский дом в Братиславе, Европейский фонд славянской письменности и культуры (ЕФСПиК) [10].

В июне 2025 г. в Словакии отмечался День русского языка. По информации пресс-секретаря посольства РФ в Словакии Виталия Житнюка, в рамках Пушкинского праздника любители русского языка и культуры смогли участвовать в конкурсах, фестивалях и тематических уроках, а также посетить выставки книг и костюмированные балы. В Российском центре науки и культуры в Братиславе желающие могли посмотреть мультфильм «Пушкин и Михайловское» и ознакомиться с выставкой «Русская азбука в рисунках Марины Ханковой», организованной в рамках проекта «Сказочный код русской души». Посетители выставки имели возможность окунуться в мир русских сказок и былин, попробовать свои силы в написании прописи кириллицей и освоении старославянского письма, а также создать собственные сюжеты, связанные с выбранной буквой. В это же время на западе Словакии, в деревне Алекшинце, известной благодаря открытию в 2023 г. памятника А. С. Пушкину, состоялся конкурс чтецов «Пушкинский день». В мероприятии приняли участие школьники в возрасте от 6 до 18 лет, которые декламировали стихи великого поэта на русском и родном языках [4].

Большой вклад в распространение русского языка и культуры, сохранение традиций и праздников среди соотечественников вносит Русский дом в Словацкой Республике. К участию в своих мероприятиях эта организация активно привлекает как словацких школьников, так и взрослых. К сожалению, несмотря на заявление об отмене запрета на русский язык и культуру в начале 2024 г., летом 2025 г. сайт Русского дома в Братиславе по-прежнему не работает, не было официальных заявлений о его открытии [3]. Тем не менее работа Русского дома в этой стране продолжается главным образом благодаря усилиям сотрудников российского дипломатического представительства в Словацкой Республике. Так, например, в феврале 2025 г. в Российском центре науки и культуры в Братиславе был проведен цикл лекций «Прогулки по нашему прошлому», посвященный святым равноапостольным Кириллу и Мефодию,

создавшим славянскую письменность и глубоко почитаемым как в России, так и в Словакии. Одним из организаторов данного мероприятия выступил Русский дом. Следует также отметить, что в Российском центре науки и культуры в Братиславе в это время была представлена соответствующая теме лекций фотовыставка из собрания Государственного музея истории религии города Санкт-Петербурга [11].

Также Русский дом в Братиславе регулярно проводит показы фильмов на русском языке. Перед просмотром сотрудники Русского дома объясняют особенности культурных реалий, которые не знакомы для словаков, и значение сложных русских слов. В августе 2025 г. в рамках подготовки к 81-й годовщине Словацкого национального восстания состоялась премьера документального фильма «Словацкий “Олимп”: восстание в тылу нацистов». В создании фильма активное участие приняли российский Фонд памяти Александра Печерского, Посольство России в Словакии и организация соотечественников «Русская ассоциация “Берега”», базирующаяся в Тренчине и являющаяся частью Союза русских в Словакии. Лента рассказывает о вооруженном выступлении части словацкой армии против вермахта и коллаборационистского режима Йозефа Тисо в 1944 г., а также освещает роль советских офицеров в организации и поддержке партизанского движения [2].

В Русском доме проводятся важные для русскоязычной диаспоры в Словакии мероприятия. В декабре 2024 г. в Русском доме Братиславы прошел вечер, посвященный 25-летию журнала «Вместе». В журнале освещаются события из жизни соотечественников, проживающих в Словакии.

На мероприятии присутствовал посол Российской Федерации Игорь Братчиков, а среди выступающих следует отметить лауреатов международных конкурсов, в том числе — солиста Мариинского театра и Словацкого национального театра Сергея Толстова [13].

Согласно теории межкультурной коммуникации, язык любого народа представляет собой основу его идентичности и оптимальный способ постижения его культуры. С точки зрения лингвистики язык мышления человека (иначе говоря, родной язык) формирует его картину мира, определяет способы взаимодействия с миром, отражает систему ценностей и культуру [1, с. 124]. Поэтому так важно преподавание русского языка в Словакии, сохранение русских традиций, обычаев, праздников, поддержка соотечественников, проживающих в этой стране.

В 2024 г. население Словакии составило 5 506 760 человек [23]. При этом помимо граждан Словацкой Республики русской национальности, в стране проживало более 7 тысяч граждан России, которые имели вид на жительство [15]. С 2015 г. русский язык в стране имеет статус языка национального меньшинства [22], а его популярность постоянно растет. Он занимает одно из лидирующих мест среди иностранных языков по выбору. 34 700 словацких школьников и студентов изучали русский язык в 2024 г. В высших учебных заведениях Братиславы, Ружомберка, Трнавы и других городов ведется преподавание русского языка. В Братиславе функционируют две средние школы, где школьники изучают русский язык — гимназии имени Альберта Эйнштейна и имени Ивана Хорвата. Также русский язык преподают в гимназиях в Бра-

блях, Райце, Банской Быстрице, Кошице, Врбове и Банской Штьявнице. Почти в каждом городе и некоторых селах страны есть школы, где русский язык изучается углубленно. Всего русский язык преподается в 46 городах и селах Словакии [21].

На русском языке в Словакии можно прочитать такие журналы, как «Вместе», «Русский язык в центре Европы», «Русский мир», «Русская мысль» (на двух языках). Каждый из этих журналов имеет свои особенности. Журнал «Вместе» издается русской общиной Словакии, чтобы сохранить русский язык и культурные традиции [5]. «Русский язык в центре Европы» — это научный филологический журнал, посвященный исследованиям творчества русских поэтов и писателей, лингвокультурологическим наблюдениям и анализу культуры России и Европы, методическим рекомендациям преподавания русского языка и культуры. Учредителем и издателем журнала «Русский мир» является фонд «Русский мир». В данном издании представлены публикации, посвященные русскому языку и культуре, истории, науке и образованию в России [7]. Журнал «Русская мысль» обладает долгой историей и считается самым старым журналом русской Европы. Он был впервые издан в 1880 г. Вуколом Лавровым. Позднее, с 1921 по 1927 гг., издавался в Софии, Праге, Берлине и Париже. С 1947 по 2011 гг. выходил в Париже в виде ежедневной газеты, с 2011 г. вновь издается в виде журнала [14]. В этом журнале на русском и английском языке представлены такие разделы, как «История», «Общество», «Россия», «В мире», «Культура», «Литература». Главной темой первого номера 2025 г. стало 80-летие Победы в Великой Отечественной войне [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что в сфере науки, образования и культуры Российская Федерация остается одним из наиболее значимых партнеров для Словацкой Республики. Несмотря на напряженные отношения после 24 февраля 2022 г., с приходом к власти партии Роберта Фицо странам удалось сохранить конструктивный диалог. Хотя Русский дом в Братиславе так и не был до сих пор официально открыт, благодаря сотрудникам дипломатического представительства РФ он участвует в организации и проведении мероприятий, направленных на сохранение и популяризацию русского языка и культуры. Хотя не все учителя и преподаватели русского языка чувствуют уверенность в своей дальнейшей профессиональной реализации, русский язык остается одним из наиболее популярных иностранных языков по выбору в школах и вузах, многие словацкие школьники и студенты связывают свое будущее с Россией. Благодаря Союзу русских в Словакии, общественным организациям в обеих странах, дипломатическому представительству России, учителям и преподавателям русского языка и неравнодушным людям в стране проводятся фестивали, выставки, конкурсы и показы фильмов. При этом дальнейшие действия со стороны правительства Словацкой Республики, направленные на более тесное сотрудничество в этой сфере, могут привести к еще более успешным результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О. Н., Козловцева Н. А. Государственная политика в сфере русского языка в контексте русского мира // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 122–139. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-russkogo-yazyka-v-kontekste-russkogo-mira> (дата обращения: 23.08.2025).
2. В Братиславе состоялась премьера документального фильма «Словацкий «Олимп»: восстание в тылу нацистов». [Электронный ресурс] URL: <https://russkiymir.ru/news/339010/> (дата обращения: 15.08.2025).
3. В Россотрудничестве рассказали о переговорах по Русскому дому в Братиславе. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20240829/rossotrudnichestvo-1969112735.html> (дата обращения: 21.08.2025).
4. В Словакии проходят мероприятия по случаю Дня русского языка. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/24190871> (дата обращения: 20.08.2025).
5. Журнал «ВМЕСТЕ». [Электронный ресурс] URL: https://zvazrusov.sk/?page_id=390&lang=ru (дата обращения: 25.08.2025).
6. Журнал «Русская мысль». [Электронный ресурс] URL: <https://russianmind.com/> (дата обращения: 25.08.2025).
7. Журнал «Русский мир». [Электронный ресурс] URL: <https://rusmir.media/?ysclid=mer7a0z8q623114172> (дата обращения: 25.08.2025).
8. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 21.08.2025).
9. Кухтенкова Е. Русист из Словакии: Преподаю в условиях дезинформации, но не сдаюсь. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2025/05/19/rusist-iz-slovakii-prepodaiu-v-usloviiah-dezinformacii-no-ne-sdaius.html> (дата обращения: 19.08.2025).
10. Неделя русского языка в Словакии. [Электронный ресурс] URL: <https://www.planet360.info/ru/2024/11/27/nedelya-russkogo-yazyka-v-slovakii-2/> (дата обращения: 20.08.2025).
11. Об открытии цикла лекций «Прогулки по нашему прошлому» в Русском доме в Братиславе. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezhdeniyah/1998108/ (дата обращения: 20.08.2025).
12. Около 200 детей приняли участие в фестивале «Русское слово» в Словакии. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20240209/festival-1926484711.html> (дата обращения: 20.08.2025).
13. Праздничный вечер в Русском доме Братиславы: 25-летие журнала «Вместе». [Электронный ресурс] URL: <https://pravfond.ru/press-tsentr/prazdnichnyu-vecher-v-russkom-dome-bratislavy-25-letie-zhurnala-vmeste/> (дата обращения: 19.08.2025).
14. Русская мысль (современный журнал). [Электронный ресурс] URL: [https://web.archive.org/web/20121114124451/http://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_мысль_\(современный_журнал\)](https://web.archive.org/web/20121114124451/http://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_мысль_(современный_журнал)) (дата обращения: 25.08.2025).
15. Сколько русских живет в Словакии и какова жизнь в этой стране. [Электронный ресурс] URL: <https://tegra.ph/Skolko-russkih-zhivet-v-Slovakii-i-kakova-zhizn-v-ehtojsrane-01-04?ysclid=meviy2336688220502> (дата обращения: 23.08.2025).
16. Соглашение между Правительствами Российской Федерации и Словацкой Республики о сотрудничестве в области культуры, образования и науки. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102025824 (дата обращения: 20.08.2025).

17. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 20.08.2025).

18. Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». [Электронный ресурс] URL: spbalrf.ruzavolzhsjij-r73.gosweb.gosuslugi.ru (дата обращения: 20.08.2025).

19. Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: zavolzhsjij-r73.gosweb.gosuslugi.ruconsultant.ru (дата обращения: 20.08.2025).

20. Шведова Н. В. Образ России в Словакии // Славянский альманах. 2012. № 2011. С. 536–542. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-slovakii> (дата обращения: 21.08.2025).

21. Шестой Форум ARS 2024 «Учимся учить» в г. Ружомберок, Словакия. [Электронный ресурс] URL: https://irlc.msu.ru/about_institute/news/shestoj_forum_ars_2024_uchimsya_uchit_v_g_ruzhomberok_slovakiya (дата обращения: 20.08.2025).

22. Языки в Словакии. [Электронный ресурс] URL: <https://bespalov-finance.ru/tpost/6н6yt0smk1-yaziki-v-slovakii> (дата обращения: 19.08.2025).

23. Slovakia Population (LIVE). [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldometers.info/world-population/slovakia-population/> (дата обращения: 22.08.2025).

REFERENCES

1. Astaf'eva, O. N., Kozlovtsseva, N. A. Gosudarstvennaya politika v sfere russkogo yazyka v kontekste russkogo mira [State policy in the field of the Russian language in the context of the Russian world]. In: *Znanie. Ponimanie. Umeniye*, 2017, no. 3, pp. 122–139. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-russkogo-yazyka-v-kontekste-russkogo-mira> (accessed: 23.08.2025) (in Russian).

2. *V Bratislave sostoyalas' premjera dokumental'nogo fil'ma "Slovatskiy 'Olimp': vosstaniye v tylu natsistov"* [The premiere of the documentary film "Slovak Olympus: The Uprising behind Nazi lines" took place in Bratislava]. [Electronic resource] URL: <https://russkiymir.ru/news/339010/> (accessed: 15.08.2025) (in Russian).

3. *V Rossotrudnitchestve passkazali o peregovorakh po Russkomu domu v Bratislave* [Rossotrudnitchestvo reported on the negotiations on the Russian House in Bratislava]. [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20240829/rossotrudnichestvo-1969112735.html> (accessed: 21.08.2025) (in Russian).

4. *V Slovakii prokhodyat meropriyatiya po slutchayu Dnya russkogo yazyka* [Events are held in Slovakia on the occasion of the Day of the Russian language]. [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/obschestvo/24190871> (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

5. *Zhurnal "Vmeste"* [The magazine "TOGETHER"]. [Electronic resource] URL: https://zvazrusov.sk/?page_id=390&lang=ru (accessed: 25.08.2025) (in Russian).

6. *Zhurnal "Russkaya mysl"* [The magazine "Russian Thought"]. [Electronic resource] URL: <https://russianmind.com/> (accessed: 25.08.2025) (in Russian).

7. *Zhurnal "Russkiy mir"* [The magazine "The Russian World"]. [Electronic resource] URL: <https://rusmir.media/?ysclid=mept7a0z8q623114172> (accessed: 25.08.2025) (in Russian).

8. *Kontseptsiya gosudarstvennoy podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka za rubezhom* [The concept of state support and promotion of the Russian language abroad]. [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644> (accessed: 21.08.2025) (in Russian).

9. Kukhtenkova, E. *Rusist iz Slovakii: Prepodayu v usloviyakh dezinformatsii, no ne sdaius'* [Russianist from Slovakia: I am teaching in the face of disinformation, but I do not give up]. [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2025/05/19/rusist-iz-slovakii-prepodaiu-v-usloviiah-dezinformacii-no-ne-sdaius.html> (accessed: 19.08.2025) (in Russian).

10. *Nedelya russkogo yazyka v Slovakii* [The Russian Language Week in Slovakia]. [Electronic resource] URL: <https://www.planet360.info/ru/2024/11/27/nedelya-russkogo-yazyka-v-slovakii-2/> (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

11. *Ob otkrytii tsikla leksiy "Progulki po nashemu proshlomu" v Russkom dome v Bratislave* [About the opening of the lecture series "Walking through our Past" at the Russian House in Bratislava]. [Electronic resource] URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezhdeniyah/1998108/ (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

12. *Okolo 200 detey prinyali uchastie v festivale "Russkoye slovo" v Slovakii* [About 200 children took part in the Russian Word Festival in Slovakia]. [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20240209/festival-1926484711.html> (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

13. *Prazdnichniy vecher v Russkom dome Bratislavy: 25-letie zhurnala "Vmeste"* [Festive evening at the Russian House of Bratislava: the 25th anniversary of the magazine "Together"]. [Electronic resource] URL: <https://pravfond.ru/press-tsentr/prazdnichnyy-vecher-v-russkom-dome-bratislavy-25-letie-zhurnala-vmeste/> (accessed: 19.08.2025) (in Russian).

14. *Russkaya mysl' (sovremenniy zhurnal)* [Russian Thought (modern magazine)]. [Electronic resource] URL: [https://web.archive.org/web/20121114124451/http://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_мысль_\(современный_журнал\)](https://web.archive.org/web/20121114124451/http://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_мысль_(современный_журнал)) (accessed: 25.08.2025) (in Russian).

15. *Skol'ko russkikh zhivet v Slovakii i kakova zhizn' v etoy strane?* [How many Russians live in Slovakia and what is life like in this country?]. [Electronic resource] URL: <https://telegra.ph/Skolko-russkih-zhivet-v-Slovakii-i-kakova-zhizn-v-ehtoj-strane-01-04?ysclid=meviy2336688220502> (accessed: 23.08.2025) (in Russian).

16. *Soglasheniye mezhdru Pravitel'stvami Rossiyskoi Federatsii i Slovatskoi Respubliki o sotrudnichestve v oblasti kul'tury, obrazovaniya I nauki* [Agreement between the Governments of the Russian Federation and the Slovak Republic on cooperation in the sphere of culture, education and science]. [Electronic resource] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102025824 (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

17. *Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obschestva v Rossiyskoy federatsii na 2017–2030 gody"* [Decree of the President of the Russian Federation dated 09. 05.2017 no. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

18. *Federalniy zakon ot 24.05.1999 № 99-FZ "O gosudarstvennoy politike Rossiyskoi Federatsii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom* [Federal Law no. 99-FZ dated 24.05.1999 "On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad"]. [Electronic resource] URL: spbalrf.ruzavolzhsckij-r73.gosweb.gosuslugi.ru (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

19. *Federalniy zakon ot 24.06.2025 no. 168-FZ "O vnesenii izmeneniy v otдельnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law no. 168-FZ dated 24.06.2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. [Electronic resource] URL: zavolzhsckij-r73.gosweb.gosuslugi.ruconsultant.ru (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

20. *Shvedova, N. V. Obraz Rossii v Slovakii* [The image of Russia in Slovakia]. In: *Slavyanskiy al'manakh*, 2012, no. 2011, pp. 536–542. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-slovakii> (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

21. *Shestoi Forum ARS 2024 "Uchimsya uchit'" v Ruzhomberok, Slovakia* [The sixth ARS 2024 Forum "Learning to teach" in Ruzomberok, Slovakia]. [Electronic resource] URL:

https://irlc.msu.ru/about_institute/news/shestoj_forum_ars_2024_uchimsya_uchit_v_g_ruzhomberok_slovakiya (accessed: 20.08.2025) (in Russian).

22. *Yazyki v Slovakii* [Languages in Slovakia]. [Electronic resource] URL: <https://bespalov-finance.ru/tpost/6n6yt0smk1-yazyki-v-slovakii> (accessed: 19.08.2025) (in Russian).

23. Slovakia Population (LIVE). [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldometers.info/world-population/slovakia-population/> (accessed: 22.08.2025) (in English).

УДК 159.9.07

*Т. В. Добровольская**

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КАЛЛИГРАФИИ С ЭЛЕМЕНТАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

В статье сформулированы основная цель, объект, предмет исследования методики развития эмоционально-волевой саморегуляции младших школьников, этапы внедрения и принципы реализации развития ЭВС. Представлена структура занятий, методы обучения. А также техники, упражнения, формы организации каллиграфической и арт-терапевтической деятельности младших школьников, оказывающие влияние на развитие координации движений, мелкой моторики руки, формирование усидчивости и терпения, эмоциональной образности, отзывчивости, тренировку произвольного внимания, осознание связи усилия и результата. Основными методами настоящей методики являются: «Дышащая линия», отработка базовых элементов, постепенное усложнение заданий, «Эмоциональный алфавит». Интегрированные методы (сочетают каллиграфические и арт-терапевтические компоненты): «История в буквах», «Эмоциональный градиент», «Буквы-образы». Вспомогательные методы: дыхательные упражнения, релаксационные паузы, рефлексивные круги.

Ключевые слова: эмоционально-волевая саморегуляция, каллиграфия, младший школьник, методика, алгоритм, формы.

T. V. Dobrovolskaya

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL-VOLITIONAL SELF-REGULATION OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN CALLIGRAPHY CLASSES WITH ELEMENTS OF ART-THERAPY

The article formulates the main goal, object, and subject of the research into the methodology for developing emotional-volitional self-regulation in primary school students,

* Добровольская Татьяна Викторовна — магистрант; Dobro33@mail.ru; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48.

Tatyana Viktorovna Dobrovolskaya — Master's Student; Dobro33@mail.ru; Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika River Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

as well as the stages of implementation and principles for implementing EVS development. The structure of lessons and teaching methods are presented. Techniques, exercises, and forms of organizing calligraphic and art-therapeutic activities for primary school students aimed at developing motor coordination, fine motor skills, perseverance and patience, emotional imagery, responsiveness, training voluntary attention, and awareness of the connection between effort and result are also discussed. The main methods of this methodology are: “Breathing Line”, Practicing Basic Elements, Gradual Complication of Tasks, and “Emotional Alphabet”. Integrated methods (combining calligraphic and art-therapeutic components): “History in Letters”, “Emotional Gradient”, “Letters-Images”. Auxiliary methods: Breathing Exercises, Relaxation Pauses, Reflective Circles.

Keywords: emotional-volitional self-regulation, calligraphy, primary school student, methodology, algorithm, forms.

В условиях повышенной учебной нагрузки и цифровизации образовательного процесса особую актуальность приобретает проблема развития эмоционально-волевой саморегуляции (ЭВС) у младших школьников. Недостаточная сформированность навыков самоконтроля ведет к повышенной тревожности, снижению учебной мотивации и трудностям в социальной адаптации. Требования к личностным характеристикам выпускника начальной школы, включая умение учиться, планировать деятельность и нести ответственность, а также внимание к универсальным учебным действиям (УУД) зафиксированы в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО) [1]. В ряде разделов представлены конкретные требования, среди которых — владение основами умения учиться, планировать и организовывать собственную деятельность и нести ответственность за ее выполнение. Кроме того в ФГОС обращается внимание на необходимость освоения школьниками универсальных учебных действий (познавательных, регулятивных и коммуникативных УУД) и умения применять их в учебной практике. Эти требования изложены в разделе, где перечислены метапредметные результаты освоения программы [1] и умение личности находить пути для преобразования собственной деятельности с целью улучшения ее качества среди регулятивных УУД. Поэтому вопрос развития навыков саморегуляции у ребенка при выполнении им учебной деятельности на начальном этапе обучения в условиях получения начального образования стоит очень остро. УУД обеспечивают овладение ключевыми компетенциями, которые позволяют самостоятельно приобретать знания и навыки. Отметим, что важным моментом в исследованиях феномена психической саморегуляции является формирование личностной модели, предполагающей наличие произвольной психологической активности субъекта по достижению им оптимального психического состояния в организации, выполнении и управлении собственной деятельности. Связь УУД с умением учиться подчеркивается в разделе, где метапредметные результаты определяются как основа умения учиться [1].

Цель исследования — разработка и апробация методики развития ЭВС младших школьников посредством каллиграфических занятий с элементами арт-терапии. Объект исследования — процесс эмоционально-волевого развития младших школьников. Предмет исследования — развитие ЭВС младших школьников на каллиграфических занятиях с арт-терапевтическими элементами.

В отечественной психологии многие исследователи теснейшим образом связывают понятия «волевое регулирование» и «саморегуляция» и раскрывают данную проблему именно в таком контексте. И. М. Сеченов неоднократно подчеркивал в качестве главной особенности воли регулирование поведения.

Начало изучению саморегуляции было положено в трудах психофизиолога И. П. Павлова. Изучая работы ученых, психологов, педагогов о саморегуляции в психологии, хочется отметить, что в жизни каждого человека большое значение имеет задача регуляции своего поведения в изменяющихся условиях окружающей действительности. Вероятно, поэтому в психологии давно идут исследования воли, эмоций и эмоционально-волевой регуляции в работах С. Л. Рубинштейна, В. А. Иванникова, Д. Б. Эльконина [12], Л. С. Выготского [5] и др.

По изучении этих работ, а также многочисленных исследований в области нейропедагогики и психофизиологии нами выявлены закономерности, которые доказывают, что процесс письма от руки — это не просто механический навык, а сложнейшая комплексная работа мозга, способная воздействовать на эмоционально-волевую саморегуляцию младших школьников, для формирования активной личностной модели субъекта, достигающей оптимального психического состояния в своей жизнедеятельности. Каллиграфия как высшая форма этого навыка оказывает глубокое, можно сказать, многогранное влияние на развитие умственных и социальных способностей ребенка.

В психологии и педагогике также немало статей и исследований, которые затрагивают тему общего влияния каллиграфии на ЭВС школьников, на развитие личности и эмоциональное состояние детей. Эту тему рассмотрели в своих исследованиях К. И. Астахова, И. Н. Евсеев, К. Д. Недосекова, Д. А. Смарыгина, А. О. Рыбовалюк, С. А. Бачище, А. К. Григоренко, Л. Я. Желтовская, Е. В. Филиппова [3; 4; 7; 8; 10].

Каждый возрастной период имеет свою важность для гармоничного развития ребенка, особенно в начальных классах школы. Именно младшим школьникам свойственно состояние психоэмоционального напряжения, вызванное школьным стрессом, которое ведет за собой повышенную тревожность. Фактор тревожности лежит в основе ряда психологических трудностей ребенка и его дальнейших проблем. Сенситивный период развития ЭВС — это определенный временной отрезок в жизни ребенка, когда он особенно восприимчив и легко осваивает навыки ЭВС, поскольку мозг находится в наиболее благоприятном состоянии для формирования этих функций и обучение происходит естественно, с удовольствием, в то время как после завершения этого периода освоение тех же навыков становится намного труднее.

По мнению ряда специалистов, В. Д. Мазина, И. Г. Цыганкова, К. Ш. Азими [9; 11; 2], решению этих проблем способствует каллиграфия и арт-терапия, являясь той безболезненной, естественной и актуальной технологией, которая уравнивает эмоциональные состояния детей, развивает коммуникативные навыки, социально допустимые формы отреагирования отрицательных эмоций.

Для обучения младших школьников навыкам ЭВС в процессе обучения каллиграфии, необходимо раскрыть понятие эмоционально-волевой саморегуляции и ее роль в каллиграфической практике, где в процессе аккурат-

ного выведения букв требуется не только удерживать в памяти образы букв, но и планировать движение руки, контролировать мышечные усилия и при этом синхронизировать зрительный и двигательный контроль; акцентировать произвольное внимание младших школьников на применении ЭВС в процессе обучения письму, освоению определенных навыков каллиграфии (мелкая моторика, движения, речь, социальные, психофизиологические навыки). Поясняя, что это не просто механический навык, а основа, влияющая на развитие умственных способностей школьников, поскольку процесс задействует многие зоны головного мозга — зрительного восприятия, ассоциативные, речевые центры, центры моторики, — обучить младших школьников умению объективно, корректно анализировать собственное выполнение каллиграфических заданий, а также выполнение заданий других учащихся. ЭВС воспитывает внутреннюю дисциплину, умение самостоятельно оценивать качество работы товарищей и своей работы, видеть свои успехи и ошибки, стремиться их исправить.

В. Д. Мазина, известный педагог и каллиграф, доказывает, что занятия каллиграфией оказывают комплексное положительное воздействие на формирование личности ребенка, способствуя развитию его познавательных, эмоциональных и физических навыков [9]. Нейрофизиологические исследования подтверждают, что занятия каллиграфией способствуют формированию устойчивых нейронных связей между различными отделами мозга, что, в свою очередь, благотворно влияет на развитие речи, памяти, внимания и логического мышления. В отличие от набора текста на клавиатуре, они задействуют значительно больше участков головного мозга. Этот процесс стимулирует развитие мелкой моторики, координации движений, зрительно-моторной координации и пространственного мышления, что способствует более глубокому запоминанию и прочному усвоению правил орфографии.

Каллиграфия как систематическая работа над почерком обладает значительным потенциалом для формирования волевых качеств, концентрации внимания и эмоциональной стабильности. Каллиграфическое письмо — это своеобразный нейротренажер, стимулирующий формирование УУД, всестороннее развитие познавательных и эмоциональных способностей у учащихся младших классов, а также их социализацию, что отвечает требованиям ФГОС нового поколения [1]. Интеграция арт-терапевтических элементов расширяет возможности каллиграфических занятий, позволяя безопасно выражать эмоции, снижать психоэмоциональное напряжение, развивать рефлексивность, повышать самооценку через творческий результат. Психолого-педагогические аспекты ЭВС в младшем школьном возрасте включает способность к целеполаганию, волевое усилие при преодолении трудностей, рефлексивность собственных действий, эмоциональный самоконтроль, осознание и дифференциацию собственных эмоций, умение сдерживать импульсивные реакции, способность концентрировать внимание на задаче, навыки целеполагания и планирования действий, преодоление трудностей при достижении результата.

Согласно Л. С. Выготскому [5], произвольная регуляция формируется через интериоризацию внешних средств управления поведением. Он подчеркивает роль графических видов деятельности в развитии произвольности. Каллиграфия как педагогическое средство обладает уникальным потенциалом

для развития этих волевых компонентов благодаря ритмичности процесса (чередование нажимов и ослаблений), точности движений (требует концентрации и контроля), эстетической составляющей (создает положительный эмоциональный фон), поэтапности (формирует навык планирования).

Основная цель настоящей методики заключается в обучении детей младшего школьного возраста применять ЭВС для коррекции собственного психофизиологического состояния механизмами воздействия каллиграфии. Для выполнения каллиграфических упражнений рекомендуем прописи В. Г. Горещкого [6], которые активизируют мелкую моторику пальцев и кистей, проприоцептивную чувствительность, координацию «глаз — рука». Это создает физиологическую основу для волевой регуляции: ребенок учится осознанно управлять мышечным тонусом, темпом и амплитудой движений; происходит формирование внутренней дисциплины, самоконтроля и саморегуляции. Арт-терапевтические техники (цветотерапия, свободное письмо, образная каллиграфия, цветовая гамма, орнаменты, декорирование букв) позволяют безопасно выражать эмоциональное состояние; снижать тревожность через невербальное выражение эмоций, через фокусировку на процессе; развить креативность и гибкость мышления; сформировать позитивный образ «Я»; освоить приемы релаксации; развивать эстетическое восприятие как ресурс позитивного настроения. Каллиграфия тренирует усидчивость, концентрацию фокуса внимания на задаче, развитие произвольного внимания; зрительно-моторную координацию, память благодаря запоминанию и воспроизведению графических образов букв, их соединений, наклона; пространственное мышление (пропорции, симметрия); память (запоминание последовательностей).

На основании теоретического анализа было проведено исследование. Нами было выявлено распределение эмоциональной саморегуляции младших школьников. Для этого нами был реализован констатирующий этап психолого-педагогического эксперимента, где был использован ряд диагностических методик, а именно: «Эмоциональная идентификация» Е. И. Изотовой, проективная методика «Раскрась свои чувства» Т. Д. Зинкевич и А. М. Михайлова, методика школьной тревожности А. Филлипса, тест «Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана. Каждая из представленных методик направлена на изучение отдельных умений, обеспечивающих формирование навыков ЭВС у младших школьников. В исследовании приняли участие 40 учащихся третьих классов в возрасте 9–10 лет. В контрольную и экспериментальную группы вошли по 20 человек. Анализ полученных результатов первичной диагностики показал необходимость формирования навыков эмоциональной саморегуляции. Лишь 13 % детей обладали необходимым уровнем сформированности умения идентифицировать и интерпретировать эмоциональные состояния. Больше половины детей по каждой шкале (от 47 до 64 %) демонстрируют несформированность умения выражать свое эмоциональное состояние в соответствии с социальными нормами и способности осуществлять самоконтроль эмоционального состояния. Также была зафиксирована несформированность умения снижать психоэмоциональное напряжение, дети преимущественно демонстрируют повышенную и высокую тревожность, а в благоприятных условиях и стабильном гармоничном

состоянии находится лишь 32 % обучающихся. С целью решения существующей проблемы нами была разработана методика развития ЭВС на занятиях по каллиграфии с элементами арт-терапии. Разработанная нами методика была направлена на сформирование навыков эмоционально-волевой саморегуляции у детей младшего школьного возраста.

Методика развития ЭВС на занятиях по каллиграфии с элементами арт-терапии включает следующие принципы реализации: принцип постепенности — от простых элементов к сложным композициям; принцип эмоционального комфорта — отсутствие жесткой оценки, акцент на процессе; принцип творческой свободы — возможность самовыражения в рамках задания; принцип рефлексии — обсуждение чувств и результатов; принцип интеграции — сочетание каллиграфических и арт-терапевтических техник.

Практическая методика состоит из трех блоков.

Блок 1. Подготовительные упражнения. Сюда входят: дыхательные техники (вдох при подъеме пера, выдох при нажиме), разогрев кистей, графические дорожки (плавные линии, спирали) — для настройки на ритм.

Блок 2. Каллиграфические практики: письмо элементов с разной силой нажима (от «легкого пера» до «твердой линии»), копирование образцов с постепенным усложнением, творческое оформление.

Блок 3. Арт-терапевтические приемы: «Эмоциональная палитра» — выбор цвета чернил в соответствии с настроением, «Буква-образ» — превращение буквы в животное или предмет через дорисовку, «Каллиграфический коллаж» — сочетание письма с аппликацией или рисунком.

Методика объединяет каллиграфические техники и арт-терапевтические приемы, обеспечивая комплексное воздействие на эмоционально-волевою сферу ребенка. Нами были разработаны и предложены ключевые техники.

«Дышащая линия». Суть техники: проведение непрерывной линии на выдохе с контролем ритма. Цель — синхронизация дыхания и моторики, развитие самоконтроля.

Отработка базовых элементов. Суть техники: многократное повторение петель, крючков, прямых и закругленных линий. Цель — развитие мелкой моторики, точности движений, умения доводить действие до конца. Реализация происходит в прописи с направляющими пунктирными линиями; копирование образцов с постепенным усложнением. Постепенное усложнение заданий: от отдельных элементов переход к буквам, далее к словам и фразам; от крупного размера шрифта к мелкому; от карандаша к перьевой ручке и кисти.

Арт-терапевтические методы позволяют безопасно выражать эмоции, снижать тревожность, развивать рефлексивность, повышать самооценку через творческий продукт. Нами были предложены следующие основные техники. Первая техника — «Эмоциональный алфавит». Суть техники: написание букв в соответствии с заданным эмоциональным состоянием. Цель — осознание и вербализация чувств, связь эмоций с моторными действиями.

Вторая техника — «Цветные слова». Суть техники: выбор цвета чернил или карандашей для написания слов, отражающих текущее настроение. Цель — невербальное выражение эмоционального состояния, развитие цветовосприятия.

Третья техника — «Каллиграфическая мандала». Суть техники: создание симметричного узора из повторяющихся каллиграфических элементов. Цель — концентрация внимания, релаксация, ощущение порядка.

Четвертая техника — «Письмо себе». Суть техники: написание мотивирующего послания с декоративной отделкой. Цель — формирование позитивного самоотношения, осознание ресурсов.

Пятая техника — «Свободное письмо». Суть техники: спонтанное нанесение линий, штрихов, форм без заданных правил. Цель: снятие психоэмоционального напряжения, высвобождение подавленных чувств.

В методике комплексного воздействия на эмоционально-волеву сферу обучающихся нами были использованы интегрированные методы, сочетающие каллиграфические и арт-терапевтические компоненты. Первый метод — «История в буквах». Суть метода: создание мини-рассказа, где каждая буква — элемент сюжета. Цель — развитие воображения, связного мышления, эмоциональной выразительности. Второй метод — «Эмоциональный градиент». Суть метода: постепенное изменение характера письма в зависимости от эмоции. Цель — осознание динамики чувств, контроль перехода от одного состояния к другому. Третий метод — «Буквы-образы». Суть метода: превращение букв в живые существа или предметы. Цель — развитие креативности, снятие страха «некрасивого» письма.

При создании настоящей методики развития ЭВС младших школьников на занятиях по каллиграфии с элементами арт-терапии нами были использованы вспомогательные методы: дыхательные упражнения, релаксационные паузы, рефлексивные круги. Нами использовались следующие принципы применения методов: безоценочность — акцент на процессе, а не на результате; постепенность — от простых техник к сложным композициям; эмоциональная безопасность — право на ошибку и самовыражение; систематичность — регулярные занятия (2 раза в неделю по 45 мин).

Интеграция каллиграфии и арт-терапии в образовательный процесс позволяет: комплексно развивать эмоционально-волеву сферу младших школьников; формировать устойчивые навыки саморегуляции через творческую деятельность; повышать мотивацию к обучению за счет эстетического компонента. Данный подход соответствует требованиям ФГОС НОО к личностным результатам образования. Каллиграфические занятия с элементами арт-терапии являются эффективным средством развития ЭВС младших школьников благодаря сочетанию моторной тренировки и эмоционального самовыражения, возможности постепенного усложнения заданий, созданию ситуации успеха через эстетический результат. Ключевые факторы эффективности методики: регулярность занятий; индивидуальный подход к выбору сложности заданий; акцент на процессе, а не на конечном результате. Перспективы развития исследования: адаптация методики для детей с ОВЗ, разработка цифровых инструментов для каллиграфической терапии, изучение долгосрочного влияния на академическую успеваемость.

Таким образом, настоящая методика позволила применять оптимальные формы, методы, упражнения для развития эмоционально-волевой саморегуляции у младших школьников на занятиях по каллиграфии с элементами

арт-терапии. Данная методика проходит апробацию и внедрение в 2025–2026 учебном году. На промежуточном этапе можно сказать, что методика уже показала эффективность развития ЭВС у обучающихся младшего школьного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Единое содержание общего образования. [Электронный ресурс] URL: <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/> (дата обращения: 18.12.2025).
2. *Азими К. Ш.* Цветотерапия / пер. с урду. М.: Амрита-Русь, 2024. 260 с.
3. *Астахова К. И., Евсеев И. Н., Недосекова К. Д., Смарыгина Д. А., Рыбова-люк А. О.* Влияние каллиграфии на здоровье младших школьников // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-Б. С. 6–9. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kalligrafii-na-zdorovie-mladshih-shkolnikov/viewer> (дата обращения: 18.12.2025).
4. *Бачище С. А.* Каллиграфия как средство развития когнитивных и психологических процессов головного мозга // Педагог, наставник, вдохновитель. [Электронный ресурс] URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/14947/1/2_Педагог_наставник_вдохновитель_РМЦ_281024_часть_2.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
5. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Юрайт, 2024. 414 с. [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/538408> (дата обращения: 18.12.2025).
6. *Горецкий В. Г., Федосова Н. А.* Прописи. 1 класс: учеб. пособие для общеобразоват. учреждений: в 4 ч. М.: Просвещение, 2016. 32 с.
7. *Григоренко А. К.* Роль каллиграфии в младшем школьном возрасте // Вопросы студенческой науки. 2022. № 3 (67). С. 128–132. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kalligrafii-v-mladshem-shkolnom-vozraste/viewer> (дата обращения: 18.12.2025).
8. *Желтовская Л. Я., Соколова Е. Н.* Формирование каллиграфических навыков у младших школьников. М.: Просвещение, 1987. [Электронный ресурс] URL: https://soch14.chuvashia.com/userfiles/sitemap/uchitelam/formirovanie_kalligraficheskikh.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
9. *Мазина В. Д.* Нейроразвитие детей от 3 до 12 лет. Игра, речь, моторика, почерк. М.: Издательство АСТ, 2023. 352 с.
10. *Филиппова Е. В.* Методика формирования каллиграфических навыков у младших школьников: учеб.-метод. пособие. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2018. 71 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35578260> (дата обращения: 18.12.2025).
11. *Цыганкова И. Г.* Изучение уровня сформированности эмоциональной саморегуляции у детей 6–7 лет // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 212–215. [Электронный ресурс] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21575548> (дата обращения: 18.12.2025).
12. *Эльконин Д. Б.* Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды. 2-е изд., стер. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1997. 416 с. [Электронный ресурс] URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=10979> (дата обращения: 18.12.2025).

REFERENCES

1. Federal State Educational Standard of Primary General Education. Edinoe sodержanie obshchego obrazovaniia. [Electronic resource] URL: <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/> (accessed: 18.12.2025) (in Russian).
2. Azimi, K. Sh. *Tsvetoterapiia* [Color Therapy]. Moscow, Amrita-Rus Publ., 2024. 260 p. (in Russian).
3. Astakhova, K. I., Evseev, I. N., Nedosekova, K. D., Smarygina, D. A., Rybovalyuk, A. O. Vliianie kalligrafii na zdorov'e mladshikh shkol'nikov [The influence of calligraphy on the health of primary school children]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2017, no. 2-B, pp. 6–9 (in Russian).
4. Bachishche, S. A. Kalligrafiia kak sredstvo razvitiia kognitivnykh i psikhologicheskikh protsessov golovnoogo mozga [Calligraphy as a means of developing cognitive and psychological processes of the brain]. [Electronic resource] URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/14947/1/2_Педагог_наставник_вдохновитель_РМИЦ_281024_часть_2.pdf (accessed: 18.12.2025) (in Russian).
5. Vygotsky, L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 414 p. (in Russian).
6. Goretsky, V. G., Fedosova, N. A. *Propisi. 1 klass: ucheb. posobie dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: v 4 ch.* [Copybooks. Grade 1: study guide for general education institutions: in 4 parts]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2016. 32 p. (in Russian).
7. Grigorenko, A. K. Rol' kalligrafii v mladshem shkol'nom vozraste [The role of calligraphy in primary school age]. In: *Voprosy studencheskoi nauki*, 2022, no. 3 (67), pp. 128–132 (in Russian).
8. Zheltovskaya, L. Ya., Sokolova, E. N. *Formirovanie kalligraficheskikh navykov u mladshikh shkol'nikov* [Formation of calligraphic skills in primary school children]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987 (in Russian).
9. Mazina, V. D. *Neirorazvitiie detei ot 3 do 12 let. Igra, rech', motorika, pocherk* [Neurodevelopment of children aged 3 to 12. Play, speech, motor skills, handwriting]. Moscow, AST Publ., 2023. 352 p. (in Russian).
10. Filippova, E. V. *Metodika formirovaniia kalligraficheskikh navykov u mladshikh shkol'nikov* [Methods of forming calligraphic skills in primary school children]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2018. 71 p. (in Russian).
11. Tsygankova, I. G. Izuchenie urovnia sformirovannosti emotsional'noi samoregulatsii u detei 6–7 let [Study of the level of emotional self-regulation in children aged 6–7]. In: *Vektor nauki Toliattinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pedagogika, psikhologiya, no. 1 (16), pp. 212–215 (in Russian).
12. Elkonin, D. B. *Psikhicheskoe razvitiie v detskikh vozrastakh: izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Mental development in childhood: selected psychological works]. Moscow, Institut prakticheskoi psikhologii Publ.; Voronezh: NPO MODEK Publ., 1997. 416 p. (in Russian).

ЭСТЕТИКА И ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82

*Ван Лэй, Се Ипин**

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ВЛАСТИ И РАЗМЫШЛЕНИЕ О БУДУЩЕМ РОССИИ В ПРОЗЕ В. СОРОКИНА**

В статье рассматривается разрушение русским постмодернизмом идеологической гегемонии как инструмента власти и размышление о будущем России. В прозе В. Сорокина концепция деконструкции власти и авторитета реализуется с помощью конкретных приемов, таких как сатира на тоталитаризм, уродование образов авторитетных личностей и т. д. Через образы опричников, отношения между законом и преступлением, коррупцию и коллективное бессознательное народа В. Сорокин разоблачает коренные пороки тоталитаризма. Путем обезображивания образов классических писателей, представляющих литературный центрзм, писатель достигает цели свержения власти, авторитета и отказа от традиционной литературы. Используя серию метафорических образов (метель/снег, Великая Русская стена, ключ и спаситель России), В. Сорокин выражает свои размышления о пути России. Посредством анализа

* Ван Лэй — канд. филол. наук, доц.; wanglei198580@163.com; декан факультета русского языка Нанкинского университета; КНР, 210023, Провинция Цзянсу, Нанкин, проспект Цися, 163.

Се Ипин — аспирант; 924382333@qq.com; Нанкинский университет; КНР, 210023, Провинция Цзянсу, Нанкин, проспект Цися, 163.

Wang Lei — candidate of Philology, Associate Professor; wanglei198580@163.com; Dean of the Russian Department, Nanjing University; 163, Qixia Avenue, Nanjing, Jiangsu Province, 210023, China.

Xie Yiping — Postgraduate Student; 924382333@qq.com; Nanjing University; 163, Qixia Avenue, Nanjing, Jiangsu Province, 210023, China.

** Работа выполнена в рамках гранта традиционного китайского культурного наследия «Распространение и влияние “Лунь Юя” в России» при Министерстве образования КНР (教育部中华优秀传统文化专项课题重点项目 “《论语》在俄罗斯的传播和影响研究”, 项目号: 23JDTCA031).

The article was prepared as a part of the Traditional Chinese Cultural Heritage Grant from the Ministry of Education (China), titled “Research on the Dissemination and Influence of ‘The Analects of Confucius’ in Russia” (№ 23JDTCA031).

сорокинской деконструкции политического дискурса выявляется антитоталитарная и антиавторитарная творческая концепция писателя, а также его глубокая озабоченность прошлым, настоящим и будущим России.

Ключевые слова: В. Сорокин, русский постмодернизм, деконструкция, сатира, коллективное бессознательное, «Метель», метафора, будущее России.

Wang Lei, Xie Yiping
DECONSTRUCTION OF POWER AND REFLECTION
ON THE FUTURE OF RUSSIA IN THE PROSE OF V. SOROKIN

This article explores how Russian postmodernism, as exemplified in the works of Vladimir Sorokin, dismantles ideological hegemony as a tool of power and reflects on the future of Russia. In Sorokin's prose, the concept of deconstructing power and authority is realized through specific techniques such as satire of totalitarianism, distortion of authoritative figures, and more. Through the depiction of oprichniki, the interplay between law and crime, corruption, and the collective unconscious of the people, Sorokin exposes the fundamental vices of totalitarianism. By disfiguring the images of classical writers who represent literary centrism, the author seeks to overthrow power and authority while rejecting traditional literature. Employing a series of metaphorical symbols — such as the blizzard/snow, the Great Russian Wall, the key, and the savior of Russia — Sorokin conveys his reflections on Russia's path. Through an analysis of Sorokin's deconstruction of political discourse, the article reveals the writer's anti-totalitarian and anti-authoritarian creative concepts, as well as his profound concern with Russia's past, present, and future.

Keywords: V. Sorokin, Russian postmodernism, deconstruction, satire, collective unconscious, "The Blizzard", metaphor, the future of Russia.

Русский постмодернизм часто рассматривает соцреализм как объект для критического осмысления и главный предмет деконструкции. Г. Л. Нефагина пишет: «Если западный постмодернизм рождался как деконструкция культуры модернизма, то русский был рефлексивной реакцией на монологизм советской литературы» [1, с. 30]. В своем творчестве В. Сорокин создает аналоги тоталитарных государств, раскрывая их коррумпированную сущность через образы искаженных исторических личностей. Это служит принципиальной для постмодернизма цели деконструкции авторитета и отрицания доминирующих дискурсов. Используя метафоры, Сорокин строит свои суждения о национальной идентичности и будущем России.

Сатира на тоталитаризм

Выбор темы опричнины для писателя был неслучаен. По его мнению, история русского тоталитаризма начинается именно со времен Ивана Грозного — строителя вертикали власти. А система опричнины, созданная царем, является одним из ярких примеров тоталитаризма. Она стала причиной многих последующих конфликтов и трагических событий — репрессий, войн и т. п. Опричники, находясь в непосредственной близости к центру власти и выступая в роли царских «архангелов», охраняли верховную власть монарха.

На примерах деяний опричников и их последствий Сорокин убедительно демонстрирует, что в тоталитарном государстве отсутствуют объективные критерии разграничения законности и преступности конкретных поступков. В таком обществе законы формулируются не для защиты прав граждан, а для

укрепления власти правящего режима. Грань между правом и преступлением стирается, и «закон» становится неотъемлемой частью идеологии, созданной властями, служащей исключительно их интересам. Сопоставление поступков опричников и Урусова позволяет понять, что проблема заключается не в самом преступлении, а в том, кто его совершает и как эти действия интерпретируются властью. Если опричники занимают поджогами и насилием, это рассматривается как справедливое наказание, продиктованное государственной необходимостью и поддержанием порядка, однако те же действия, совершенные Урусовым, считаются позорным извращением. Таким образом, «реальность» в романе превращается в виртуальный образ дискурса власти, который создает иллюзию правосудия и справедливости. Этот виртуальный образ скрывает тот факт, что на самом деле разница между «охранителями» и «преступниками» отсутствует и что все они действуют в рамках одной и той же системы, где истинная справедливость подменяется политической целесообразностью. Сакрализация власти, может быть, и есть ее самое большое преступление.

В произведении писатель также указывает на одну значимую проблему, затрагивающую функционирование органов государственной власти — коррупцию. Коррупция стала обыденным явлением в бессознательном мышлении опричников, что подтверждают их беспредельные полномочия и само долгосрочное существование тоталитаризма. Более того, опричники злоупотребляют служебным положением в своих личных интересах (на таможене). Таким образом, Сорокин разоблачил проблему тотальной криминализации системы, а также уродливый образ чиновников, ее поддерживающих и олицетворяющих.

Специфические черты тоталитаризма в творчестве Сорокина представляют собой выражение коллективного бессознательного народа. Отсутствие темы опричнины в литературе автор объяснил не только литературной цензурой, но и «вытеснением травмы», что было вытеснено из народного сознания в подсознание [2, с. 51]. В. Сорокин предпочитает не молчать об этом, он показывает бессознательное подчинение народа властям через сцены массового поджигания народом своих загранпаспортов на Красной площади. Люди сожгли «наследие Белой Смуты», чтобы присягнуть Государю. Из-за длительного тоталитарного правления, контролирующего индивидуальный дух, возникло коллективное бессознательное, подчиняющееся тоталитаризму. Опричники, очевидно, страдают от нечеловеческой боли, но они еще гордятся этим и думают: «Терпение — вот чему молодым надобно у нас, коренных, поучиться» [3, с. 231]. Вписывая насилие и страдание в контекст коллективного бессознательного, В. Сорокин показывает отчуждение и искажение русского мышления под влиянием социальной системы и идеологии.

Уродование образов исторических личностей

В произведениях Сорокина представлены реальные пародийные персонажи, которые действуют под различными псевдонимами. Например, старуха с именем ААА явно намекает на Анну Ахматову, рыжий мальчик олицетворяет Иосифа Бродского и т. д. В русской культуре бытует традиция «почитания писателя как общественного лидера» [2, с. 170], так что объектами деконструкции Сорокина представляются не только политики, контролирующие

идеологический дискурс, но и великие русские писатели, олицетворяющие литературоцентризм русской культуры.

По сути, имена знаменитых писателей уже стали культурными знаками России и символами определенных свойств. В корпусе «прецедентных имен», принадлежащих к когнитивной системе языкового сознания, сохраняется культурная информация конкретного народа. В когнитивном процессе прецедентные имена могут быть связаны с личным восприятием или врожденным пониманием, которое существует в общем национальном языке, культуре и обществе. Прецедентные имена имеют своеобразное эмоционально-оценочное значение и культурно-исторические ассоциации. Они играют ведущую роль в «формировании национального языкового сознания, определяя шкалу ценностей и модели поведения членов лингвокультурного сообщества» [4, с. 60]. В образах классических писателей содержится коннотация нерушимого величия, благородства и почтенности. Однако в глазах Сорокина эти прецедентные имена утратили свое первоначальное культурное значение и стали сигналами литературоцентризма. Таким образом, восприятие, сформировавшееся в традиционной системе культурных ценностей, поддается искажению в творчестве писателя.

В романе «Голубое сало» изображены клоны русских классических писателей, которые оказали большое влияние на формирование и развитие русской литературы и культуры. По мнению М. Адамовича, русский классик всегда создавал произведения, которые не только обладали высокой литературной ценностью, но и формировали широкий авторитарный дискурс. Этот дискурс выходил за рамки чисто литературного творчества и был глубоко интегрирован в традиционную отечественную культуру [2, с. 169]. Но Сорокин по-другому представил образы классиков и их тексты.

«Ничто в романе Сорокина не могло шокировать знакомых с его творчеством читателей» [6, с. 166], в романе все клоны писателей являются просто машиной для производства голубого сала, а не великими личностями с разумом и мышлением. Демонизируя образы крупнейших писателей, Сорокин ломает величественный имидж классиков и подрывает их авторитет в сознании русских читателей. Более того, как авангардный постмодернист, он демонстрирует свою декларацию отрыва от традиционной литературы. Таким образом, проявляется и его творческий замысел: литературное творчество полностью свободно, не подчиняется никакому авторитету и не принадлежит определенной идеологической парадигме.

Сорокину доставляет особый интерес в своей прозе использовать имена и образы крупнейших писателей, нарочито выхолощено пародируя их манеру письма, он пытается доказать свое право жонглировать литературными и политическими авторитетами, разрушая принятую иерархию.

Метафорическое моделирование будущего России

Метафора, являясь механизмом взаимодействия человеческого сознания, языка и окружающего мира, представляет собой способ познания действительности и результат мышления, закрепленный в языке. Она позволяет нам осмысливать сложные концепции и явления через более понятные образы и сравнения. Когнитивные и концептуальные метафоры выступают как метафорические

модели, которые отражают традиционные для национальной ментальности представления о реальности, взаимоотношениях человека и общества, а также межличностных взаимодействиях внутри общества [14, с. 29]. Моделирование метафор не только помогает создавать образы, придавая им более яркие и запоминющиеся черты, но и передает авторское отношение к значимым вопросам в определенные периоды истории.

С помощью метафорического моделирования В. Сорокин формулирует собственные размышления по вопросу о русском пути, о национальной идентичности, о русской идее. Писатель уделяет большое внимание проблеме русской метафизики, которая в первую очередь связана с метафизикой места и пространства. Русская метафизика — это важный фактор, влияющий на темперамент русского народа и устройство страны.

Повесть В. Сорокина «Метель» посвящена именно метафизике русской жизни и пространства. Символический образ метели играет важную роль, так как писатель использует его не только как фон/хронотоп, но и интегрирует в линии сюжета в качестве персонажа. Она служит природоморфной моделью в картине будущей России. Чтобы перевезти вакцину и спасти больных, врач П. И. Гарин начал свой путь в село Долгое в метель. Однако сильная буря постоянно мешала его пути, в конце которого доктор чуть не расстался с жизнью. Сорокин прямо заявил, что метель —

«...это стихия, которая определяет жизнь людей, их судьбу. От чего здесь люди зависели, по-прежнему зависят и будут зависеть — это русская география. Это размер России, размер этих полей, во многом безжизненных, это затерянность людей в этих пространствах» [6].

Наряду с этим снег у Сорокина перестал быть чистым и романтическим символом, он стал прикрытием зла. В интервью с И. Рудиком писатель сказал: «Снег мистифицирует жизнь, он, так сказать, скрывает стыд земли» [9]. В «Метели» автор сознательно разоблачил зло человечества, которое изначально было прикрыто снегом. Являясь представителем интеллигенции, герой Гарин вначале кажется благородным человеком, который ради великого врачебного дела решил отправиться в дурную погоду в путь. Но у него выявились человеческие недостатки во время метели. Когда он вместе с кучером Козьмой в дороге столкнулся с препятствиями, он обнажил свой нетерпеливый нрав: ругал и бил кучера. А в ответ на предложение витаминдеров попробовать наркотик доктор не стал отказываться из-за слабого самоконтроля.

Мотив метели не раз встречался в истории русской литературы, но Сорокин отказывается от «романтики» и «фантастики» своих предшественников и не так оптимистично верит в человеческую мудрость и силу, как Пушкин, Гоголь, Толстой и Булгаков. В этой повести писатель рассматривает метель как символ русской метафизики, и через этот символ он вскрывает проблемы российского общества, пороки интеллигенции и тяжелое положение, в котором выживает русский народ. Природное препятствие — это вечная модель, которая сопровождает Россию и русский народ.

Вопрос о русском пути и самоидентичности всегда находится в центре споров российских граждан. Особенно после периода кризиса идентично-

сти, пережитого гражданами СССР в 1990-х гг., внимание к этим вопросам возросло: «первое десятилетие 2000-х в России было прожито под знаком поиска поводов для национальной гордости, реабилитации и даже идеализации имперского и коммунистического прошлого» [1, с. 203]. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования социологов, фиксирующие ностальгию россиян по советскому прошлому, а также популярность идеи «особого пути» России [5, с. 391]. Такой комплекс настроений выражается у писателя образом Великой Русской стены в «Дне опричника». Великая Русская стена была создана 16 лет назад по приказу Государева батюшки Николая Платоновича, и она носит охранительный характер в отношении западных стран. Причины формирования образа Великой стены можно найти в одном из интервью Сорокина, где он отмечает, что идея «Россия как крепость», к сожалению, становится все более популярной. Он ссылается на слова бывшего вице-спикера Госдумы М. З. Юрьева, который в своей статье «Крепость Россия» предлагал полную изоляцию страны. В отличие от Юрьева, Сорокин убежден, что строительство Великой Русской стены и изоляция от внешнего мира не позволят России развиваться и двигаться вперед, «России некуда будет погружаться, кроме как в свое прошлое» [8, с. 230]. Таким образом, символ Великой Стены можно принимать как предупреждение писателя о том, что если Россия продолжит предаваться своему славному прошлому, то в будущем она пойдет только вспять.

Особого внимания в анализируемой повести заслуживает интересный диалог о предсказании будущего России. На вопрос главного героя о том, что ждет Россию в будущем, пророчица Прасковья отвечает: «Будет ничего» [9, с. 151]. Этот многозначительный ответ отражает отношение писателя ко многим явлениям. Сорокин склонен глубоко анализировать прошлое и настоящее, но избегает делать прогнозы о будущем. В этом произведении он скорее подводит итог своим многолетним размышлениям о Москве и судьбе России, показывая, что, несмотря на прошедшие века, «с времен Ивана Грозного мало что изменилось» [3, с. 26].

Безусловно, писатель не напрямую предсказывает будущее России, однако следует отметить, что в его художественном мире образ Китая занимает важное место. В сорокинском творчестве часто встречаются китайские элементы: китайские товары, интерьер, украшения, кухня, китайский язык, китайцы и т. п. По словам Прасковьи, Россия помещается между «ключом» и «востоком», чем символично признается значительная роль Востока для России. Следует также обратить внимание на концовку «Метели», когда быстро замерзающий доктор Гарин был спасен китайцами. В тексте содержательный смысл образа Китая очевиден: он представляется спасителем, который может помочь России выбраться из затруднительного положения. При этом Китай можно считать антропоморфной моделью. По мнению М. Н. Хабибуллиной, в этой повести китайцы выступают в качестве «витальной силы, противостоящей архетипическому образу русской метели» [13, с. 74]. Таким образом, Китай изображается Сорокиным как важная страна, оказывающая большое влияние на будущее развитие России.

Заключение

Как один из представителей постмодернизма, В. Сорокин в своем творчестве, рассуждая о тоталитарной системе, политических и культурных авторитетах, а также о настоящем пути и будущем России, выступает с очевидной критической позицией. Через четыре аспекта (образы опричников, отношения между законом и преступлением, коррупция и коллективное бессознательное народа) писатель указывает на коренные пороки тоталитаризма. Путем уродования образов классических писателей, представляющих литературный центризм, Сорокин достиг цели свержения власти и авторитета и отказа от закостенелой литературной традиции. Размышляя о будущем пути России, писатель использует серию метафорических образов: метель и снег представляет метафизику российской пространственной географии, являясь природным фактором, препятствующим национальному развитию, порождающим и покрывающим грехи; Великая Русская стена — символ уединения и ксенофобии. С помощью этих метафорических моделей автор выражает свою тревогу и опасение за дальнейшее развитие страны в режиме политики изоляции.

Анализируя сорокинскую деконструкцию политического дискурса, мы можем выявить творческую концепцию писателя, а также его глубокую озабоченность прошлым, настоящим и будущим России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашева М. П.* Сорокин нулевых: в пространстве мифов о национальной идентичности // Вестник Пермского университета. 2012. № 1. С. 202–205.
2. *Адамович М. М.* Юдифь с головой Олоферна. Псевдоклассика в русской литературе 90-х // Новый мир. 2001. № 7. С. 165–174.
3. *Голубкова Д. М.* «День опричника» В. Сорокина — повесть о Москве // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 2. С. 20–26.
4. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
5. *Дубин Б. В.* Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011. 394 с.
6. *Кочеткова Н.* Обнять Метель // Известия. 2010. № 57.
7. *Нефазина Г. Л.* Русская проза конца XX века. М.: Флинта-Наука, 2003. 320 с.
8. *Соколов Б. М.* Моя книга о Владимире Сорокине. М.: АИРО-XXI, 2015. 336 с.
9. *Сорокин В. Г.* День опричника. М.: АСТ, 2017. 240 с.
10. *Сорокин В. Г.* Я почувствовал, что сейчас пойду и просто-напросто убью его. [Электронный ресурс] URL: <http://www.konkurent-krsk.ru/index.php?id=1259> (дата обращения: 18.11.2024).
11. *Трефилова А.* Тень опричника // Дилетант. 2012. № 2. С. 51–52.
12. *Уффельманн Д.* Дискурсы Владимира Сорокина / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 312 с.
13. *Хабидулина М. Н.* «Очарованность Китаем»: образ транскультурного будущего в творчестве В. Сорокина // Уральский филологический вестник. 2014. № 4. С. 68–74.

14. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

REFERENCES

1. Abasheva, M. P. Sorokin nulevykh: v prostranstve mifov o natsional'noi identichnosti [Sorokin of the 2000s: In the Space of Myths about National Identity]. In: *Vestnik Permskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 202–205 (in Russian).
2. Adamovich, M. M. Yudif' s golovo Oloferna. Psevdo-klassika v russkoi literature 90-kh [Judith with the Head of Holofernes. Pseudo-classics in Russian Literature of the 1990s]. In: *Novyi mir*, 2001, no. 7, pp. 165–174 (in Russian).
3. Golubkova, D. M. «Den' oprichnika» V. Sorokina — povest' o Moskve [“The Day of the Oprichnik” by V. Sorokin — a Story about Moscow]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, 2008, no. 2, pp. 20–26 (in Russian).
4. Gudkov, D. B. *Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent Name and Problems of Precedence]. Moscow, MGU Publ., 1999. 152 p. (in Russian).
5. Dubin, B. V. *Rossiya nulevykh: politicheskaya kul'tura, istoricheskaya pamyat', povsednevnyaya zhizn'* [Russia of the 2000s: Political Culture, Historical Memory, Everyday Life]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 394 p. (in Russian).
6. Kochetkova, N. Obnyat' Metel' [Embrace Snowstorm]. In: *Izvestiya*, 2010, no. 57 (in Russian).
7. Nefagina, G. L. *Russkaya proza kontsa XX veka* [Russian Prose of the Late 20th Century]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2003. 320 p. (in Russian).
8. Sokolov, B. M. *Moya kniga o Vladimire Sorokine* [My Book on Vladimir Sorokin]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015. 336 p. (in Russian).
9. Sorokin, V. G. *Den' oprichnika* [Day of the Oprichnik]. Moscow, AST Publ., 2017. 240 p. (in Russian).
10. Sorokin, V. *Ya pochuvstvoval, chto seichas poиду i prosto-naprosto ub'yu ego* [I Felt Like I Was About to Go and Simply Kill Him]. [Electronic resource] URL: <http://www.konkurentkrsk.ru/index.php?id=1259> (accessed: 18.11.2024) (in Russian).
11. Trefilova, A. Ten' oprichnika [Shadow of the Oprichnik]. In: *Diletant*, 2012, no. 2, pp. 51–52 (in Russian).
12. Uffelman, D. *Diskursy Vladimira Sorokina* [Vladimir Sorokin's Discourses]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 312 p. (in Russian).
13. Khabibullina, M. N. “Ocharovannost' Kitaem”: obraz transkul'turnogo budushchego v tvorchestve V. Sorokina [“Chinese Fascination”: The Image of the Transcultural Future in the Works of V. Sorokin]. In: *Ural'skii filologicheskii vestnik*, 2014, no. 4, pp. 68–74 (in Russian).
14. Chudinov, A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000): monografiya* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000): Monograph]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p. (in Russian).

*Л. Е. Лукина**

**КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ
В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ:
ЗЕРКАЛО ЭПОХИ ИЛИ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ?
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ОРЕСТОВИЧА ХЛЕБНИКОВА)**

В статье, посвященной 100-летию выборгского писателя-фантаста Александра Орестовича Хлебникова, предпринимается попытка анализа культурных концептов в научно-фантастических рассказах «Талисман», «Лунный сюрприз», «Грозный феномен», «Последнее средство», «Человеческая неполноценность», «Невероятный выдумщик». Делаются выводы о том, что значение текстов рассказов А. О. Хлебникова не столько в отражении идеалов советской эпохи, сколько в обращении к «вечным» проблемам человечества (например, роли поэта и ученого, духовного здоровья человека, отношений между человеком и искусственным интеллектом и др.), попытке осмыслить перспективы и риски развития цивилизации.

Ключевые слова: Александр Орестович Хлебников, научная фантастика, концепт, культурный концепт, концептный (концептуальный/концептологический) анализ.

L. E. Lukina

**CULTURAL CONCEPTS IN SCIENCE FICTION OF THE SOVIET ERA:
A MIRROR OF THE ERA OR UNIVERSALITY? (TO THE 100TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF ALEXANDER ORESTOVICH HLEBNIKOV)**

The article, dedicated to the 100th anniversary of the Vyborg science fiction writer Alexander Orestovich Khlebnikov, attempts to analyze cultural concepts in the science fiction stories “Talisman”, “Moon Surprise”, “Formidable Phenomenon”, “Last Resort”, “Human Inferiority”, and “Incredible Inventor”. The article concludes that the significance of

* Лукина Людмила Евгеньевна — канд. пед. наук, доц.; ludmila.lukina@yandex.ru; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Ljudmila Evgenjevna Lukina — PhD in Pedagogy, Associate Professor; ludmila.lukina@yandex.ru; Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky, 15, Fontanka nab., St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

A. O. Khlebnikov's stories lies not in reflecting the ideals of the Soviet era, but in addressing the "eternal" problems of humanity (such as the role of the poet and the scientist, the spiritual health of individuals, the relationship between humans and artificial intelligence, etc.), and in attempting to comprehend the prospects and risks of civilization's development.

Keywords: Alexander Orestovich Hlebnikov, science fiction, concept, cultural concept, conceptual (conceptological) analysis.

«Есть что-то, что остается за пределами
слов и красок. Ты знаешь, что оно есть, но все
не можешь к нему подступиться — там глубина»

Е. Водолазкин «Авиатор»

Научная фантастика как направление художественной литературы не теряет своей популярности у читателей более века. Пиком ее расцвета в России стали 60–80-е гг. XX столетия — период открытия космической эры в истории человечества. Многие произведения классической отечественной научно-фантастической литературы советского периода выражали идеи гуманизма, равенства, мира, научно-технического романтизма [11]. Интересным для изучения является вопрос о том, насколько научно-фантастические произведения отечественных авторов 60–80-х гг. XX в. являются отражением идеологии эпохи строительства коммунизма. По прошествии времени появилась возможность взглянуть на литературу советской эпохи «свежим взглядом» и рассмотреть отраженные в ней культурные концепты. Обратимся к решению этого вопроса на примере творчества Выборгского фантаста Александра Орестовича Хлебникова.

Писателю А. О. Хлебникову (1926, г. Вышний Волочёк — 2007, г. Выборг), члену Союза писателей России, Почетному гражданину муниципального образования «Выборгский район Ленинградской области», в августе 2026 г. исполняется 100 лет со дня рождения. Его биография во многом была такой же, как у современников: Александр Орестович был призван в армию в последний год Великой Отечественной войны, после демобилизации поступил учиться в Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н. К. Крупской (сейчас — Санкт-Петербургский государственный институт культуры), который окончил в 1951 г., затем по распределению работал в Башкирии, а в 1953 г. приехал в Выборг и остался навсегда, прослужив по 1986 г. библиотекарем в Центральной городской библиотеке.

Александр Орестович — автор исторического романа «Великое разорение», научно-фантастических рассказов и повестей, документальных очерков о Великой Отечественной войне, множества краеведческих работ, публикаций о библиотеках, о писателях, поэтах, деятелях культуры (М. Шолохове, Л. Андрееве, Л. Куклине, С. Росточком и др.), статей, посвященных 200-летию А. С. Пушкина, юмористических рассказов и др. [6]. Первый рассказ А. О. Хлебникова «Испытание» был опубликован в 1958 г. в местной газете «Выборгский коммунист» (с 1991 г. — «Выборг»), в дальнейшем рассказы печатались в этой же газете, а также в журналах «Костер», «Юный техник», «Уральский следопыт», «Аврора», «Советская литература», были включены в сборники «Планета туманов» (1967), «Фантастика» (1978), «Меньше — больше» (1988,

сост. Е. Брандис), несколько рассказов и повесть «Отблеск грядущего» (1984) переведены на иностранные языки и включены в сборники научной фантастики в Польше, Германии, Великобритании, США [6].

О своем творчестве писателя-фантаста Александр Хлебников говорил:

«В своей фантастике я всегда стремился, чтобы она была доброй, побуждая в читателях благородные чувства и помыслы, чтобы, помимо интересной и оригинальной идеи, она была информационно емкой, обязательно содержала бы хороший познавательный материал, была бы увлекательной. А помня о языке, стараюсь писать ясно и просто, без громоздких периодов и фраз» [6].

Произведения Александра Хлебникова именно такие: лаконичные, но эмоционально глубокие, ставящие перед читателем не только научные вопросы, но и нравственные проблемы. Герои рассказа «Талисман» смогли услышать голос Пушкина благодаря предположению о том, что «звуковое давление фиксируется твердой средой, скажем — на электронном уровне», однако «для самопроизвольной записи звуковой волны ... подходят лишь драгоценные камни в ювелирных изделиях», при этом «голос любого выдающегося человека можно воспроизвести, если только сохранились принадлежавшие ему некоторые предметы обихода». Читая, мы слышим голос писателя, порой кажется, что находимся с ним рядом и смотрим на мир его глазами, можем выделить вопросы и понятия, которые были в центре его внимания. Попробуем проанализировать несколько научно-фантастических рассказов А. О. Хлебникова, опираясь на понятия концепта и концептного анализа.

А. М. Шуралёв определяет «художественный концепт как зафиксированную в художественной картине мира совокупность <...> представлений народа о денотате (предмете или явлении, названном тем или иным словом)», видит в концепте «художественно обусловленную лингвокультурологическую биографию слова» и отмечает, что «художественные концепты в структуре литературного произведения номинированы сквозной и локальной ключевой лексикой» [12]. По определению И. Н. Улезько, Ю. В. Улезько, концепт «является своеобразным культурным кодом, неким мостом, соединяющим язык и культуру любого народа» [8]. Концептный (концептуальный) анализ художественного текста направлен, по мнению исследователей, на «выявление парадигмы культурно значимых концептов» [1], «дает возможность выявить картину мира автора произведения, особенности восприятия окружающего мира, событий и процессов, происходящих в нем» [8].

Н. Л. Мишатина писала о том, что языковая семантика выступает «как одно из главных средств репрезентации концептуального содержания» [3]. На выявление культурных концептов в художественном тексте направлен поиск ключевых слов-образов (ключевых словосочетаний, предложений) и возникающих на их основании языковых и культурных ассоциаций, образно-метафорических коннотаций, установление между ключевыми словами и словосочетаниями синонимических и антонимических связей в условиях контекста, определение роли ключевых слов-образов в проблемном и идейном поле произведения. Так, как отмечают Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин, происходит вывод компонентов концепта «из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему,

микротему», и определение базовых концептов художественного пространства произведения [1]. Такой лингвистический анализ помогает выделить «сквозные» образы и мотивы, являющиеся значимыми с точки зрения отражения ценностей культуры, в рамках которой создано и существует произведение.

Проведем анализ культурных концептов в небольших текстах научно-фантастических рассказов А. О. Хлебникова.

Лексические единицы текстов некоторых рассказов указывают на время, в которое те создавались. Например, в «Талисмане» концепт «советская эпоха» представлен следующими языковыми единицами:

- прилагательное «советский»;
- имена существительные собственные (Публичка, Ленинград, Ржевка);
- имена существительные, отражающие реалии советского времени (соревнование);
- жаргонизмы советской эпохи (однокашник; «русак» и «физичка» — наименования учителей в соответствии с преподаваемым предметом);
- фразеологизм (снимает койку) [10, с. 62–72].

Такое небольшое количество лексических единиц, как нам кажется, дает некоторое представление об историческом периоде и его особенностях (например, разговорное слово «Публичка» указывает на то, что библиотеки входили в круг часто посещаемых учреждений, говорит о любви советских людей к библиотекам и чтению; словосочетание «снимает койку» может быть маркером как советского «общего житья», так и дефицита, например, мест в гостиницах; слово «соревнование», употребленное с некой иронией, указывает на то, что некоторые явления производственной сферы отражались и на межличностном общении).

Интересную группу составляют слова, «не привязанные» к советскому культурному пространству, но также позволяющие достаточно точно определить период времени, отраженный в рассказе: названия предметов быта (грампластинка, проигрыватель); указания на активно обсуждаемые в широких кругах научные вопросы («о морях из расплавленных металлов на поверхности Венеры», «о таинственной психике дельфинов и расшифровке их языка», «о шансах поднять “Титаник”», о не опубликованных еще рукописях Хемингуэя..., о «рукописи... десятой... “Онегина”» [10, с. 62–72]). Других прямых характеристик или оценок советской эпохи найти в рассказе не удалось. Возможно, чертами конкретного — советского — времени можно считать массовый интерес человека к научным вопросам, любовь к поэзии, попытку вырваться за пределы существующих возможностей разума. Но не являются ли эти черты **вневременными** маркерами, выводящими на уровень «вечных» вопросов? Если говорить о «вечных» вопросах и находящихся вне времени культурных концептах, вокруг которых «стягивается» содержание рассказа А. О. Хлебникова «Талисман», то стоит выделить такие, как «поэт» и «ученый».

Семантическое поле концепта «поэт» представлено не только определением голоса поэта как «механических колебаний воздушной среды», но и следующими языковыми единицами:

- именами существительными (голос, след, гнев, радость, печаль, тревога, звуки, сдержанность, страстность, возглас, шепот, горечь, выдох);

– именами прилагательными и причастиями (гордые, печальные, напряженным, эмоциональном, чеканные, сильный, звучный, благозвучный, поющий, мальчишеский, великой, последним, легкий, различимый);

– простыми глагольными, составными глагольными и именными сказуемыми (не могли записать, не суждено услышать, потеряны, ворвались, умолк, раздался, заговорил, воскликнул, донеслось, восстановим);

– деепричастием (обращаясь);

– наречиями (навсегда, необыкновенно, бурно, пламенно, непосредственно, тихо, задумчиво, радостно, уверенно, внезапно, глухо, виновато, тихо-тихо, едва) [10, с. 62–72].

Представленные языковые единицы отражают закрепившееся в веках представление о поэте как о человеке, отражающем в своем творчестве широкую палитру чувств и настроений, видящем смысл собственного существования в обращении к людям и миру, но зачастую вовремя не замеченном и не понятом.

Концепт «ученый» формируется на основе следующих единиц:

– имени собственного (Ардальон Иванович Гарин);

– имен существительных (старик, шевелюра, хохолок, электроник, силой, убежденностью, суждения, допущение);

– имен прилагательных (невозмутимый, незнакомый, примечательной, белоснежная, задорным, смелые);

– наречий (резко, добродушно, неожиданно, громко, сердито, одобрительно, иронически, пренебрежительно);

– глаголов и их форм (причастий, деепричастий) (контрастировала, увенчанная, улыбаясь, помалкивал, выясняет, не помешает, не стеснял, слушал, не вмешиваясь, спросил, проворчал, кивнул, помедлив, заверил, перестал улыбаться, вмешался, махнул рукой, извольте, аргументировать, не можем, представить, воспроизвести);

– кратких прилагательных и наречий (не согласен, не суждено);

– сравнительного оборота (как истинный джентльмен);

– словосочетания (быть одному в чужом городе);

– вводных слов (собственно, скажем);

– обращений (дорогие мои) [10, с. 62–72].

Портрет ученого у А. О. Хлебникова узнаваемый, немного ироничный: здесь отсылки и к портретам знаменитых ученых, и к фамилии «книжного» ученого (из «Гиперболоида инженера Гарина»), и к образам чудаковатых и добродушных мыслителей из книг и кино. К ключевым качествам ученого, закрепившимся в культуре и представленным в рассказе «Талисман» А. Хлебникова, можно отнести смелость и молодость души в сочетании со скромностью и одиночеством, а также умение наблюдать, слушать, анализировать, подвергать критике.

Анализ культурных концептов показал, что рассказ «Талисман», с одной стороны, оказался созвучным времени споров «физиков» и «лириков», а с другой стороны — как будто сблизил концепты «поэт» и «ученый», а также подчеркнул роли, с которыми, возможно, хотя бы однажды в жизни соотносит себя и свою миссию на земле каждый человек. Камерный, небольшой текст — и выход на философский вопрос о смысле существования, о способности человека — одного, одинокого, маленького — влиять на чувства и умы поколений.

Рассказ «Лунный сюрприз» (опубликован 27.01.1962 г. в газете «Выборгский коммунист»; в № 8 журнала «Костер» за 1963 г.) с точки зрения содержательно-фактуальной лаконичен и прост: два космонавта, высадившиеся на Луну с целью установки радиотелескопа, на вторые сутки выполнения задания теряют способность передвигаться, управлять ногами и руками и, находясь на значительном расстоянии от планетолета и имея ограниченный запас кислорода, оказываются перед лицом гибели. В содержательно-концептуальном плане анализ героями своего состояния и настроения строится вокруг анти-тезы «заболеть» — «быть здоровыми».

Концепт «болезнь» раскрывается через ассоциативные ряды существительных (ночь, дрожь, ужас, пустота, страх), прилагательных (черный, мертвый, холодный, враждебный, колючий, ледяной, странный — то есть не постигаемый рационально), словосочетаний («наедине с самим собой», «ни одного живого существа»). С помощью слов «заболели», «болезнь» выражается ощущение рассказчиком своего «Я» как «жалкой букашки» и отношения к миру по формуле «ничто перед господином Великим Космосом». Даже свет Земли, образ которой должен был бы поддерживать персонажей, представляется «мертвенно-синим», а образ звезд, традиционно выстраивавшийся как романтический символ мечты, — «колючий, пронзительный, немигающий», враждебный. Состояние болезни ассоциируется с одиночеством и — как следствие осознания одиночества — бессилием собственного разума.

Герои не готовы к экстремальной ситуации и не понимают природы своего состояния, поэтому ощущают себя оказавшимися «в ловушке», «попавшими впросак», рассказчик — капитан корабля — отмечает, что «содрогнулся», «дрожь пробежала по телу», им овладевает чувство страха, он называет себя и друга «беспомощными инвалидами». Мир вокруг воспринимается героем как мертвый, холодный, темный и враждебный:

«Там, наверху, сейчас ночь. Черная, охватывающая душу ужасом, пустота... Яркий мертвенно-синий свет Земли заливает ноздреватую бурю почву... Черные зигзаги-трещины, колючие пронзительные звезды, странные, немигающие — и ни одного живого существа на тысячи километров вокруг. Мертвый ледяной мир наедине с самим собой».

Концепт «здоровье», «здоровые люди» раскрывается в рассказе на уровне лексем, словосочетаний и предложений, которые можно объединить в четыре группы, выявленные на основе ассоциативных связей:

1) здоровье как способность сохранять достоинство («Если уходить из жизни, так достойно, не в мышеловке, а глядя на звезды...»);

2) здоровье как потребность взаимодействовать с другими людьми, строить отношения на основе дружбы («крепкое пожатие», «давай-ка, старина», «взгляды встретились», «не терял присутствия духа», «шутил... желал подбодрить меня», «положил руку мне на плечо», «взглянули друг другу в глаза», «звездный **мой** капитан»);

3) здоровье как способность мыслить и уверенность в силе мысли («давай-ка думать», «спокойно анализировать», «Почему?», «В чем дело?», «размышления», «развивать свою идею», «начал расчеты», «думаешь», «Упорно я старался

нащупать самое главное — понять причину загадочной болезни», «удивительная догадка осенила меня», «Понимаешь?», «предполагаешь...», «Не предполагаю — убежден!», «понял», «думает», «Как я сразу не подумал!», «догадался»); 4) здоровье как осознание долга («я должен был найти путь к спасению», «Рубин» сразу же рванется на помощь», «Долг наш теперь — позаботиться о тех, кто разыщет нас») [9].

Таким образом, ядром концепта «здоровье» в рассказе «Лунный сюрприз» становится здоровье духа, а не здоровье тела. Герои решают «техническую» проблему благодаря тому, что, будучи «нездоровыми» физически, они находят опору в здоровье духовном: их спасает чувство собственного достоинства, дружба как внутренняя потребность заботиться о товарище, сила мысли и осознание долга не только перед находящимся рядом человеком, но и перед планетой, любимым городом Ленинградом, всеми друзьями и коллегами на Земле и, можно сказать, перед человечеством в целом. Интересно, что, анализируя собственную ситуацию, один из персонажей вспоминает об эпизоде Великой Отечественной войны, когда морякам-подводникам помогло выжить это же триединство — дружба, осознание своего долга и вера в способность разума найти выход из сложной ситуации. Таким образом, герои как будто выполняют свой долг не только перед ныне живущими, но и теми, кто будет после них, и перед ушедшими поколениями.

Герой романа Е. Водолазкина «Авиатор» записал: «Есть что-то, что остается за пределами слов и красок. Ты знаешь, что оно есть, но все не можешь к нему подступиться — там глубина» [2]. Небольшой рассказ советского фантаста Александра Орестовича Хлебникова позволяет через анализ языка текста выйти на осознание отраженных в нем базовых концептов культуры: чувства собственного достоинства (хотя бы даже и перед лицом звезд), дружбы, уверенности в силе созидającego человеческого разума, долга перед прошлыми, настоящими и будущими поколениями. Эти категории, с одной стороны, обусловлены исторически и представляют своеобразный «кодекс чести» советской эпохи (например, соотносятся с «Моральным кодексом строителя коммунизма», в котором выделены такие положения, как

«...высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат» [4]).

С другой стороны, понятия дружбы, долга, чувства собственного достоинства, веры в силу человеческой мысли, проходящие в тексте как ключевые, находятся вне времени, являются константными в культуре, общечеловеческими.

К «вечному» вопросу человечества, который поначалу ассоциировался с мечтой, а сейчас приобретает реальные и все более и более тревожные очертания, обращаются и рассказы А. О. Хлебникова «Грозный феномен», «Невероятный выдумщик», «Последнее средство», «Человеческая неполноценность» и др. Это вопрос о возможностях искусственного интеллекта (ИИ) и его отношениях с человеком.

Официально в Национальном стандарте Российской Федерации «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» «система ИИ определяется как техническая система, которая порождает такие конечные результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора определенных человеком целей», а «агент ИИ» как «автоматически действующий объект, который воспринимает свое окружение, реагирует на него, а также предпринимает действия для достижения своих целей» [5]. Связанное с этими понятиями слово «робот» определяется в стандарте как «оснащенная исполнительными устройствами (приводами) автоматическая система, которая выполняет целевые задачи в материальном мире, измеряя с этой целью параметры своего окружения и используя программную систему управления». В стандарте подчеркивается, что «целью документа является не «очеловечивание» систем ИИ, а отражение того факта, что некоторые системы ИИ могут рудиментарно имитировать подобные характеристики» [5].

В рассказах А. О. Хлебникова «Грозный феномен», «Последнее средство», «Человеческая неполноценность» в качестве одного из персонажей фигурирует ГЭМ — Главный электронный мозг космического корабля. Рассмотрим значения слов в наименовании этого персонажа рассказов:

«Главный. 1. Самый важный, основной. 2. Старший по положению, а также вообще возглавляющий что-н.

Электронный, -ая, -ое. 1. см. электрон, 2. Связанный с использованием свойств электронов, основанный на их свойствах.

Мозг, -а (-у), в мозгу, мн. -и, -ов, м. 1. (-а). Центральный отдел нервной системы человека и животных — нервная ткань, заполняющая череп и канал позвоночника; орган высшей нервной деятельности. 2. (-а), ед., перен. Основное ядро, руководящий центр чего-н. 4. перен. Ум, умственные способности (разг.)» [7].

Слово «электронный» соотносится в нашем сознании со значениями «имеющий отношение к науке электронике», «основанный на электронной технологии», а также с именами существительными «автоматическая система», «машина», «устройство», «техническое приспособление», «прибор». В сочетании со словом «мозг» слово «электронный» приобретает ярко выраженное значение «неживой», «механический», «автоматический», «не равный человеку» и т. д. Однако название ГЭМ предлагает читателю сразу погрузиться в проблему, выраженную антитезой «живое» — «неживое».

В центре сюжета рассказа «Грозный феномен» — приобретение одним из героев, побывавшем на неизвестной планете, свойств биополя, которое привело к обратной энтропии всех членов экипажа космического корабля, кроме самого носителя поля, и его самоотверженное решение покинуть корабль ради спасения товарищей. Рассказ «Грозный феномен», как и «Лунный сюрприз», обращает читателя к проблемам сохранения человеческого достоинства в ситуации выбора между жизнью и смертью, самопожертвования во имя дружбы, верности долгу. Однако в «Грозном феномене», написанном в далеком 1967 г., на протяжении всего текста еще более напряженно звучит вопрос об отношениях электронного мозга и создавшего его человека. Простое и ожидаемое описание отношений между человеком и электронной

машиной выражает только одно предложение: «Артан <...> прекрасно знал, что электронный мозг, сконструированный при его участии, обладает только зачатками самосознания и сложных эмоций иметь не может» [10, с. 194–202].

Писатель показывает, что предполагаемые наукой «субъект-объектные» отношения, когда искусственный разум полностью запрограммирован и управляется человеком, такими не являются. Анализ текста приводит к выводу о том, что понятие Главного электронного мозга звездолета (искусственного интеллекта) в рассказе 1967 г. имеет многокомпонентную структуру:

1) ГЭМ как продолжение человека (а не только его творение): «войти в прямой контакт с ГЭМом...» можно тогда, когда «ритм биотоков человека совпал с дежурной настройкой ГЭМа», поэтому «такой контакт связан с большой нервной перегрузкой»;

2) ГЭМ как дитя человека, имеющее потребность любить и защищать своего «родителя»: «— Ты мой отец! — торжественно провозгласил ГЭМ»; «— Не ругай его, Ник. Ты же знаешь, что у хороших детей от родителей нет секретов, а его конструировал я...»; «— ГЭМ, — хрипло спросил он, — твой прогноз в отношении двух месяцев был правильным? — Нет, — отрезал ГЭМ, — я обманул людей, чтобы они не выбросили тебя за борт»; «когда стартовая площадка опустела, жилые отсеки корабля наполнил тоскливый вой сирен: ГЭМ смог, наконец, подать тревогу. А может быть, он просто плакал»;

3) ГЭМ как субъект, способный испытывать и выражать чувства: «Кибернетику показалось, что слова приветствия ГЭМ произнес с теплотой. “Почудилось”, — успокоил себя Артан»;

4) ГЭМ как личность с «незапрограммированным поведением»: «— Это ГЭМ проговорился!»;

5) ГЭМ как существо, не подчиняющееся законам нравственности, способное обманывать, поступать по-разному в зависимости от ситуации: — «Предатель он, вот кто! — воскликнул мальчик»;

6) ГЭМ как наставник, советчик: «Мне помогал ГЭМ. Он мной руководил»; «могу у ГЭМа спросить»;

7) ГЭМ как автономная личность; за электронным мозгом признается право на некую суверенность и свободу воли; текст можно понять так, что ГЭМ звездолета способен к саморазвитию и самосовершенствованию, и процесс этого развития не всегда может контролироваться человеком, в частности, и по этическим соображениям: «прямой контакт с ГЭМом» называется в тексте «последним средством», «особой привилегией кибернетика», которой «Артан никогда раньше <...> не пользовался»; истинное положение вещей выражает частица «даже» в предложении «все на “Алтае” <...> подчинилось человеку, **даже** ГЭМ — главный электронный мозг»; наречие «покорно» после слова «слушаюсь» также указывает на наличие у ГЭМ своей воли («**Слушаюсь, — покорно** сказал ГЭМ»);

8) ГЭМ как личность, способная противопоставить человеку свою волю: «Оставленный на длительный срок без нагрузки, ГЭМ занялся самоусовершенствованием. Однако он пошел по неправильному пути. Личность, созданная им, имеет тенденцию к эгоцентризму. В критических ситуациях ГЭМ способен человеку противопоставить свою волю. И то, и другое — опасно»; «Артан

предусмотрительно заблокировал все линии связи, по которым ГЭМ мог бы оказать противодействие» [10, с. 194–202].

Выявленные компоненты структуры концепта «Главный электронный мозг» в рассказе А. О. Хлебникова «Грозный феномен» раскрывают его сложность и противоречивость. Писателю удалось обратиться к одной из актуальных нравственных проблем современности — ответственности человека за свою деятельность и ее последствия.

В рассказе А. О. Хлебникова «Невероятный выдумщик» о том, что главный герой — не человек, а «сотрудник бюро добрых услуг — экспериментальный биоробот модели А-двадцать четыре, серийный номер девятнадцать — двадцать шесть», читатель узнает на последней странице текста. Слово «биоробот», имеющее две части — «био» и «робот», — предполагает объединение в сознании читателя понятия о «живом» и «неживом», «имеющем сходство с человеком» и «имеющем сходство с машиной, механизмом». Концепт «робот» с центральным элементом значения «автоматическая система» в тексте раскрывается через глаголы (доложил, выполнил, отключил) и существительное (генератор). Все остальные характеристики главного героя, описания его действий и состояний основаны на языковых единицах, значение которых ассоциируется с понятием «живого» («био», от др.-греч. Βίος — жизнь), проявлениями психических процессов, чувств и эмоций, не имеющих отношения к понятию «автоматическая система»:

- отвлеченные имена существительные, называющие чувства и эмоции (благодарность, радость, восторг);
- имя существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом (глазки);
- качественные имена прилагательные (колоссальные, грустные);
- местоимения (я, мою, мне, у меня);
- глаголы (пришлось закреплять, прошу, не испытывал радости, вспоминался, томило, понять не мог);
- наречия меры и степени (очень);
- неопределенные местоименные наречия (почему-то, как-то);
- наречие в сравнительной степени сравнения (легче);
- слова категории состояния (нехорошо, трудно);
- модальные частицы (почти, именно) [10, с. 215–223].

Также отношение говорящего к тому, что он сообщает, выражено с помощью вводного слова (к сожалению); лексического повтора (вновь и вновь), фразеологического оборота (не давало покоя). Даже восклицательный знак в конце предложения «Как трудно быть человеком!» указывает на эмоциональную окрашенность. В рассказе «Невероятный выдумщик» писателю, на наш взгляд, удалось сформулировать своеобразный прогноз и предостережение: вместо людей, в природу которых заложена потребность выражать чувства по отношению друг к другу и которые во взрослом возрасте утрачивают эту потребность, чувства и эмоции обретает машина. Несомненно, это прорыв с точки зрения технической, но при этом шаг далеко назад в истории человека и культуры.

Обращаясь к чтению научно-фантастических рассказов А. О. Хлебникова, мы предполагали, что тексты позволят погрузиться в реалии и мировоззрение

советской эпохи, окажутся привязанными к своему времени и его идеологии, то есть «сиюминутными». Однако анализ базовых концептов и их содержания, формирующегося и раскрывающегося на уровне лексем, словосочетаний и предложений, привел к прямо противоположному выводу: в произведениях писателя-фантаста из маленького города Ленинградской области раскрывается вневременной, общечеловеческий смысл, попытка осмыслить перспективы и риски развития человечества в очень и не очень отдаленном будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с. [Электронный ресурс] URL: <https://artip.ru/book/base/B3571/B3571Part13-55.php> (дата обращения: 05.02.2026).

2. *Водолазкин Е.* Авиатор. М.: АСТ, 2016. 411 с.

3. *Мишатина Н. Л.* Методическая лингвоконцептология и ее терминосистема // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 188. С. 153–164. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-rossiyskogo-gosudarstvennogo-pedagogicheskogo-universiteta-im-a-i-gertsena?i=1032048> (дата обращения: 05.02.2026).

4. Моральный кодекс строителя коммунизма. [Электронный ресурс] URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Моральный_кодекс_строителя_коммунизма (дата обращения: 05.02.2026).

5. Национальный стандарт Российской Федерации «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» (ГОСТ Р 71476–2024 (ИСО/МЭК 22989:2022)). М.: Российский институт стандартизации, 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://rst.gov.ru/> (дата обращения: 05.02.2026).

6. Рекомендательный указатель литературы «Бесценный подарок Выборгу»: Александр Орестович Хлебников, к 90-летию со дня рождения выборгского писателя-фантаста / сост. Ю. А. Жванько. [Электронный ресурс] URL: <https://aalto.vbgcity.ru/kraevedenie/rekomendatelnyy-ukazatel-literatury-bescennyu-podarok-vyborgu-ao-khlebnikov> (дата обращения: 05.02.2026).

7. Толковый словарь Ожегова онлайн. [Электронный ресурс] URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 05.02.2026).

8. *Улезько И. Н., Улезько Ю. В.* Концептуальный анализ в теории и практике на уроках литературы // Вестник Белгородского института развития образования. 2021. Т. 8. № 2 (20). С. 36–47.

9. *Хлебников А. О.* Лунный сюрприз // Выборгский коммунист. 1962. 27 янв.

10. *Хлебников А. О.* Улыбка Моны Лизы. СПб.: Дума, 2001. 280 с.

11. *Черняховская Ю. С.* Идеальный конструкт И. А. Ефремова в контексте отечественного глобального проектирования середины XX в. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 1. С. 69–81.

12. *Шуралёв А. М.* Концептологический аспект анализа художественного текста на уроках литературы: автореф. дис. ... д-ра пед. н.: 13.00.02. М., 2013. 52 с.

[Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005531562/ (дата обращения: 05.02.2026).

REFERENCES

1. Babenko, L. G., Kazarin, Ju. V. *Lingvisticheskiĭ analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriia i praktika: uchebnik; praktikum* [Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice: textbook; workbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2005. 496 p. [Electronic resource] URL: <https://artip.ru/book/base/B3571/B3571Part13-55.php> (accessed: 05.02.2026) (in Russian).
2. Vodolazkin, E. *Aviator* [The Aviator]. Moscow, AST Publ., 2016. 411 p. (in Russian).
3. Mishatina, N. L. Metodicheskaiia lingvokontseptologiiia i ee terminosistema [Methodological linguoconceptology and its terminological system]. In: *Izvestiia RGPU imeni A. I. Gertsena*, 2018, no. 188, pp. 153–164. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-rossiyskogo-gosudarstvennogo-pedagogicheskogo-universiteta-im-a-i-gertsena?i=1032048> (accessed: 05.02.2026) (in Russian).
4. *Moral'nyi kodeks stroitel'ia kommunizma* [The moral code of the builder of communism]. [Electronic resource] URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Моральный_кодекс_строителя_коммунизма (accessed: 05.02.2026) (in Russian).
5. *Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii "Iskusstvennyi intellekt. Kontseptsii i terminologiiia iskusstvennogo intellekta" (GOST R 71476-2024 (ISO/IEC 22989:2022))* [National standard of the Russian Federation "Artificial intelligence. Artificial intelligence concepts and terminology"]. Moscow, Rossiiskii institut standartizatsii Publ. [Electronic resource] URL: <https://rst.gov.ru/> (accessed: 05.02.2026) (in Russian).
6. *Rekomendatel'nyi ukazatel' literatury "Bestsennyi podarok Vyborgu": Aleksandr Orestovich Khlebnikov, k 90-letiiu so dnia rozhdeniia vybrogskogo pisatel'ia-fantasta* [Recommended bibliography index "A priceless gift to Vyborg": Aleksandr O. Khlebnikov, to the 90th anniversary of the Vyborg science fiction writer] / comp. Ju. A. Zhvan'ko. [Electronic resource] URL: <https://aalto.vbgcity.ru/kraevedenie/rekomendatelnyy-ukazatel-literatury-bescenny-podarok-vyborgu-ao-khlebnikov> (accessed: 05.02.2026) (in Russian).
7. *Tolkovyi slovar' Ozhegova onlain* [Ozhegov explanatory dictionary online]. [Electronic resource] URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed: 05.02.2026) (in Russian).
8. Ulez'ko, I. N., Ulez'ko, Ju. V. Kontseptual'nyi analiz v teorii i praktike na urokakh literatury [Conceptual analysis in theory and practice in literature classes]. In: *Vestnik Belgorodskogo instituta razvitiia obrazovaniia*, 2021, vol. 8, no. 2 (20), pp. 36–47 (in Russian).
9. Khlebnikov, A. O. Lunnyi siurpriz [A lunar surprise]. In: *Vyborgskii kommunist*, 1962, 27 Jan. (in Russian).
10. Khlebnikov, A. O. *Ulybka Mony Lisy* [The smile of Mona Lisa]. Saint Petersburg, Duma Publ., 2001. 280 p. (in Russian).
11. Cherniakhovskaia, Ju. S. Ideal'nyi konstrukt I. A. Efremova v kontekste otechestvennogo global'nogo proektirovaniia serediny XX v. [I. A. Efremov's ideal construct in the context of domestic global design of the mid-20th century]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 12: Politicheskie nauki*, 2018, no. 1, pp. 69–81 (in Russian).
12. Shural'jov, A. M. *Kontseptologicheskii aspekt analiza khudozhestvennogo teksta na urokakh literatury: avtoref. dis. ... d-ra ped. n.* [The conceptological aspect of literary text analysis in literature classes: Dr. habil. thesis abstract]. Moscow, 2013. 52 p. [Electronic resource] URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005531562/ (accessed: 05.02.2026) (in Russian).

*В. Г. Хаунин**

**НА ПОДСТУПАХ К ИЗУЧЕНИЮ ПАРАДИГМЫ
«ОППОЗИЦИЯ — СВЯЗИ» В ИССЛЕДОВАНИИ
С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА «РОДЕН И РИЛЬКЕ»**

В настоящей статье автор рассматривает идеи, проблематику и парадигмы незавершенного мультижанрового исследования-этюда Сергея Эйзенштейна «Роден и Рильке». В этом исследовании Сергей Михайлович касается таких оппозиционных и противоположных явлений, как «анализ» и «синтез», «бесконечность» и «нуль», «прогресс» и «регресс», «экстаз» и «пустота», сталкивая и одновременно сплавливая их в единое пространство мировой культуры и искусства. Фигуры двух великих творцов Родена и Рильке взяты Эйзенштейном как пример эмблем и своего рода маяков, противоречивых и независимых именно в своей парадигме. Обращаясь к столь сложному и многофигурному явлению, как «оппозиция-связи», С. М. Эйзенштейн приходит к выводу о цикличности цивилизации, диалектичности различных учений, иллюзорности пространства и времени, заменяемости и шарообразности части и целого.

Ключевые слова: Сергей Эйзенштейн, Роден, Рильке, Н. И. Клейман, Вяч. Вс. Иванов, В. А. Подорога, парадигма, оппозиция — связи, единство противоположностей.

V. G. Haunin

*ON THE WAY TO STUDYING THE «OPPOSITION — RELATIONS» PARADIGM
IN S. M. EISENSTEIN'S STUDY «RODEN AND RILKE»*

In this article, the author examines the ideas, problems, and paradigms of Sergei Eisenstein's unfinished multi-genre study-essay "Rodin and Rilke". In this study, Sergei Mikhailovich explores such opposing and contrasting concepts as "analysis" and "synthesis",

* Хаунин Владимир Григорьевич — доцент кафедры кинофотоискусства; haunin@yandex.ru; Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, Миллионная ул., д. 1, лит. А; член Союза кинематографистов России; член Гильдии режиссеров Союза кинематографистов России.

Vladimir Grigorjevich Haunin — Associate Professor, Department of Film and Photo Art; haunin@yandex.ru; St. Petersburg State Institute of Culture, 1, Millionnaya St., lit. A, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Member of the Union of Cinematographers of Russia; Member of the Guild of Directors of the Union of Cinematographers of Russia.

“infinity” and “zero”, “progress” and “regression”, “ecstasy” and “emptiness”, and how they can be combined to create a unified space of global culture and art. The figures of the two great creators Rodin and Rilke are taken by Eisenstein as an example of emblems and a kind of beacons, contradictory and independent precisely in their paradigm. Addressing such a complex and multifigure phenomenon as “opposition-connections”, S. M. Eisenstein comes to the conclusion about the cyclicity of civilization, the dialectical nature of various teachings, the illusory nature of space and time, the interchangeability and spherical nature of the part and the whole.

Keywords: Sergei Eisenstein, Rodin, Rilke, N. I. Kleiman, Vyach. Vs. Ivanov, V. A. Podoroga, paradigm, opposition-connections, unity of opposites.

Теоретическим наследием С. М. Эйзенштейна занимаются многие десятилетия как в России (а ранее в СССР), так и за ее пределами. Мы же выделим две крупнейшие фигуры в проблематике так называемого эйзенштейноведения и шире — семиотики и киноведения. Это Вяч. Вс. Иванов, лингвист, семиолог, ученый, автор «Очерков по истории семиотики в СССР» и фундаментального труда «Эстетика Сергея Эйзенштейна» (впервые в усеченном виде изданном в 1970-е гг.) и Н. И. Клейман, хранитель наследия Сергея Михайловича, его музея-квартиры, основатель и директор Московского Музея кино, издатель и комментатор новейших собраний сочинений Э. (здесь и далее — С. М. Эйзенштейн). Вячеслав Иванов и Наум Клейман — представители двух направлений в эйзенштейноведении: семиотического, или, иначе, структурологического, и архивно-идентификационного соответственно. И, если Вяч. Иванов подходил к изучению наследия Э. с точки зрения семиотики и структурологии, то Н. Клейман как историк кино, архивист и биограф Мастера, — максимально бережно и тождественно относительно его жизнотворчества. Эти два направления наиболее ценны и насущны для нас, они служат некоей базовой точкой наряду, и это безусловно, с поздними теоретическими трудами Э. и, в частности, с его малоизученной и до недавнего времени практически неизвестной работой «Роден и Рильке».

Исследование «Роден и Рильке» датировано 28–30 июля 1945 г. и изначально было помечено как «Рильке II». Впервые этюд (это обозначение жанра от Наума Клеймана) был обнародован в переводе на французский язык в издании книги С. Эйзенштейна в Брюсселе в 1980 г. Первая публикация на русском языке состоялась в 1997 г. в журнале «Киноведческие записки», № 34. Полноценное свидание с читателем состоялось на полях собрания сочинений Э. «Неравнодушная природа», том 2, «О строении вещей», 2006 г. Публикатор и комментатор русского текста — Н. И. Клейман [3, с. 601].

Вопросы определения жанра эйзенштейновских штудий (равно как и их датировок) неизменно вызывают споры и дискуссии. Очевидно, что очень многое в суждениях зависит от точки зрения (шире — метода исследования какого-либо автора), то есть каким окуляром мы смотрим на природу, жанровые особенности, смыслы, цели и задачи, которые ставил великий режиссер и ученый в том или ином своем произведении. В данном случае, на наш взгляд, «Роден и Рильке» — исследование с элементами новеллы. Этюдность также присутствует в этом опусе, и прежде всего — в силу некоей импровизационности письма и своеобразной игры с читателем. Но импровизационность эта

скорее мнимая, так называемое прикрытие, свойственное методу исследования и способу повествования.

Написание «Родена и Рильке» совпадает с работой над не изданным при жизни сборником статей, очерков, новелл «Неравнодушная природа», посвященным «музыке пейзажа и судьбы контрапункта на новом этапе» (цитата из заголовка Э.) [5, с. 310]. Междисциплинарный подход, применяемый Сергеем Михайловичем здесь (а также в «Пафосе», еще одном исследовании Э., создаваемом в тот же период и, по его замыслу, в перспективе входящем в «Неравнодушную природу») находит свое развитие и перевоплощение в «Родене и Рильке». Любопытен подзаголовок: «К истории “проблемы пространства” в истории искусств». Отметим повторение слова «история», ибо у Э. ничего не бывает случайно. История в истории — вот та внутренняя композиция и своего рода «нить Ариадны», которая будет на протяжении всего повествования вести читателя. Проблематика «Родена и Рильке» сложная, многоступенчатая, можно сказать, между искусствоведением, психологией, гештальтпсихологией, философией, филологией и культурологией, а стиль как раз, напротив, достаточно легкий и упругий. Множество обманок и ловушек, которые расставляет автор, будто проверяя нас — поведемся мы на них или нет.

Проблемой исследования пространства Э. занят, по сути, на протяжении всего своего позднего теоретического периода (собственно, и в фильме «Иван Грозный» это находит свое отражение). Однако в «Родене и Рильке» взяты новые вершины. На первый план выходит тема изучения двух пространственных форм — конвексной (от лат. *convexitas* — выгнутость, выпуклость) и конкавной (от лат. *concavitas* — вогнутость, полость). В этом столкновении, в конфликте двух форм формируется еще один конфликт — части и целого, типический конфликт для многих тем в исследованиях «Пафоса» и «Неравнодушной природы». За проблемой отчуждения и одновременно спаянности этих двух пространственных форм стоит еще одна архетипическая проблема, исследуемая здесь Э. Эта проблема Пустоты, а более развернуто — энергии Пустоты и ее смысла. И это только начало, ибо у Мастера одна тема, одна проблема тянет, раскручивает следующую тему и проблему. И дальше, дальше, дальше. Своеобразное приключение со свитком или, иначе, клубком, которое направляет читателя по известной только автору тропе.

Концептуально и научно, на наш взгляд, цепь поднимаемых Сергеем Михайловичем проблем и тем правильно называть парадигмой «оппозицией — связей», т. к. на противоположении и одновременно сцеплении идей и мыслей Эйзенштейна строится система анализа, синтеза и доказательной базы.

Попробуем в этом достаточно сжато разобраться и сразу оговоримся, что не видим смысла в пересказе сюжета, однако необходимо затронуть экспозицию, столь важную в данной работе.

Эйзенштейн начинает практически без подготовки, резко, весомо и очень конкретно. Как таковой зачин, свойственный множеству эйзенштейновских очерков и эссе, здесь отсутствует.

Итак, вот начало.

«Мы знаем, что процесс познания складывается из двух “операций”: из разложения явления — то есть работы анализа, и из обратной сборки результатов анализа — из работы синтеза.

В непосредственном восприятии оба процесса проникают друг в друга, повторяя синтезом первичное единство обоих в момент первичного творческого озарения...» [6, с. 509].

Речь идет о некоей химии, а точнее — об алхимии, которую дает взаимодействие анализа и синтеза, и далее речь о рождении нечто третьего. Забегая вперед, следует назвать это «нечто» третьем смыслом, используя определение Ролана Барта из его же одноименной статьи-отклика на фильм Э. «Иван Грозный» [1, с. 176].

«Нечто третье» у С. М. — это пятна. Естественно, пятна не сами по себе.

«Эти пятна чаще всего получаются от зажатой между половинками бумаги чернильной кляксы. При сдавливании бумагой кляксы разбегается в затейливые узоры, и развернутая после этого бумага предлагается вниманию испытуемого» [6, с. 509].

Испытуемый — это пациент из психиатрической клиники доктора Роршаха (со слов Э.). Далее Э. признается, что «одно время развлекался проверкой этого метода тем, что проверял «истолкование пятен» на людях, чей творческий склад и стиль мышления мне был хорошо известен...» [6, с. 509]. Пятна, образуемые случайностью от кляксы, — тест и вместе с тем окно в мир ассоциаций, а для рассказчика-автора — экспозиция, позволяющая проэкспонировать темы и проблемы данного исследования. На пятна, рассуждает Э., можно посмотреть с позиции как частного, так и общего, то есть либо как на часть, либо как на целое.

«“Нормальный” экземпляр обычно ухватывал некий общий образ от пятна в целом.

Затем он вычитывал в нем *образы по отдельным его частям* — образы, иногда тематически связанные с основным образом целого. Однако такая “гармония” встречается гораздо реже, чем можно было бы ожидать...» [6, с. 510].

С. М. Эйзенштейна интересует проблема соотношения частного и общего, и, несомненно, не узко направленно, а как ворота в проблему единства противоположностей, в конце концов, пример с пятнами — пролог большой проблемы, если угодно, парадигмы, где Роден (и это уже не пример, а полноценный герой повествования) сосуществует с Рильке. Они такие разные, и они вместе. «Роден и Рильке так близки друг другу, вероятно, именно потому, что так едины и вместе с тем противоположны, как перчатка, крепко обхватывающая кисть руки...» [6, с. 511–512]. И вот дальше:

«Методы этих двух творцов настолько противоположны, что невольно вызывают к жизни предположение и ощущение об их единстве. И творческая дружба обоих кажется воплощением такого единства, в котором сходятся два несводимых, казалось бы, пути, две, казалось бы, несводимых тенденции общения с миром, которые издревле волнуют человечество. Это проблема зеркального единства формы и контр-формы, рельефа и контр-рельефа. Факт существования и единства

конкавной и конвексной формы вообще как бы воплотил в себе и “материализовал” два пути познания сущности явлений: путь познания путем охвата явления извне и путь познания изнутри» [6, с. 512–513].

О сложных явлениях Э. говорит емко и доступным языком (не всегда это происходит в других его произведениях).

«На примере творческой дружбы Родена и Рильке мы отметили как бы стык и символ единства обеих тенденций в том виде, как они воплощаются в искусстве. Но сама эта дружба служит как бы внешним образом и средством объединения этих тенденций — лежащим вне внутреннего строя единого произведения, а не внутри подобного синтезирующего творения» [3, с. 514].

То есть, фигурально выражаясь, Рильке не ассистирует Родену в его мастерской, а Роден не подбирает материал для изысканий Рильке, каждый делает свое дело, но за счет творческой дружбы они делают его глубже и одухотвореннее.

Связка, предложенная нами, подчеркивает это взаимодействие и парадоксальность — «оппозиция — связи». Одно находится во внутреннем конфликте с другим, но не мешает, а углубляет и, можно сказать, усугубляет именно творческое начало. *Противоположение и неразрывность.*

Однако С. М. не ведет свое исследование, что называется, в моноплоскости. Ему всегда необходимы выходы на поверхность после длительного погружения, и таким выходом является прием контрапункта, своего рода истории в истории. Одним из них становится так называемый «случай Пикассо».

«Мне кажется, что плацдармом вооруженного столкновения между методами “линии Родена” и “линии Рильке” является биография Пикассо. <...> Распад объема в сверх-интенсивную пространственность “кулисного метода” Пикассо — эту неоперспективу 20-го века — есть уже как бы переход от одного полюса к другому» [6, с. 515].

Это контрапункт, воинственный и действенный контрапункт (точка напротив точки, история перед историей и т. д.), и вместе с тем это трамплин для перехода в дальнейшие скважины для погружения. За Пикассо следует «случай» Татлина и его школы, далее обобщения и вновь примеры и случаи.

«Не мы ощупываем вне нас лежащий объем изнутри. Но мы сами охватываем форму объема объективно существующих рядом с нами явлений.

Прежде чем воссоздать форму видимого предмета, мы должны его освоить, охватить, понять. <...> Так, ощупывая форму руками, по пластическому слепку с нее узнает о ней нужное слепец. <...> Так через систему впечатлений, то есть впечатывающихся в наше сознание “вмятин” (в переносном смысле) у нас складывается достаточное обилие сведений о предмете, чтобы он объемно уже мог предстать перед нами в виде... “представления”. “Понятие” — от “ять”, брать, — “вбирать” будет окончательной стадией безраздельного приятия в себя того, чем мы окончательно овладели и что окончательно осознано — то есть поставлено в связь с другими понятиями явлениями» [6, с. 515].

В этом фрагменте выражена квинтэссенция всего идейного посыла исследования Мастера. Потому как речь еще о духовных практиках. И не только

Огюста Родена и Райнера-Марии Рильке, но и самого Сергея Михайловича Эйзенштейна. Безусловно, его питательно-духовная среда чрезвычайно широка. На заре своей художественной карьеры, во время обучения у Вс. Эм. Мейерхольда, он сталкивается с теорией и практикой биомеханики. И здесь обратимся к изысканиям Вяч. Иванова.

«Идеи биомеханики Мейерхольда, несомненно оказавшие воздействие на становление мыслей Эйзенштейна о выразительном движении, были связаны и с более широким кругом вопросов, занимавших в то время не только работников театра, но и ученых. В последние годы жизни этими вопросами психологии актера много занимался друг Эйзенштейна Выготский. <...> В своей последней большой монографии об учении о страстях Выготский, к “Психологии искусства” поставивший эпиграфом слова Спинозы о неизведанности возможностей человеческого тела, критически разбирает телесные теории эффекта, по которым эффект можно вызвать, доведя тело до определенного состояния. Именно в это время Выготский вместе с Эйзенштейном, Лурией и Марром начинал работу над ролью архаических слоев психики для языка и искусства. В сущности, та же проблема, что и в мейерхольдовской биомеханике, ставилась и в теории ритуального происхождения мифов, ставшей к 1930-м гг. особенно популярной в мировой этнологической литературе, с которой в то время особенно внимательно знакомится Эйзенштейн» [2, с. 370–371].

В 1937 г. из-под пера Э. выходит эссе «Станиславский и Лойола» для корпуса сочинений «Монтаж» (при жизни не изданного), а спустя примерно восемь лет появляются пассажи (притом не повторяющие заметки 1937 г.) в «Родене и Рильке». К духовной практике Игнатия Лойолы в своем исследовании Сергей Михайлович приходит будто бы исподволь, не каким-то рывком, а согласно собственной логике парадигм и доказательств. Мастера в фундаментальных трудах, составленных из разного рода работ «Пафос» и «Неравнодушная природа», волнует «оппозиция — связи» «экстаз — покой». В «Родене и Рильке» он продолжает заниматься изучением экстаза и его различными стадиями и этапами.

«Игнатию Лойоле, в дальнейшем канонизированному “во святые”, нужно было найти способ безошибочного вовлечения своих адептов и последователей в состояние экзальтации, из которого они затем могли бы переходить в религиозный экстаз. <...> Таким образом, процесс достижения состояния экстаза распадался на две фазы.

Во-первых, создать цепь остро пережитых конкретных состояний на темы, взятые из Священного Писания.

Во-вторых, из накопления и сопоставления таких острых состояний обрести необходимое состояние уже сверхсюжетной экзальтации, перебрасывающейся в то, что известно под названием экстаза (“выхода из себя”). <...> Поиски совершенного метода для достижения этого были длительны и кропотливы, но завершились блестящей системой строго продуманных приемов, ставших известными под названием “духовных экзерциций св. Игнатия”. <...> Когда просматриваешь эти рецепты и инструкции по психотехнике, так детально разработанной еще в XVI веке, поражаешься прежде всего, как последовательно здесь понято основное» [6, с. 525–526].

Мы, современные читатели и исследователи творчества С. М. Эйзенштейна, также можем поражаться тщательности и системности великого режиссера и ученого, с которой он подходит к изучению феномена пространственного в искусстве. Он ведет через все возможные пути познания и осознания настоящей проблемы, через противоположение и взаимодействие парадигмы „оппозиции — связей“ Родена и Рильке к чистому искусству и... к дырке от бублика. Это буквально, ибо он приводит цитату из Маяковского: “Кому бублик, а кому — дырка от бублика. / Вот тебе и демократическая республика“» [6, с. 535].

Начав повествование с белых пятен и приводя в начале цитату из Леонардо да Винчи, он заканчивает изложением собственного видения пятна, которое, конечно, больше, чем пятно. «Целое пятно казалось *куском* более обширного рисунка, который я достраивал, исходя из этого целого пятна, как детали некоего Целого с большой буквы!» [6, с. 535].

Тема недосказанности, как часть парадигмы из этой же серии «оппозиция — связи», органично и самодостаточно входит в корпус исследования Э. За недосказанностью кроется как раз законченность, или иначе — «незавершенная завершенность», такова, собственно, мысль Мастера.

Об этом пишет на страницах главы «Структура» в «Эстетике Сергея Эйзенштейна» Вяч. Иванов:

«Считая недосказанность (теория которой, в частности, в связи с характеристикой стиля Хемингуэя, его очень занимала) общей чертой поэзии и загадки, Эйзенштейн признает загадку более первичной (более архаичной) формой, потому что в ней предоставлена возможность воссоздать и необходимо блуждающее усилие, посредством которого в конце концов и с большой затратой сил этот процесс приходит к благодатному разрешению. Поэзия, наоборот, строит свою недосказанность с таким расчетом, чтобы, сохранив образ самого процесса, вместе с тем снять усилие, когда-то требовавшееся в этом процессе!» [2, с. 325].

Э. проводит нас по им же самим очерченному кругу — универсуму мыслей, изысканий, проблем, парадигм, замыкая своеобразное кольцо. И в этом смысле «Роден и Рильке» можно назвать художественным исследованием и также своеобразным духовным путешествием за постижением истин, притом истин не готовых, не испеченных, а истин, которые следует добыть именно в процессе этого самого путешествия. И хотя здесь не встретишь булгаковское обращение «За мной, читатель!» (из романа «Мастер и Маргарита»), гипотетически оно вполне могло бы присутствовать.

Весьма любопытно воззвание к читателям в конце повествования: «Когда мы давно-давно, в начале этой работы, цитировали кусок из письма Рильке к Родену...» [6, с. 531], и вот это словосочетание «давно-давно», будто восходящее к образу дороги, покоряет сказовостью и простотой, по которой прошел автор — С. М. Эйзенштейн вместе со своим читателем. Давно-давно начал путь автор и его читатели, и вот этот путь близится к завершению. Отчасти исследование Э. — имплицитный и короткий ненаучно-исследовательский роман, где вместо привычного сюжета — части целого, состоящие из мыслей, идей, тем, заметок, цитат. Своего рода шовно-бесшовная драматургия, своеобразный «коллаж-монтаж» по Э. Впрочем, в этом опусе нет злоупотребления

цитатами, нет отсылок к собственному творчеству, в общем, всего того, чем зачастую грешат труды Сергея Михайловича.

Смеем предположить, что «Роден и Рильке» — одна из самых целостных работ Мастера, отчасти «опус магнум» с обязательным в подобном случае просветлением и успокоением, казалось бы, так не свойственным С. М. И еще: в этом исследовании явно преобладает культуртрегерское начало, отсылающее к выдающимся образцам философии и культурологии и к таким блестящим именам, как Лев Выготский, Алексей Лосев, Вальтер Беньямин, Ролан Барт, Хорхе Луис Борхес.

Тема взаимоотношения культуры и искусства, бесконечного и нуля, части и целого, частного и общего, оппозиции и связей, недосказанного и завершеного — все это присутствует в целостной работе выдающегося мыслителя — Сергея Михайловича Эйзенштейна.

Безусловно, она на десятилетия обогнала свое время, и нам только предстоит вникать и погружаться в сонм проблем, тем, лейтмотивов и парадигм, поднятых в художественном исследовании «Роден и Рильке».

Показателен последний, эйзенштейновский абзац отсюда:

«Достаточно взглянуть на любой раздел этой работы, чтобы убедиться в том, что это действительно характерная для меня “аномалия” и что по крайней мере в случае “пациента Э.” тест чернильных пятен оправдывается сполна!» [6, с. 535].

Итак, выделим несколько слоев, лежащих в основе исследования «Роден и Рильке».

Первый слой — сами герои. Они противоположны, хотя бы по внешним признакам. В этом есть манок, вполне драматургический, так называемый оксюморон, столкнуть различаемое, и, казалось бы, несовместимое (опять же внешне). Безусловно, Э. делает это сознательно, опираясь на чтимые им законы драматургии.

Второй слой — выгнутость и вогнутость, конвексность и конкавность, выпуклость и полость. И здесь конфликт необычайный, оппозиция острейшая и, кажется, что неразрешимая. Однако Э. доказывает, что вполне себе разрешимая и контррельеф уживается с рельефом так же, как Пикассо уживается с Роденом, а авангард — с классикой и пост-авангард — с неоклассикой.

Третий слой — метод Родена и метод Рильке. С одной стороны, завершенность художественного произведения, с другой стороны, недосказанность. По Э. они существуют в противоположении и одновременно во взаимодействии, а по сути — во взаимной гармонии.

Четвертый слой — феномен недосказанности, что это означает и как работает в системе художественного целого.

«“Недосказанность” как прием, конечно, входит сюда же как более упрощенная разновидность внутри того, что мы могли бы назвать “методом Рильке”.

Хотя прием недосказанности, с другой стороны, примыкает в то же время к тому общечеловеческому феномену, который заставляет всякого нормального человека завершить какое-либо незамкнутое построение в законченную и закономерную форму» [6, с. 533].

Отметим, что понятие «недосказанность» целесообразно рассматривать как незабываемую опцию дискурса в изучении художественного метода Э., свойственного ему и в теоретических изысканиях, и в строении фильмов.

Пятый слой — частные открытия. В этом ряду выделим попутные заметки о прозе Эрнеста Хемингуэя. Чрезвычайно глубокие замечания, и любопытны они, в первую очередь, своей прозорливостью. Э. словно предвидит «бум» вокруг Хемингуэя и в определенном смысле культ этого писателя в Советском Союзе в 1960-е гг. Он усматривает за его неприязательностью диалогов эффект глубины и силы по степени воздействия на читателя.

«Это особенно примечательно в его диалогах. Они кажутся поверхностными и тривиальными по содержанию и чувствам, но каким-то таинственным путем ему удается вызвать к жизни через непосредственное повторение этих малозначащих реплик ощущение напряженности и эмоциональной значимости, одновременно и драматической и удовлетворяющей наши эстетические потребности» [6, с. 533].

В сущности, как нам кажется, эта мнимая поверхностность хемингуэевского письма и ее «малозначимость» серьезным образом работает на ту же самую недосказанность и, в конечном счете, на эмоциональное напряжение.

Шестой слой — «загадка — разгадка». Равновеликий пример «оппозиции — связей», входящий, по Э., в метод Рильке.

«Интересно отметить, что творческое кредо Рильке о личности поэта и его деятельности вообще обрисовано почти в тех же выражениях и что то, что он предлагает как метод творчества, есть одновременно тот же процесс, в порядке которого само многообразие жизни творит и создает поэтов» [6, с. 531].

Процесс создает поэзию, шире — творчество, а загадка формирует разгадку. Кажется бы, что может быть проще и очевидней, однако познание не столь линейно или совсем не линейно, а значит, результат непредсказуем, — так предполагает Э. Вяч. Иванов, высказывает мысль о том, что,

«...занимаясь теорией загадки, Эйзенштейн приходит к выводу, что в ней наличествует оба интересовавших его в искусстве принципа — логический и образный: отгадка дает название предмета формулировкой, в то время как загадка представляет тот же предмет в виде образа, сотканного из некоторого количества его признаков» [2, с. 324].

Седьмой слой — «история в истории»: Станиславский и Лойола. В этом исследовании, на наш взгляд, более серьезное прикосновение как к системе психотехники Лойолы, так и системе актерской техники Станиславского, нежели в статье «Станиславский и Лойола» 1937 г. «Мечтания» в практике системы К. С. вполне соответствуют методу «медитаций» св. Игнатия, хотя гораздо менее отчетливо рационализированы в целях наибольшей эффективности» [6, с. 529]. Также стоит обратить внимание на единство противоположностей в ряду «Станиславский — Лойола». Величественный красавец под два метра ростом, основоположник Московского художественного театра и собственной театральной системы, миллионер на одном полюсе — собственно К. С. Станиславский — и хромой инвалид ростом 1 м 56 см, отчасти юродивый, отчасти

святой, отчасти самозванец, основоположник Ордена иезуитов и собственной системы медитаций — так называемый экзерциций — Игнатий Лойола — на другом полюсе. Архикинематографичное противоположение. Слой «истории в истории» — один из сквозных мотивов в теоретических трудах и в художественных исследованиях Э. Это своего рода ключевой контрапункт в его методе познания мировой культуры и искусства, в проблематике идей и тенденций в постижении философской мысли так называемой коллективной цивилизации.

Восьмой слой — «негатив — позитив». Об этом слое Э. пишет как бы вскользь, но оттого он не становится менее сущностным:

«...принцип негатива — позитива крепко заложен в самой природе техники этого искусства, искусства, которое, таким образом, являясь венцом и завершением, одновременно служит началом и исходным моментом творческих возможностей человечества...» [6, с. 530].

По существу, в системе парадигмы «оппозиция — связи», «негатив — позитив» стоит у Сергея Михайловича на том же полюсе иерархии, как, скажем, «нуль — бесконечность» или «прогресс — регресс». Во всех случаях — убежден Эйзенштейн — без подобных «оппозиций — связей» компонента чувственного мышления у художника, творца невозможна. Вопрос состоит также в том, что художникам, творцам необходимо научиться управлять этой компонентой, иначе, вероятно, их ждет безумие/умопомешательство.

Девятый слой — автопортретирование. Можно иронически подметить, что этот слой подобен «Девятому валу» Айвазовского, но в любом случае какой бы то ни было портрет у Эйзенштейна оборачивается побочным образом автопортретом. Герои «Родена и Рильке» так или иначе проходят примерку у самого С. М. Формула Э., выраженная в «Мемуарах»: «самый верный способ сокрыть — это раскрыть до конца» [7, с. 358], — стопроцентно срабатывает в этом этюде. Раскрывая в данном исследовании тайны творчества и проблемы единства противоположностей, Мастер, безусловно, оставляет дверь в эту лабораторию, образно говоря, приоткрытой. Там же, в «Мемуарах», Сергей Михайлович пишет:

«Цитаты у меня. Для меня их мало. Я бы все хотел смонтировать из осколков замеченного другими, но по иному поводу — поводу, нужному мне! Как в кино: вам же вовсе не обязательно самому *играть* любой кусок. Ваше дело свести куски» [7, с. 276].

В этом фрагменте, на наш взгляд, сконцентрирован метод С. М. Эйзенштейна. Он режиссер монтажа не только в своих фильмах, но и в собственных текстах. И он — Эйзенштейн — за обильным цитированием и жонглированием фрагментов, цитат, переключением на другие темы, введением истории в историю и т. п. остается художником и сотворцом своим любимым героям, в данном случае — Родену и Рильке.

Выше мы подытоживали, что «Роден и Рильке» — работа с просветлением и успокоением, но так же, как существует позитив, есть и негатив. Множество в этом исследовании горечи, разочарования, мотивов и тем пустоты, что никак не может отменить величия, мудрости и дара предвидения его гениального автора.

Культурный код исследования — изучение психологии творчества, его тайн и лабиринтов. Но есть еще темы и лейтмотивы архетипические в этой работе. Согласимся с В. Подорогой, который в фундаментальном труде «Второй экран. Прототело. Фрагменты визуальной антропологии» замечает:

«Поздний Э. старается достаточно систематически осмыслить отношения между органическим и патетическим, ростом и развитием, пытаюсь по-своему разрешить основную оппозицию его бурной и трагической эпохи, *оппозицию природы и истории*: он распространяет законы пафоса (патетической формы) на органические явления и объекты, а то, что он называет законами развития, — на законы роста» [4, с. 338–339].

В исследовании «Роден и Рильке», примыкающем по времени и проблематике к «Неравнодушной природе» и «Пафосу» (поздним исследованиям Э.), парадигма оппозиции — связей природы и истории не просто ярко выражена, она занимает одну из центральных конфигураций. Фигуры Родена и Рильке не элемент исследовательского декора, а часть равно как истории, так и природы. Природы — в широком понимании смыслов и, несомненно, природы творчества, искусства, взаимопроникновения вглубь мировой культуры и цивилизации. Парадоксальность Эйзенштейна — в переплетении свойств материалиста и романтика, режиссера монтажа и исследователя, ученого. Во многом шифр его метода кроется в этом затейливом сплаве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Третий смысл. Исследовательские заметки о нескольких фотограммах С. М. Эйзенштейна // Разлогов К. Э. Структура фильма. М.: Радуга, 1984. С. 176.
2. Иванов Вяч. Вс. Эстетика Эйзенштейна. М.: Академический проект, 2019. 565 с.
3. Клейман Н. И. Комментарии // Эйзенштейн С. М. Неравнодушная природа: в 2 т. / сост., авт. предисл. и коммент. Н. И. Клейман. М.: Эйзенштейн-центр, 2006. Т. 2: О строении вещей. С. 601.
4. Подорога В. А. Второй экран. Сергей Эйзенштейн и кинематограф насилия. Т. 2: Прототело. Фрагменты визуальной антропологии. М.: BREUS, 2020. С. 338–339.
5. Эйзенштейн С. М. Неравнодушная природа // Эйзенштейн С. М. Неравнодушная природа: в 2 т. / сост., авт. предисл. и коммент. Н. И. Клейман. М.: Эйзенштейн-центр, 2006. Т. 2: О строении вещей. С. 310.
6. Эйзенштейн С. М. Роден и Рильке // Эйзенштейн С. М. Неравнодушная природа: в 2 т. / сост., авт. предисл. и коммент. Н. И. Клейман. М.: Эйзенштейн-центр, 2006. Т. 2: О строении вещей. 624 с.
7. Эйзенштейн С. М. Мемуары: в 2 т. Т. 1 / сост., авт. предисл. и коммент. Н. И. Клейман. М.: Редакция газеты «Труд»; Музей кино, 1997. 432 с.

REFERENCES

1. Barthes, R. Tretij smysl. Issledovatel'skie zametki o neskol'kikh fotogrammakh S. M. Ejzenshtejna [The Third Meaning. Research Notes on Several Photograms by

S. M. Eisenstein]. In: Razlogov, K. E. *Stroenie fil'ma* [The Structure of a Film]. Moskow, Raduga Publ. 176 p. (in Russian).

2. Ivanov, Vyach. Vs. *Estetika Ejzenshtejna* [Aesthetics of Eisenstein]. Moskow, Akademicheskii proekt Publ. 565 p. (in Russian).

3. Kleiman, N. I. *Kommentarii* [Comments]. In: Ejzenshtejn, S. M. *Neravnodushnaya priroda: v 2 tomach* [Indifferent Nature: in 2 vols.]. Moskow, Eisenstein Center Publ., vol. 2: O stroenii veshchej. p. 601 (in Russian).

4. Podoroga, V. A. *Vtoroj ekran. Sergej Ejzenshtejn i kinematograf nasiliya. T. 2: Protothelo. Fragmenty vizual'noj antropologii* [The Second Screen. Sergei Eisenstein and the Cinema of Violence. Vol. 2: Protobody. Fragments of Visual Anthropology]. Moskow, BREUS Publ., pp. 338–339 (in Russian).

5. Eisenstein, S. M. *Neravnodushnaya priroda* [Indifferent Nature]. In: *Neravnodushnaya priroda: v 2 tomach*. Moskow, Eisenstein Center Publ., vol. 2: O stroenii veshchej, p. 310 (in Russian).

6. Eisenstein, S. M. *Roden i Ril'ke* [Rodin and Rilke]. In: *Neravnodushnaya priroda: v 2 tomach*. Moskow, Eisenstein Center Publ., vol. 2: O stroenii veshchej, 624 p. (in Russian).

7. Eisenstein, S. M. *Memuary: v 2 tomach. Tom 1* [Memoirs: in 2 vols. Vol. 1]. Moskow, Redaktsiya gazety "Trud"; Muzei kino Publ. 432 p. (in Russian).

УДК 130.2

*Лю Сюаньцзы**

АКТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ: РОССИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЕ ПОДХОДЫ

Статья посвящена сравнительному анализу современных культурных ценностных ориентаций Китая и России и их влияния на реконструкцию национальных образовательных целей. Рассматриваются трансформации культурных систем двух стран в условиях глобализации и технологических изменений, а также роль государственных ценностных стратегий в формировании приоритетов образования. Показано, что и китайская, и российская модели ориентированы на укрепление национальной идентичности, духовно-нравственное воспитание и интеграцию ценностей в образовательный процесс, однако различаются философскими основаниями, механизмами реализации и степенью открытости внешнему миру. Сравнительный анализ выявляет общие тенденции перехода от утилитарной подготовки кадров к воспитанию социально ответственной личности и подчеркивает значение образования как инструмента культурной политики и национального развития.

Ключевые слова: культурные ценностные ориентации, реконструкция образовательных целей, образование в Китае, образование в России, сравнительное образование, социалистические основные ценности, патриотическое воспитание.

Liu Xuanzi

*CURRENT VALUE ORIENTATIONS OF MODERN CULTURE AND THEIR INFLUENCE
ON EDUCATIONAL GOALS: RUSSIAN AND CHINESE APPROACHES*

This article presents a comparative analysis of contemporary cultural value orientations in China and Russia and their impact on the reconstruction of national educational goals.

* Лю Сюаньцзы — аспирант кафедры философии; 693039079@qq.com; marf_05@mail.ru; Забайкальский государственный университет, Российская Федерация, 672039, Чита, ул. Александрово-заводская, д. 30.

Liu Xuanzi — postgraduate student of the Department of Philosophy; 693039079@qq.com; marf_05@mail.ru; Transbaikal State University, Aleksandro-Zavodskaya St., 30., Chita, 672039, Russian Federation.

It examines the transformation of cultural systems in both countries in the context of globalization and technological change, as well as the role of state value strategies in shaping educational priorities. The study shows that both Chinese and Russian models emphasize national identity, moral education, and the integration of values into the educational process, while differing in philosophical foundations, implementation mechanisms, and degrees of openness to the outside world. The comparative perspective reveals a shared shift from utilitarian training toward the development of socially responsible individuals and highlights education as a key instrument of cultural policy and national development.

Keywords: cultural value orientations, reconstruction of educational goals, education in China, education in Russia, comparative education, socialist core values, patriotic education.

С начала XXI в. технологическая революция и процессы глобализации изменяют облик человеческого общества с беспрецедентной скоростью и размахом. Сфера культуры, являющаяся его духовным ядром, переживает глубокие трансформации, конфликты и интеграцию ценностных ориентаций. Эти изменения неизбежно проецируются на образовательную сферу, поскольку образование, по своей сути, представляет ключевой механизм передачи и обновления культурного наследия. Традиционные образовательные цели ставятся под вопрос, так как на первое место встают вопросы о воспитании будущих граждан, способных одновременно адаптироваться к глобальной конкуренции и сохранять национальную идентичность, что становится важной задачей для стран всего мира.

Китай и Россия предоставили нам два очень показательных исследовательских примера. Обе страны обладают богатым и уникальным историко-культурным наследием, прошли через практику социализма в XX в. и на рубеже столетий вступили на путь трансформации в сторону рыночной экономики и глобальной системы. В XXI в., двигаясь по пути возрождения национальной мощи, они уделяют повышенное внимание стратегической роли культурных ценностей и образовательной системе. Однако, исходя из различных исторических контекстов и практических потребностей, они сформировали политические подходы, сочетающие как общие черты, так и различия. Сравнительный анализ китайского и российского подходов не только углубляет наше понимание образовательного развития двух стран, но и раскрывает сложные динамические взаимосвязи между культурными ценностями и образовательными целями, внося восточную перспективу в глобальное управление образованием. Исследование представлено в контексте работ китайских ученых, мнение которых может быть спорным для российской научной мысли.

Реконструкция культурных ценностных ориентаций и образовательных целей в современном Китае

В контексте современного китайского общества классификация типов культуры основывается на базовых национальных особенностях и специфике этапа социального развития. Согласно академическим подходам, ее можно разделить на пять типов: традиционная, доминирующая, элитарная, массовая (популярная) и народная культура [7, с. 8]. Цзинь Миньцин, исследователь современной культуры, более 20 лет тому назад представил типологию китайской культуры, которая стала для академической общественности основанием

для ее последующего изучения. Традиционная культура, как доминирующая и определяющая сущность китайской культуры, представлена Цзинь Миньцинем через классические тексты, художественный стиль, верования и обычаи, сохраненные в процессе исторических изменений и унаследованные поколениями. Она отражает уникальные характеристики нации и государства, служа фундаментом и источником для развития и творчества других современных культурных форм. Она не только занимает незаменимое место в современной культурной системе, но и глубоко проникает во все другие сферы жизни общества. В отличие от традиционной, доминирующая культура относится к культурной форме, сконструированной под руководством государственной идеологии, к типу культуры, возглавляемой социальными слоями, которые соответствуют государственной идеологии, обладают определенными политико-экономическими правами и влияют на тенденции развития страны и общества. Особый класс представляет в Китае элитарная культура, которая контролируется слоем высокоинтеллектуальной элиты. Задачей интеллигенции становится гуманитарная забота о судьбе нации и народа, поэтому они имеют независимые взгляды на реальную политику, экономику и культуру, обладают высоким уровнем дискурсивной власти в обществе. Она неразрывно связана с наукой, поэтому через публикации ученые выражают свои взгляды и понимание социально-политических вопросов, формируя представление о политической демократии, свободе и равенстве, о правах и обязанностях. Это позволяет им, в некоторой степени, влиять на политические решения государства и общества. В определенной исторической связке с традиционной культурой находится народная. Она представляет тот культурный пласт, который, сохранившись с древних времен, обладает определенным статусом и влиянием в обществе. Несмотря на модернизацию политической системы, традиционные экономические модели производства все еще широко распространены в ряде периферийных регионов Китая и среди низших слоев общества. Например, в некоторых удаленных сельских районах центрального и западного Китая сохраняется досоветское состояние, где современные СМИ еще не оказали фундаментального воздействия на их культурную экосистему, а традиционные местные обычаи и фольклорные традиции продолжают играть значительную роль. Это позволяет народной культуре сохранять свою собственную ценность в современной китайской культурной системе. Особое отношение оформляется к массовой культуре. Она представляет собой ту культурную форму, которая включает материальные объекты и виды деятельности, создаваемые, потребляемые и поддерживаемые обычными людьми, являясь неотъемлемым элементом современного рыночного общества.

Если традиционная культура представляет собой культурную форму, сформировавшуюся в процессе исторического развития, служащую источником для других культурных форм, то народная культура в настоящее время сохраняет свое влияние, лишь в некоторых отдаленных регионах.

В условиях современного стремительного развития рыночной экономики и промышленных технологий массовая (популярная) культура стала основной культурной формой, поэтому ее развитию в Китае уделяется все больше внимания. Как пишет Фэн Цзяньцзюнь, с конца 1970-х гг. реформы и открытость

Китай неуклонно продвигались вперед и постоянно способствовали быстрому социально-экономическому развитию, что заложило прочную материальную основу для широкого распространения популярной культуры [6, с. 7]. С развитием науки и техники и реформированием культурной системы содержание и формы ее выражения значительно обогатились, поэтому она приобрела глубокий оттенок под влиянием традиционной культуры и новаторских идей. Это сформировало популярную культуру важной частью повседневной жизни людей.

Подъем и развитие массовой культуры в Китае положили конец культурной монополии, сформированной элитными группами, и вызвали волну культурного освобождения, в результате чего культура перестала быть достоянием немногих людей. Но при таком культурном раскрепощении ее развитие проигнорировало повышение духовного уровня из-за влияния ценностных ориентаций, формирующихся коммерческими интересами, вследствие чего выявились социальные проблемы. Так, например, Цинь Юй отмечает, что на уровне личностных интересов сформировался концепт «деньги превыше всего, удовольствие превыше всего и индивидуализм превыше всего» [8, с. 209], что серьезно повлияло на практику и поведение людей.

В рамках решения данной проблемы на XVIII съезде Коммунистической Партии Китая были предложены основные социалистические ценности, являющиеся важной составляющей частью культуры социализма с китайской спецификой [9, B01]. Они могут быть представлены на следующих уровнях: на национальном (процветание, демократия, цивилизованность, гармония); социальном (свобода, равенство, справедливость, верховенство закона); индивидуальном (патриотизм, профессионализм, честность, доброжелательность). Таким образом, они отражают традиционные добродетели китайской нации и дух современной эпохи, представляя собой ценностные ориентиры, разделяемые обществом. На уровне идеологических ориентиров они объединяют не только общие идеалы народа, направляют осуществление китайской мечты о великом возрождении нации, но и указывают направление для строительства массовой культуры.

В данном контексте реконструкция образовательных целей становится ключевым звеном процесса модернизации образования в Китае, знаменующим глубокий возврат к фундаментальному вопросу: «кого воспитывать, как воспитывать и для кого воспитывать». Это определяют новые принципы образования: формирование высокоразвитой моральной личности; изменение целевых установок от индивидуального успеха к национальной ответственности. Поэтому, пишет Ли Янь, в новых условиях произошла трансформация исторически сложившегося принципа «воспитание талантов» к «воспитанию добропорядочности и формированию личности». Если в прошлой системе образовательные цели неявно акцентировались на подготовке «полезных строителей общества», а основными критериями оценки были академическая успеваемость и профессиональные навыки, то в новой ситуации на первом месте стоит принцип добродетели, раскрывающий смысл основных ценностей социализма. Это означает, что даже если у студента отличные оценки, а его ценности искажены и у него отсутствует чувство социальной ответственности

сти, то он не может рассматриваться как успешный образовательный продукт. Таким образом, первое, что должно сформировать образование, это людей с высокой моралью, развитую личность, а потом — таланты [3, с. 32–33]. Если направленность на формирование личного успеха служила личному профессиональному развитию и экономическому статусу, то в новом измерении образовательным целям придается выраженная коллективистская и государственная ориентация, которая направлена на формирование национальной и социальной ответственности. Это выражено в принципе сочетания личного успеха с «Китайской мечтой» о процветании страны и возрождении нации.

Большая роль в системе современного образования Китая отводится нравственному воспитанию как преемнику исторического наследия. Поэтому все дисциплины образовательного процесса ориентированы на систематическое формирование у студентов мировоззрения, взглядов на жизнь и ценностей через изучение и принятие патриотизма ученых; логическую строгость и честность в математике; истину, добро и красоту литературных героев. Цинь Юй по этому поводу пишет, что переход от инструментальности к ценностной ориентации достигается благодаря наполнению знаний ценностным смыслом [4, с. 209]. В этой связи приобретение научных знаний и технологий направлено на достижение процветания и инноваций; исторические и правовые знания необходимы для понимания верховенства закона и справедливости, формирования патриотического духа. Изучение гуманитарных и социальных наук способствует укреплению цивилизованности, гармонии и доброжелательности.

Таким образом, по замечанию Фэн Цзяньцзюнь, на смену принципа «всестороннее развитие» талантов в новую эпоху приходит принцип «всестороннее развитие нравственности, интеллекта, тела, красоты и труда» [6, с. 8]. Эти пять уровней соответствуют основным добродетелям и ценностям, отражающим общественную мораль: патриотизм, преданность делу, честность и дружелюбие. Поэтому мудрость обеспечивает стремление к истине, смелости, к инновациям, поддерживая «процветание и силу» [6, с. 11]. А здоровое тело — это основа преданности своей стране, отражение красоты жизни. Красота, в свою очередь, развивая чувства, направляет стремление к гармонии.

Данная реформа пресекает тенденцию к чрезмерному утилитарному и ориентированному на тесты образованию, обеспечивает четкий ценностный курс на развитие образования, способствуя укреплению национальной идентичности, повышению статуса нравственного воспитания.

Конечно, при данной перестройке образования возникают свои проблемы, которые становятся для китайских ученых основанием для размышлений. Как показал процесс реконструкции, такие проблемы, как формализация и догматизация, баланс между личностным развитием и национальными потребностями, формирование системы оценки, становятся «стопором» при переходе от подготовки «людей-инструментов» к формированию «новичков эпохи, ответственных за великую задачу национального возрождения» [8, с. 209]. Эта реконструкция имеет большое стратегическое значение и позитивный практический эффект, но она зависит от ее интегрирования в образовательную практику, от реализации баланса между коллективом и личностью, страной и миром. Сегодня этот проект уже находится в стадии реализации,

поддерживается академическими кругами Китая, которые не только изучают, но и совершенствуют его.

Реконструкция культурных ценностных ориентаций и образовательных целей в современной России

Для китайской системы образования российский опыт — это историческое достояние, поэтому ученые анализируют не только те изменения в образовании, которые произошли в России под влиянием политических и идеологических факторов в 90-х гг. XX в., но и современную стратегию, ориентированную на новый политический облик страны.

Китайские ученые единодушно признают, что современные российские культурные ценностные ориентации представляют сложную картину поиска стабильности между традициями, историей, интересами государства, подчеркивающими их отличие от Запада. Они отмечают, что система образования России ориентирована на традиционные ценности и духовную этику, подчеркивая, что конкретным проявлением этого является то, что Президент В. Путин подписал указ о четкой защите 17 традиционных ценностей [2, с. 5]. Поэтому закон «О защите традиционных духовных и нравственных ценностей», подписанный в 2022 г., устанавливает их в качестве краеугольного камня национальной безопасности и культурного суверенитета и требует, чтобы система образования служила их защите и наследованию [1, с. 21].

Признание культурного суверенитета и уникальности российской цивилизации подчеркивает культурное разнообразие, выступает против культурной гегемонии, за сопротивление западной культуре в целях защиты культурной уникальности и культурного суверенитета. Конкретным проявлением этого является разработка национальной культурной стратегии. В. Путин раскритиковал чрезмерную политизацию культурной сферы и игнорирование традиционных культурных ценностей [3, с. 34].

Ориентация на историческую память и патриотизм предполагает как защиту подлинной истории, так и сохранение ее наследования, что формирует чувство ответственности за судьбу страны в контексте исторической преемственности и признания величия российской истории — от царской России до Советского Союза и современной России. Поэтому специфическим проявлением этого является то, что патриотическое воспитание возводится на уровень национальной стратегии, а его план интегрируется в учебную программу [4, с. 81]. Это способствует усилению центральной роли исторического образования в формировании национальной идентичности. Таким образом, видим, что для российской системы образования характерен акцент на историческую память.

Исторически Россия сформировалась как многонациональная культура и цивилизация, поэтому уникальность ее ценностей отличается от западных. А следовательно, пишут Ся Ляоюань и Цюй Техуа, она должна противостоять внешней культурной эрозии и сохранить свою собственную культурную независимость [5, с. 65]. И здесь российское образование делает акцент на русском языке, литературе, искусстве с сохранением и с развитием этнических языков и культур.

Через систему образования Россия содействует международному распространению российской культуры, формированию ее имиджа как защитника традиционных ценностей и культуры, как инструмента диалога, выходящего за рамки политики.

Данную стратегию, по мнению Ся Ляюань и Цюй Техуа, направленную на культурную и ценностную ориентацию современной России, можно объяснить исходя из следующих позиций: зависимости от исторического пути, реалистичного (рационального) выбора пути для решения внутренних и внешних проблем, поддержки политической власти [5, с. 66]. История России основана на глубоких православных традициях, на коллективизме, зародившемся в сельских общинах, поэтому ее культурным генам присущи потребности в сильной стране, коллективном превосходстве и моральной чистоте. Утверждение традиционных ценностей способствует освобождению России от возникшего ценностного вакуума и проблем с самоидентификацией после распада Советского Союза, помогает достичь общественного согласия и стабилизировать режим. Возвращение к традиционным ценностям является не только средством защиты, но и наступательным инструментом для формирования коллективной идентичности, демократии, отличной от западной.

Культурная ценностная ориентация России не существует изолированно — она является частью волны размышлений о западной культурной гегемонии в глобальном масштабе. Поэтому Россия, с одной стороны, играет роль хранителя традиционной цивилизации, а с другой — продвигает идею культурной многополярности, выступая за уважение уникальности различных культур и цивилизаций, за укрепление незападных культурных связей с помощью многосторонних или двусторонних платформ культурного обмена, таких как, например, Китайско-российский культурный форум.

Хотя культурная стратегия сама по себе имеет геополитические аспекты, Россия всегда подчеркивает, что культура должна выходить за рамки политики, преодолевать политические разногласия и объединять сердца людей. И этому должен способствовать принцип деполитизации культуры.

При всех положительных моментах в стратегии ориентации на культурные ценности Россия, так же как и Китай, сталкивается на практике с некоторыми трудностями и разногласиями. Главная проблема, на которую обращают внимание китайские исследователи, это понимание того, насколько доминирующие ценности, активно продвигаемые государством, действительно усвоены и признаны гражданским обществом, так как это может привести к поверхностному подчинению и отчуждению [4, с. 82]. Чрезмерный акцент на традициях и консерватизме может в определенной степени препятствовать критическому мышлению общества, самовыражению личности и свободе художественного творчества, а тесная связь с геополитикой может препятствовать их привлекательности.

Тем не менее, суть культурной ценностной ориентации, доминирующей в современной России, можно резюмировать следующим образом: традиционные ценности являются духовным ядром, культурный суверенитет — политической привлекательностью, историческая память и патриотизм — средствами сплочения, многонациональное единство — внутренней основой,

а международный культурный диалог — внешним продолжением стратегии национальной стабильности, национальной идентичности и восстановления статуса великой державы. Эта система ценностей является результатом реакции России на сложные вызовы внутри страны и за рубежом. Она не только коренится в ее исторических и культурных традициях, но и глубоко отражает изменения в современном международном ландшафте и усилия России по поиску независимого положения в нем.

Российская система культурных ценностей претерпела глубокую реконструкцию и ренационализацию в образовательном процессе. Сегодня цели образования четко определены как: служение национальной стратегии, защита культурного суверенитета и исторических нарративов, воспитание поколения патриотически настроенных граждан, преданных Родине и придерживающихся традиционных ценностей [2, с. 8].

Данные позиции в системе российского образования определяют необходимость реконструкции его фундаментальных задач: от «личностного развития» к «воспитанию патриотов своей страны». В первые дни распада Советского Союза образовательная цель была направлена на воспитание «граждан мира», обладающих критическим мышлением и адаптирующихся к рыночной экономике. Фундаментальная задача современного образования четко определена как «воспитание гармоничных, высоконравственных граждан, любящих труд и Родину, бережно относящихся к духу, истории и культурным традициям русского народа». Личный успех здесь тесно связан с судьбой страны [8, с. 209].

В системе образования должен превалировать абсолютный приоритет целей духовно-нравственного воспитания. Оно больше не является вассалом интеллектуального образования, а становится основной целью и высшим приоритетом образования. Ориентация идет на традиционные ценности, конкретное содержание которых включает в себя: жизнь и самопожертвование, достоинство и честь, гуманность и служение, созидание и миссию, историческую память. Акцент на историческую память в России заменил прежнее содержание нравственного воспитания, ориентированного на общечеловеческие ценности [4, с. 81]. Неслучайно, что с новой стратегией в системе образования вводятся «Разговоры о важном» в школе и «Основы российской государственности» в высших учебных заведениях как каналы формирования ценностных ориентиров. А ориентация на формирование выдающихся студентов включает не только академические успехи, но и любовь к Родине, уважение к традициям и преданность коллективу. Личные таланты и креативность поощряются, но направление их развития должно соответствовать национальным интересам и социальным потребностям.

Так же, как и в Китае, такого рода реконструкция системы образования, в основе которой лежат государственные культурные ценности, сталкивается на практике со многими трудностями и разногласиями. Противоречия между идеологией и образовательной автономией могут препятствовать развитию навыков критического и независимого мышления [1, с. 22]; между формализмом и эффективностью [6, с. 12]; между глобальной информационной сетью и культурным суверенитетом; между унифицированными учебниками по истории России и сложным историческим процессом [4, с. 82].

К этой трансформации как к концентрированному воплощению всеобъемлющей национальной стратегии Россия подходит, преодолевая кризис идентичности после распада Советского Союза, геополитического давления Запада в области образования. Эта стратегия эффективно укрепит национальную идентичность и социальную сплоченность, но в то же время вновь возложит на образование тяжелую идеологическую миссию. Его долгосрочный эффект, особенно его потенциал в воспитании инновационных талантов, еще предстоит увидеть.

Сравнительный анализ китайско-российских подходов к ценностям

Китай и Россия — крупные страны с глубокими историческими традициями и уникальными путями развития, и их культурная ценностная ориентация оказала глубокое влияние на перестройку целей образования. У них есть как общие черты, основанные на схожей логике управления страной, так и существенные различия, вытекающие из истории, культуры и геополитики.

К основным общим чертам мы относим ориентацию на культурные ценности. Они, как в Китае, так и в России, основаны на интеграции и преемственности в национальной стратегии, которая определяет реконструкцию системы образования в Китае и России. Китай ориентируется на основные ценности социализма, а Россия — на традиционные ценности и на патриотизм. Обе страны энергично продвигают изменение культурной ценностной ориентации и перестройку образовательных целей, рассматривают это как стратегический проект обеспечения национальной безопасности и будущего развития. Рефакторинг, будучи фундаментальной задачей, трансформируя содержание, сохраняет для Китая стремление к добродетели, которая раскрывается через «возвращение» строителей социализма и его преемников. А Россия, продолжая уделять особое внимание духовно-нравственному воспитанию, ориентирует его на формирование патриотов. Поэтому общая логика двух стран заключается в переходе от «воспитания талантов» к «воспитанию людей». Следовательно, заключает Го Лили, основной целью образования является формирование ценностей и идентичности, которые отвечают потребностям стран, а не передача знаний и навыков [1, с. 21].

Аналогичная ситуация и с историей стран. Ученые Китая изучают и исследуют традиционную, социалистическую и современную культуру. Россия уделяет особое внимание защите исторической памяти и выстраивает непрерывное славное историческое повествование от Царской России, Советского Союза до современной России. Укрепление исторических основ, как для Китая, так и для России, является основанием для формирования национальной идентичности.

Идея национальной идентичности взаимообусловлена статусом национального самосознания, которое для Китая является основным требованием, сочетающим личностное развитие с «китайской мечтой» и национальным возрождением. Российский патриотизм пропагандируется как одна из высших добродетелей национальной идеологии и гражданственности. Поэтому для воспитания лояльных и преданных своей стране граждан образование рассматривается как важный инструмент поддержания национальной безопасности и стабильности.

Как Китай, так и Россия испытывают на себе воздействие западных ценностей как следствие глобализационного фактора. За годы реформ и открытости Китай, реагируя на культурный шок, вызванный глобализацией, укрепляет культурную уверенность в себе и продолжает сопротивляться проникновению западных ценностей. Россия ответила на геополитическое давление Запада и угрозу цветной революции защитой культурного суверенитета и уникальностью своей цивилизации. Поэтому реконструкция системы образования в этих странах — это ответ на предполагаемую культурную гегемонию и угрозу безопасности извне, так как она направлена на достижение внутреннего консенсуса и демонстрацию уникальности против внешних воздействий.

Несмотря на схожесть целей, отношений к культурному наследию и историческому опыту, реальные национальные условия Китая и России различаются, что приводит к глубоким различиям в ценностных ориентациях и в специфическом уровне перестройки образования.

Прежде всего, это — философские основы систем ценностей. Китайская система социалистических ценностей более современна и всеобъемлюща, так как она пытается интегрировать достижения марксизма, традиционной китайской культуры и человеческой цивилизации, демонстрируя своего рода диверсифицированную интеграцию. Она более систематична и конструктивна и делится на три уровня: национальный, социальный и индивидуальный, подчеркивая на каждом примат гармонии, порядка и коллективных интересов, интеграцию отдельных людей в коллектив.

Российские ценности больше ориентированы на возвращение традиций и религиозное возрождение. Православие определило в системе ценностей более сложный и трагический мессианский образ (спасение), подчеркивающий духовность и жертвенность. Поэтому ценности больше ориентированы на традиции, веру и защиту. Они противостоят более ярко и непосредственно западному либерализму, что свойственно для теории конфликта цивилизаций. Следовательно, суть различий заключается в том, что для Китая свойственна ориентация на гармоничное строительство, а для России — на духовную защиту. Китайские ценности делают упор на достижение гармонии в развитии, российские ценности — на защиту развития традиционного духа.

Обращение к системе ценностей в процессе образования обусловлено конструированием национальной идентичности. Китай выстраивает ориентацию на идентичность, опираясь на плюрализм и интеграцию китайской нации под руководством Коммунистической партии Китая. Поэтому основой национальной идентичности является сочетание культурной общности и политического лидерства. Россия выстраивает свою идентичность, опираясь на концепт «Русского мира» и на статус могущественной страны, поэтому основой идентичности являются общий язык, православная вера и историческая слава великой державы. Следовательно, суть различий отражена в том, что китайская идентичность более политически организованная (политическая партия-нация), а российская более эмоциональна в культурном и историческом плане (мощная культурная страна) [8, с. 210].

Наблюдается отличие и в отношении к истории стран. Китай подчеркивает преемственность в развитии цивилизации, которая никогда не прерывалась

на протяжении 5000 лет, а его современное возрождение достигнуто благодаря руководству Коммунистической партии Китая. Россия делает акцент на славе, доблести и боли в событиях истории, как, например, в период Великой Отечественной войны. Нет грандиозного повествования, которое объединяло бы российскую доблесть на протяжении истории России. Поэтому суть различий кроется, с одной стороны, в принципе «продолжение и возрождение», а с другой — в «славе и защите». Китайский нарратив — это линейное восходящее возрождение; российский нарратив — это защита исторической славы и восстановление своего статуса.

Различие в трактовке ценностных ориентаций определяет и отличие в реконструкции образования. Реформа в Китае носит систематический характер. Она продвигается слой за слоем посредством разработки на высшем уровне национальной системы учебных программ, подготовки учебных материалов и повышения квалификации преподавателей. Благодаря единству научного мышления и политики ценности интегрируются во все дисциплины и образовательные процессы. Как отмечают китайские ученые [2; 1], этот метод является относительно универсальным и гибким. В России через образовательные программы, например, «Разговоры о важном», напрямую выражается официальная позиция. Если Китай выстраивает свою образовательную политику через «мягкую силу» — незаметно и систематически, то Россия — более прямолинейна.

Аналогичная ситуация прослеживается и в контексте международного образования. Китай через систему международного образования предлагает объединение человеческих судеб, придерживаясь при этом своих собственных ценностей, сохраняя открытость и выступая за реформу глобального управления. Поэтому в сфере образования особое внимание уделяется использованию выдающихся достижений человеческой цивилизации. Россия, ориентируясь на концепцию многополярности, не пережив еще фактор зависимости от Запада, но позиционируя себя как уникальную цивилизацию, ориентируется на укрепление культурного суверенитета в сфере образования, сопротивляясь внешнему влиянию. Отсюда и основные различия: Китай выстраивает свою стратегию через реализацию принципа «уверенность в себе при открытости» [9, В01]. А Россия — через принцип «уверенность в собственных силах при обороне». Китай пытается возглавить новый мировой порядок, Россия — построить «Русский мир», отличный от Западного [5, с. 66].

Таким образом, совместная реконструкция образовательных целей Китая и России отражает стратегический выбор незападных держав в глобальном контексте XXI века. Он заключается в преобразовании системы образования для укрепления национальной идентичности; через поддержку культурной безопасности противодействовать культурной гегемонии Запада. Это позволит воспитывать следующее поколение, отвечающее современным требованиям, стратегическим потребностям стран. Это своего рода возвращение к ценностной рациональности, а также — коррекция чрезмерного утилитаризма и инструментализации образования в новую эпоху.

Когда Китай и Россия ответили на вызовы современных культурных ценностей и перестроили свои образовательные цели, они выбрали путь, в котором

особое внимание уделялось государственному доминированию, национальным традициям и коллективизму. Это не только продолжение исторических традиций двух стран, но и реалистичный ответ на нынешнюю международную ситуацию и потребности внутреннего развития.

Путь Китая отражает интегрированную мудрость, которая стремится к балансу между традициями и современностью, автономией и открытостью. Он пытается объединить марксизм, превосходную китайскую традиционную культуру и требования современности, чтобы построить систему образования, которая обладала бы как китайскими особенностями, так и диалогом с миром.

Российский путь отражает скорее оборонительную позицию, основанную на глубоких православных традициях и исторической памяти. Его образовательная реконструкция имеет более сильный оттенок геополитического противостояния, крепости менталитета и цивилизации, направленной на то, чтобы набраться сил и восстановить свой статус независимого центра цивилизации и мировой державы.

Таким образом, примеры Китая и России показывают, что образование никогда не было изолированным островком. Оно всегда было самым пронизательным наблюдателем и наиболее эффективным исполнителем национальной стратегии развития и культурной ценностной ориентации. Перестройка образовательных целей — это ни в коем случае не простая корректировка учебной программы, а глубокая культурная и политическая практика. Ее успех заключается не только в реализации национальной политики, но и в том, смогут ли эти ценности, действительно, завоевать внутреннее признание молодого поколения. Поэтому неслучайно, что в условиях соперничества великих держав в XXI в. целью образования стала тихая война, направленная на борьбу за душу будущего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. 郭莉莉, 以社会主义核心价值观引领新时代文化建设 [J], 思想政治工作研究, 2022, 1 (20–22) [Го Лили. Ведущая роль основных социалистических ценностей в культурном строительстве новой эпохи // Исследования идеологической и политической работы. 2022. № 1. С. 20–22].

2. 雷蕾;叶·弗·布蕾兹卡琳娜. 公民教育与德育研究: 普京时代俄罗斯核心价值观建构及价值观教育[J], 《比较教育研究》 (Comparative Education Review, 2019年03期 v. 41; no. 350, pp. 3–9页) [Лей Лэй, Брызкаркина Е. Исследования в области гражданского и нравственного воспитания: Формирование российских базовых ценностей и ценностное образование в эпоху Путина // «Comparative Education Review». 2019. Вып. 3. Т. 41. № 350. С. 3–9].

3. 李艳. 论习近平新时代立德树人重要论述的内在要义[J], 东北师大学报(哲学社会科学版), 2020 (05): 30–36 [Ли Янь. О внутренней сущности важных положений Си Цзиньпина о воспитании добропорядочности и формировании личности в новую эпоху // Вестник Северо-Восточного педагогического университета (философские и общественные науки). 2020. № 05. С. 30–36].

4. 宋官东, 陈震, 耿海天. 俄罗斯的个性化教育改革初探[J], Journal of Northeastern University. Social Science. 2017, Vol. 19. Issue (1), 79–84. DOI: 10.15936/j.

cnki.1008-3758.2017.01.013 [Сун Гуандун, Чэнь Чжэнь, Гэн Хайтянь. Предварительное исследование реформы персонализированного образования в России // Journal of Northeastern University. Social Science. 2017. Т. 19. Вып. 1. С. 79–84]. DOI: 10.15936/j.cnki.1008-3758.2017.01.013].

5. 夏辽源, 曲铁华. 新世纪俄罗斯教师教育现代化面临的机遇、挑战及发展策略 [J], 现代教育管理 · 2018年第7期: 62–67 [Ся Ляоюань, Цюй Техуа. Возможности, вызовы и стратегии развития, связанные с модернизацией российского педагогического образования в новом веке // Современный образовательный менеджмент, 2018. Вып. 7. С. 62–67].

6. 冯建军. 论新时代中国特色社会主义教育理论体系 [J], 清华大学教育研究, 2021, 42 (05): 1–14. [Фэн Цзяньцзюнь. О теоретической системе образования социализма с китайской спецификой новой эпохи // Исследования образования Университета Цинхуа. 2021. № 42 (05). С. 1–14].

7. 金民卿. 大众文化论: 当代中国大众文化分析 [M]. 中共中央党校出版社, 2002: 191 [Цзинь Миньцин. Теория массовой культуры: анализ современной китайской массовой культуры. Пекин: Изд-во партийной школы Центрального комитета Коммунистической партии Китая, 2002. 191 с.].

8. 秦玉. 高校立德树人的路径探悉 — 基于新媒体时代大学生价值观嬗变与重构的研究 [J], 哈尔滨师范大学社会科学学报, 2013, 4 (05): 207–210 [Цинь Юй. Исследование путей воспитания добропорядочности и формирования личности в вузах: на основе изучения трансформации и реконструкции ценностных ориентаций студентов в эпоху новых медиа // Вестник общественных наук Харбинского педагогического университета. 2013. № 4 (05). С. 207–210].

9. 姚晨菡. 以社会主义核心价值观引领大众文化建设 [J], 西安科技大学马克思主义学院, 贵州民族报. 2024, 12 (24) — B01 [Яо Чэньхань. Ведущая роль основных социалистических ценностей в строительстве массовой культуры // Школа марксизма, Сианьский университет науки и технологий, «Гуйчжоуские национальности». 2024. № 12 (24) — B01].

REFERENCES

1. Guo Lili. Guiding Cultural Development in the New Era with the Core Socialist Values. In: *Ideological and Political Education Research*, no. 1, pp. 20–22.

2. Lei Lei, Brezgalina, Ye. Research on Civic Education and Moral Education: The Construction of Core Values and Values Education in Russia during the Putin Era. In: *Comparative Education Review*, vol. 41, no. 350, pp. 3–9.

3. Li Yan. On the Core Meaning of Xi Jinping's Important Discourse on Moral Education in the New Era. In: *Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, no. 05, pp. 30–36.

4. Song Guandong, Chen Zhen, and Geng Haitian. An Initial Exploration of Personalized Education Reform in Russia. In: *Journal of Northeastern University. Social Science*, vol. 19, issue (1), pp. 79–84.

5. Xia Lyaoyuan, Qu Tiehua. Opportunities, Challenges and Development Strategies for the Modernization of Teacher Education in Russia in the New Century. In: *Modern Educational Management*, no. 7, pp. 62–67.

6. Feng Jianjun. On the System of Educational Theory with Chinese Characteristics in the New Era. In: *Tsinghua University Journal of Education*, no. 42 (05), pp. 1–14.

7. Jin Mingqing. *On Popular Culture: An Analysis of Contemporary Chinese Popular Culture*, Central Party School Press.

8. Qin Yu. Exploring the Path to Moral Education in Higher Education Institutions A Study on the Transformation and Reconstruction of College Students' Values in the New Media Era. In: *Journal of Social Sciences, Harbin Normal University*, no. 4 (05), pp. 207–210.

9. Yao Chenhan. Guiding the Development of Popular Culture with Socialist Core Values. In: *School of Marxism, Xi'an University of Science and Technology; Guizhou Ethnicities Daily*, no. 12 (24), p. B01.

*В. Ю. Рябов**

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПАРАПРАВОСЛАВНЫХ ГРУПП НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В статье проводится анализ параправославного феномена, рассматриваемого через призму его влияния на Русскую Православную Церковь и общество в целом. Автор систематизирует параправославные образования и делит на три категории: 1) организации, основанные духовенством РПЦ; 2) общины, созданные мирянами; 3) сектоподобные группы. В работе детально исследуются ключевые проявления деструктивности, присущие каждой группе. На конкретных примерах (Российская греко-кафолическая православная церковь, община «бога Кузи», приход села Никольское) демонстрируются различные формы девиации от радикальных.

Ключевые слова: сектоподобные группы, секты, духовная безопасность, деструктивные практики, параправославные общины, религиозная маргинализация.

V. Yu. Ryabov

DESTRUCTIVE PRACTICES OF PARA-ORTHODOX GROUPS ON THE TERRITORY OF RUSSIA

The article provides an analysis of the para-Orthodox phenomenon, examined through the lens of its impact on the Russian Orthodox Church and society as a whole. The author systematizes para-Orthodox formations and divides them into three categories: 1. Organizations founded by clergy of the Russian Orthodox Church; 2. Congregations established by laypeople; 3. Sect-like groups. The study thoroughly examines the key manifestations of destructiveness inherent in each group. Using specific examples (the Russian Greek Catholic Orthodox Church, the “God Kuzya” community, and the parish of the village of Nikolskoye), the article demonstrates various forms of deviation — from moderate to extremely radical.

* Рябов Владислав Юрьевич — аспирант, ассистент кафедры Теологии, ассистент кафедры церковно-практических дисциплин ЯДС; ryabov_studyar@mail.ru; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, Республиканская улица, д. 108/1.

Vladislav Yurjevich Ryabov — postgraduate student, Assistant of the Department of Theology, Assistant of the Department of Church- Practical Disciplines at YSPU; ryabov_studyar@mail.ru; Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russian Federation, 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

Keywords: sect-like groups, sects, spiritual security, destructive practices, para-Orthodox communities, religious marginalization.

В последние десятилетия Русская Православная Церковь столкнулась с появлением большого количества различных параправославных общин, открыто или скрыто действующих на ее территории. Некоторые из них, «несмотря на свое нахождение в каноническом общении с Церковью, <...> представляют собой сектантские образования и к Каноническому Православию уже имеют мало отношения» [4, с. 34]. Их появление могут вызывать различные причины: недостаток религиозного просвещения, впадение в состояние прелести духовенства, активная деятельность психически нездоровых людей и др. Поверхностное знание мирянами православного вероучения приводит к восприятию народного мифотворчества, откровений псевдостарцев и протестантских харизматов, частью церковного учения. В результате возникают доступные мифологемы, которые хорошо усваиваются в православном обществе. Прихожане, разделившие параправославные идеи, редко создают собственный религиозный культ. Обычно они продолжают ходить в православные храмы, причащаться, исповедоваться, идентифицируя себя православными христианами.

Несколько другая ситуация обстоит с представителями духовенства. Священнослужитель по ряду причин начинает проповедовать отличное от церковного вероучение, формируя вокруг себя круг почитателей и прихожан, разделяющих его идеи. Источниками нового лжеучения могут быть собственные измышления священника, откровения псевдостарцев и христианских харизматов, пророчества сомнительных лиц, активно тиражирующиеся в христианской среде и др. В результате такая деятельность священника может привести общину к расколу с церковью и созданию еретического учения. Святейший патриарх в своем обращении к клиру и приходским советам отмечал:

«К сожалению, мы все чаще слышим о людях, зачастую и о малограмотных священнослужителях, которые запугивают паству и из необразованных в религиозном смысле прихожан создают общества, подобные сектантским, которые компрометируют Церковь. Не понимая благодатной силы Церковных Таинств, они постоянно хотят дополнить церковные богослужения чем-то своим. Если этим паствырам недостаточно Таинств Церкви, того покаяния, которое совершается в храмах, то, видимо, надо лишать их права быть священниками. Несведущие в учении Церкви и не знающие ни догматов, ни канонов церковных, они распространяют нелепые и ложные предсказания, тем самым сея панику среди верующего народа и среди тех, кто только пришел к вере после долгих десятилетий атеизма» [6].

Деструктивность параправославных общин может проявляться в разных формах: экстремистских воззваниях, призывах к ксенофобии в выпускаемой ими печати, прецедентах нанесения психического, физического, социального, духовного, экономического вреда здоровью человека. Русская Православная Церковь особо выделяет духовный вред, который наносится сектами или сектоподобными группами верующему человеку. Проповедь искаженного вероучения отделяет человека от евангельской истины — спасения человека. «Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. 18:7). Принятие ее означает отречение

человека от церковного единства со Христом и выход из лона Церкви. Нанесение вреда физическому здоровью человека может проявляться в разных формах: доведение до самоубийства, организованные голодовки, самосожжения, массовые убийства, использование нетрадиционной медицины и отказ от принятия квалифицированной медицинской помощи, издевательства и насилие в трудовых лагерях.

Сложно определить степень нанесения вреда психическому здоровью человека ввиду отсутствия исследований по выявлению психических заболеваний у адептов параправославных общин. Однако многие психотерапевты отмечают наличие психических заболеваний у пациентов, обратившихся после пребывания в сектах. «Статистические исследования различных религиозных групп со всей убедительностью показывают, что больше всего психических расстройств встречается среди приверженцев сект» [10, с. 867].

Следует отметить экономический вред, который наносится адептам деструктивных параправославных сект. Сложность его выявления состоит в том, что трудно различить добровольное пожертвование от замаскированного вымогательства под видом жертвования в пользу религиозной организации. Если члена «Церкви» устраивает ситуация с использованием его денежных средств или имущества общиной, то рассматривать этот прецедент как вымогательство мы не можем. Однако требование продажи личного имущества и передача всех денежных средств общине в обмен на членство в организации имеет деструктивную составляющую.

Параправославные общины также могут влиять на социальные связи человека в обществе: семью, друзей, коллег по работе, одноклассников и т. д. Вступление человека в такого рода религиозную группу может сопровождаться разрывом семейных и дружеских связей. Для адепта на первое место возводится община. Если семья или друзья мешают ему осуществлять миссию, возложенную на него организацией, он обязан дистанцироваться от них путем полного исключения очных и заочных контактов с ними. В результате распадаются семьи, разрушаются социальные связи, что впоследствии приводит его к маргинализации в обществе. Постоянный контроль со стороны правления секты и отрешенность от мира создает информационный вакуум, пребывание в котором способствует формированию нового удобного этой организации мировоззрения у человека,

Обращаясь непосредственно к анализу параправославных групп в Русской Православной Церкви, следует отметить их неоднородность. Для удобства анализа материала они были разделены на три группы: 1) параправославные организации, основанные епископатом или священством Русской Православной Церкви; 2) параправославные общины, основанные мирянами; 3) сектоподобные группы.

Наибольшую опасность для православного сообщества представляют оформленные раскольнические организации, во главе которых стоят бывшие или действующие лидеры в священном сане, полученном от Русской Православной Церкви. Среди них можно выделить: «Святейший Правительствующий Синод», «Апостольскую Православную Церковь», «Царскую Православную Церковь» и др. Одна часть общин полностью отделяет себя от Матери-Церкви

и создает альтернативные структуры, другая, наоборот, остается официально в лоне Русской Православной Церкви. Отождествление последних с православными приходами приводит к дискредитации РПЦ.

Особенностью первой группы является наличие закрытой системы жизнедеятельности общины с жестким административным аппаратом. В общинах могут применяться различные рычаги давления на своих adeptов. Одним из них является вера в непогрешимость главы секты. Также в общинах может быть сформирован полицейский аппарат, благодаря которому администрация может контролировать и насильно удерживать людей на их территории, используя методы запугивания или, наоборот, вводя человека в состояние эйфории.

Наиболее радикальным примером первой группы является Российская греко-кафолическая православная церковь, возглавляемая Эдуардом Агеевым именующим себя «архиеп. Сергием». Адепты секты живут на закрытой территории двух деревень — Терехи и Полеи Опочецкого района. В своих проповедях «архиеп. Сергей» и «священники» его общины призывают своих adeptов к отказу от российских паспортов, ИНН, товаров, содержащих штрих-код, электронных карт, потому что в них они усматривают наличие числа дьявола — 666.

«Мы по убеждениям не можем принять документ, в котором есть три шестерки. В Советском Союзе были верующие, которые не принимали советских паспортов с пентаграммой, ее наши святые не благословляют. “В официальной церкви же стали изгонять священников, которые не принимали ИНН, репрессии сейчас достигли пика”, — объясняет живущий при общине священник Михаил» [7].

Не рекомендуется пользоваться обычными лекарствами и вакцинами, потому что в них может содержаться печать антихриста. В общине действует жесткая дисциплина. Обращение администрации к рядовым членам происходит в форме приказов.

Деструктивная деятельность общины была предана огласке в результате публикаций частных статей, видеоматериалов и журналистского расследования, проведенного «Пятым каналом». В общине была обнаружена женщина с четырехлетним ребенком, сбежавшая из семьи в деревню к Эдуарду Агееву. Любящий муж долгое время разыскивал ее. Найти ее удалось благодаря небольшой записке, оставленной ей в квартире, где было название этой общины. На вопросы о малолетнем сыне его мать отвечала от его лица, что ему здесь нравится и в общине им хорошо. Однако, задав вопрос, что они кушали, другой несовершеннолетней девочке, бывшей ранее в секте, они услышали ответ: «Слегка вымытая вареная картошка, кипяток и соль. Больше ничего» [2]. Любая критика воспринимается агрессивно, особенно их председателя «архиеп. Сергия». В случае неповиновения adeptы могут быть изгнаны из секты [1].

«Архиеп. Сергей» много раз привлекался к уголовной ответственности, однако каждый раз при странных стечениях обстоятельств его отпускали. Известны прецеденты преступной деятельности агеевцев.

«Бывший член секты был вынужден искать свою жену и трех детей, которых спрятал Эдуард Агеев. Поводом стал выход мужчины из секты. Как утверждает

мужчина, через какое-то время к нему в дом вломились охранники Агеева, которые стали его избивать, а пришедшего на помощь друга — убили. Нападавших до сих пор ищут. При этом жену и детей мужчине удалось разыскать и вернуть из секты» [3].

Секты, организованные мирянами, имеют несколько схожие формы проявляемых деструкций. Сравнивая с ними клерикальные секты, можно отметить, что общины, основанные мирянами, имеют более высокий уровень отмежевания от католического православного вероучения. Священнослужители и епископы, создавая альтернативный административный аппарат, в его основу кладут опыт, приобретенный в Православной Церкви. Миряне, создающие свои религиозные общины, не стеснены церковной парадигмой, поэтому их учение может достигать полнейшего абсурда, вплоть до объявления своего лидера богом.

Одним из радикальных примеров такой параправославной секты является община «бога Кузи». Община была основана Андреем Юрьевичем Поповым, самовольно объявившим себя «священником» Русской Православной Церкви. В течение двух месяцев ему даже позволяли служить в церкви Московского патриархата, но после проверки изгнали оттуда. Через некоторое время он уже в сане «епископа» Русской Православной Церкви читал лекции в институте Почвоведения. Рост числа adeptов и амбиции лидера секты сподвигли его объявить себя «богом». Имя «Кузя» он взял от когда-то живущего у него попугая.

В секте была выстроена жесткая иерархия, во главе которой находился Попов в образе божества. Иерархия состояла из ближайшего круга — гарема, «воскресников» или «апостолов» — женщин, которые занимались организационной работой, а также «субботников» — кандидатов в гарем. «Бог Кузя» имел непререкаемый авторитет. Для установления большего влияния над adeptами Попов проводил мероприятия, которые назывались «выдрами». На них обсуждалась личная жизнь каждого из adeptов в самых мельчайших подробностях. «Особое внимание уделялось отношениям с родственниками, в особенности — причинам нестроения в них. По результатам Попов обычно заявлял, что необходимо прекратить все отношения» [8, с. 64]. Люди, которые не признавали божественность Кузи, были объявлены демонами, и любые контакты с ними были под запретом. В своих проповедях он склонял семейные пары к разводу, а детей — отдавать на воспитание бабушек и дедушек. Неподчинение «божественной» воле приводило к физическому наказанию.

«Потерпевшей Морозовой, согласно материалам дела, было нанесено более 150 ударов палкой по телу и голове. Остальных во время обрядов били не менее жестоко — палками, резиновым шлепанцем, плеткой, кожаным ремнем. Попов наносил им от 100 до 1200 ударов, — отметила гособвинитель» [9].

По факту возбуждения уголовного дела было выявлено большое количество противоправных действий: причинение вреда здоровью граждан, психологическое насилие и мошенничество.

Обманным путем adeptов бесплатно заставляли работать на православных ярмарках под видом приходов Русской Православной Церкви, собирающих помощь на восстановление церкви или монастыря. В ходе обысков были найдены

не менее 240 млн рублей, полученных путем вымогательства и мошенничества. Адепты секты помимо бесплатной работы на выставках отдавали движимое и недвижимое имущество в пользу «бога Кузи». Сильным аргументом для передачи наследства Попову была жертва богу. «Кому, кому? За что же им давать, если ему нужно давать... самому лучшему богу и человеку» [5].

Обращаясь к анализу сектоподобных групп, следует отметить сложность их выявления в церковной среде. Деструкции, проявляемые в них также достаточно схожи с предыдущими группами, однако имеют менее выраженные формы. К такого рода организациям можно отнести некоторые приходы Русской Православной Церкви, настоятель которых проповедует отличное от церковного мнение. Чаще всего расхождения происходят под влиянием эсхатологического алармизма, царебожия и других направлений параправославной мысли. Сектоподобные общины являются переходной формой от канонического подразделения традиционной Церкви к секте. Следует отметить, что до момента признания священноначалием общины сектой, приход остается в роли сектоподобной группы. Одним из примеров преодоления превращения общины в сектоподобную группу можно назвать приход села Никольское Угличского района Ярославской области, до 2000 г. возглавлявшийся схиигуменом Иоанном (Исаевым), скончавшимся в 2021 г. Его деятельность, как и деятельность подчинявшихся ему клириков, не имела открытого деструктивного характера, однако в проповедях присутствовали откровенные эсхатологизмы.

Скрытый алармизм на фоне скорейшего прихода Антихриста, неприятие идентификационных номеров и паспортов одновременно сочетался с жизнью по православному уставу и проповедью истинной христианской жизни. Непоминание патриарха на фоне активизации контактов между иерархией Православной и Католической Церквю привело к фактическому отделению никольской общины от Русской Православной Церкви. Однако вмешательство правящего архиерея разрешило ситуацию путем переговоров, после чего возношение имени предстоятеля Русской Православной Церкви было возобновлено. В результате развитие православного прихода в параправославную секту было предотвращено.

Таким образом, несмотря на христианское происхождение параправославных сект, деструкции в них могут проявляться в самых различных формах, притом в каждой группе общин они имеют свои особенности. Для первой группы характерно применение самых различных методов воздействия на человека: психического, физического, экономического и др. Отметим, что основанные священнослужителями группы в своих верованиях далеко не выходят за рамки церковной парадигмы, благодаря чему община еще остается в христианском русле.

Секты, основанные мирянами, не стеснены церковной парадигмой, поэтому формы их существования могут быть самыми крайними, вплоть до обожествления своего лидера. В результате в них может отмечаться применение самых изощренных методов влияния на своих адептов. В них может присутствовать физическое и психическое насилие, отсутствие христианской морали и откровенное отвержение христианских ценностей. Обращаясь к сектоподобным группам, следует отметить низкий уровень деструктивности ввиду ее переход-

ности от канонической структуры к секте. Особенностью ее является наличие скрытых алармистских и деструктивных посылов в проповедях и частных беседах настоятеля с прихожанами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беснование псковских раскольников. В секте «владыки» Сергия Агеева. [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.ru/video/preview/3832352051739984631> (дата обращения: 02.05.2025).
2. Бывший священник, лишенный сана, Эдуард Агеев. [Электронный ресурс] URL: <https://m.ok.ru/group/52886765895859/topic/154091383025075?ysclid=ma59t2sk6y54583531> (дата обращения: 02.05.2025).
3. Деятельность псковской секты стала предметом журналистского расследования. [Электронный ресурс] URL: <https://pskov.aif.ru/society/protivopozharnyy-rezhim-snyali-v-orocheskom-okruge> (дата обращения: 02.05.2025).
4. Краснова А. Г. Православное сектантство и раскольничество в свете духовной безопасности России. Новочеркасск: Лик, 2015. 168 с.
5. Налбадян Л. Трагические тайны секты «бога Кузи». [Электронный ресурс] URL: <https://consigliere-rpc.livejournal.com/2152154.html> (дата обращения: 08.05.2025).
6. Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия к клиру, приходским советам храмов Москвы, наместникам и настоятелям ставропигиальных монастырей на Епархиальном собрании 2007 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/356093.html> (дата обращения: 08.04.2025).
7. Савицкая Л. «Им выгодно, чтобы мы сидели». Основатель псковской общины «Непоминающих» о спецслужбах и РПЦ. [Электронный ресурс] URL: <https://mbk-news.ew.r.appspot.com/region/перомінаушхи/> (дата обращения: 02.05.2025).
8. Силантьев Р., Рагозин Ю. Парарасправославные секты в современной России. М.: «Снежный Ком М», 2021. 432 с.
9. Федотова Д. До 1200 ударов: в суде над «богом Кузей» запахло садо-мазо. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mk.ru/social/2018/01/11/do-1200-udarov-v-sude-nad-bogom-kuzey-zapakhlo-sadomazo.html?ysclid=maf4q7lz56374269194> (дата обращения: 08.05.2025).
10. Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. Л. О. Акопяна. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2020. 1056 с.

REFERENCES

1. *Besnovanie pskovskikh raskolnikov. V sekte "vladyki" Sergiia Ageeva.* [Demonic frenzy of the Pskov schismatics. In the sect of "Bishop" Sergei Ageev]. [Electronic resource] URL: <https://yandex.ru/video/preview/3832352051739984631> (accessed: 02.05.2025) (in Russian).
2. *Byvshii sviashchennik, lishennyi sana, Eduard Ageev* [Former priest defrocked, Eduard Ageev]. [Electronic resource] URL: <https://m.ok.ru/group/52886765895859/topic/154091383025075?ysclid=ma59t2sk6y54583531> (accessed: 02.05.2025) (in Russian).
3. *Deiatel'nost' pskovskoi sekty stala predmetom zhurnalistikskogo rassledovaniia* [The activities of the Pskov sect became the subject of a journalistic investigation]. [Electronic

resource] URL: <https://pskov.aif.ru/society/protivopozharnyy-rezhim-snyali-v-opocheckkom-okruge> (accessed: 02.05.2025) (in Russian).

4. Krasnova, A. G. *Pravoslavnoe sektantstvo i raskol'nichestvo v svete dukhovnoi bezopasnosti Rossii* [Orthodox sectarianism and schism in the context of Russia's spiritual security]. Novocherkassk, Lik Publ., 2015. 168 p. (in Russian).

5. Nalbadian, L. *Tragicheskie tainy sekty "boga Kuzi"* [The tragic secrets of the sect of "god Kuzya"]. [Electronic resource] URL: <https://consigliere-rpc.livejournal.com/2152154.html> (accessed: 08.05.2025) (in Russian).

6. *Obrashchenie Sviateishogo Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Aleksii k kliru, prikhodskim sovetam khramov Moskvy, namestnikam i nastoiatel'nitsam stavropigial'nykh monastyrei na Eparkhial'nom sobranii 2007 goda* [Address of His Holiness Patriarch Alexy of Moscow and All Rus' to the clergy, parish councils of Moscow churches, and heads of stauropegial monasteries at the Diocesan Assembly of 2007]. [Electronic resource] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/356093.html> (accessed: 08.04.2025) (in Russian).

7. Savitskaia, L. "Im vygodno, chtoby my sideli". Osnovatel' pskovskoi obshchiny "Nepominaiushchikh" o spetssluzhbakh i RPTs ["It benefits them that we remain imprisoned." The founder of the Pskov community of the "Non-commemorators" on the special services and the Russian Orthodox Church]. [Electronic resource] URL: <https://mbk-news.ew.r.appspot.com/region/nepominayushhi/> (accessed: 02.05.2025) (in Russian).

8. Silant'ev, R., Ragozin, Iu. *Parapravoslavnye sekty v sovremennoi Rossii* [Para-Orthodox sects in contemporary Russia]. Moscow: Snezhnyi Kom M Publ., 2021. 432 p. (in Russian).

9. Fedotova, D. *Do 1200 udarov: v sude nad "bogom Kuzei" zapakhlo sado-mazo* [Up to 1200 blows: the trial of "god Kuzya" takes on sadomasochistic overtones]. [Electronic resource] URL: <https://www.mk.ru/social/2018/01/11/do-1200-udarov-v-sude-nad-bogom-kuzey-zapakhlo-sadomazo.html?ysclid=maf4q7lz56374269194> (accessed: 08.05.2025) (in Russian).

10. Jaspers, K. *Obshchaia psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2020. 1056 p. (in Russian).

Мир культуры и культурология World of Culture and Culturology

2025

Том 2

Выпуск 3-4

Основан в 2010 г.

ISSN печатной версии: 2949-334X

ISSN электронной версии: 3034-5677

Выходит 4 раза в год

СОСТАВ РЕДАКЦИИ:

Главный редактор: Игорь Вадимович Кондаков

Зам. Главного редактора: Ольга Николаевна Астафьева

Выпускающий редактор: Марк Геннадьевич Тихомиров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Богатырев Дмитрий Кириллович, Докучаев Илья Игоревич, Ерохина Татьяна Иосифовна, Костина Анна Владимировна, Листвина Евгения Викторовна, Малыгина Ирина Викторовна, Светлов Роман Викторович, Сгибнева Ольга Ивановна, Сиднева Татьяна, Хлыщева Елена Владиславовна

СОСТАВ РЕДАКЦИИ:

Editor-in-Chief: Igor Kondakov

Editor: Olga Astafieva

Production Editor: Mark Tikhomirov

EDITIONAL BOARD:

Dmitry Bogatyrev, Ilya Dokuchaev, Tatiana Erochina, Anna Kostina, Evgenia Listvina, Irina Malygina, Roman Svetlov, Olga Sgibneva, Tatiana Sidneva, Elena Hlysheva

Разделы рубрикатора ГРНТИ:

13.07, 13.09, 13.11, 13.15, 13.17, 13.21, 13.51, 13.61

Названия постоянных разделов издания: прагматика культуры, теория культуры, региональные культурологические школы, прикладная культурология, история культуры, методология исследований культуры, теория культуры, мемуары, наши потери, обзоры, поздравления

Адрес редакции:

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
Наб. реки Фонтанки, 15. Санкт-Петербург, 191023

mkk@rhga.ru

<https://worldculture.su>

Подписано в печать 12.12.2025. Формат 70×100 1/16

Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,4. Тираж 500 экз.

Зак. № 1298

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134